

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 4 2022

Литературно-художественный журнал

16+

Ирина Китова. Калининград, 2022

Поэты Ирина Китова, Нина Ягодинцева,
детский писатель Ирина Данилова

**«...Писать о том, что волновало бы многих». Беседа с лауреатом
Международного литературного конкурса «Русский Гофман – 2022»
Ириной Китовой стр. 139**

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 4 2022

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)

САРАТОВ
2022

№ 4 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Николай ПОЛОТНЯНКО. Две жизни	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей ВАСИЛЕНКО. Римма и Марионелла	9
ПОЭТОГРАД	
Валентин НЕРВИН. По мере судьбы	25
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей МАНАЕВ. Молитва	29
ПОЭТОГРАД	
Дарья ИЛЬГОВА. Провинция	43
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Амир МАКОЕВ. Бог на ладонях	49
ПОЭТОГРАД	
Иван ПЕЧАВИН. Я в заволжском живу селе....	55
ОТРАЖЕНИЯ	
Олег КОРНИЕНКО. Афганец	60
ПОЭТОГРАД	
Александр ДИВЕЕВ. Цветы и вода	105
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Валерий РЫЖЕНКО. Два рассказа	110
ПОЭТОГРАД	
Сергей АНТИПОВ. Песочные часы	117
ОТРАЖЕНИЯ	
Глеб РУБАШКИН. Любитель чтения	120
ПОЭТОГРАД	
Борис ИВАНОВ. Нева, гранит и вечность....	126
СТАТЬИ	
Ирина ВОСТРИКОВА. Последний рыцарь русской литературы	130
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Алексей ГЕРАСИМОВ. «Добрые, яркие, талантливые люди...»	135
ИНТЕРВЬЮ	
«...Писать о том, что волновало бы многих»	139
СТАТЬИ	
Алексей МЕЛЬНИКОВ. Эзотерика чтения	145
РЕЦЕНЗИИ	
Эдуард АНАШКИН. «Талант народного мышления»	152
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ	
Элина САВЧЕНКО. Счастье — это когда тебя понимают....	155
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Юрий КАРГИН. Саратов в годы войны (Начало)	160

**Николай
ПОЛОТНЯНКО**

ДВЕ ЖИЗНИ

Что ждёт нас там,
в окаменевшем времени,
Когда мы все, избавившись от бремени
Законов, и привычек, и долгов,
Получим всепрощение грехов,
И обретём приют в Господней вечности,
И растворимся в человеческом числе,
Не догадавшись,
что мы были на Земле
Всего лишь мотыльками бесконечности?..

КЛУБОК СУДЬБЫ

Клубок размотан..
На остаток нити
Смотрю с недоумением – это всё?..
Не будет больше никаких событий.
Ещё чуть-чуть, и встанет колесо
Судьбы,
Что прокатилось по Земле
И растворилось в непроглядной мгле
Минувшего...

-
- Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в Алтайском крае. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первая поэтическая публикация состоялась в 1968 году в газете «Омская правда». С 1973 года писатель живёт в Ульяновске. Автор романов: «Государев наместник», «Жертва сладости немецкой», «Бесстыжий остров», «Загон для отверженных», «Счастлив посмертно», «Клад Емельяна Пугачёва», «Атаман вся гулевой Руси», «Минувшего лепет и шелест», «Всё где-то решено»; комедии «Симбирский греховодник», а также поэтических сборников: «Братина», «Просёлок», «Круги земные», «Журавлиный оклик», «Русское зарево», «Бунт совести», «Судьба России» и других. С 2006 года – главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». В 2008 году был награждён Всероссийской литературной премией имени И. А. Гончарова, в 2011 году – медалью имени Н. М. Карамзина, в 2014 году – орденом Достоевского 1-й степени. Лауреат литературной премии имени Н. Благова (2016).

Я был... и никогда не буду?..
Неведомо.
И не хочу мечтать.
Одно лишь ясно: ждёт меня повсюду
Забвенье в вечности
Как Божья благодать.

ВСЁ СКАЗАНО

Всё сказано как будто. И вокруг
Всё выше чёрный занавес молчанья.
И нет, наверно, нестерпимей мук,
Чем ждать, когда падёт он, и сиянье
Погасшую надежду освятит,
И голосом державного звучанья
Поэта гений скорбно возгласит:

– Пора нам всем по правде жить, пора.
Мы на Земле хозяева – не гости.
Но в руки распростёртые добра
Слепое зло опять вбивает гвозди.

Давно пора нам с чистого листа
Начать всем жить по совести прощенья.
Но до сих пор не снят
Господь с креста
И равнодушны мы к его мученьям.

ПИСАТЕЛЬ ИВАН ГОНЧАРОВ

Не первый год ищу я ключик-слово,
Чтоб разгадать загадку Гончарова.

Он для меня таинственен своей
И мудростью, и глубиной прозренья
В характер русский, что до наших дней
Живёт в неспешной части поколенья,
На коем Русь державная стоит,
Пока другая часть волнуется, шумит,
На митингах поклоны бьёт свободе
И на словах болеет о народе...

Нет смысла в торопливости пустой.
И я слова нашёл – «живой покой».
Вот чем писатель русский был насыщен
И поделился с каждым, кто очищен
От суеты, и зависти, и лжи
Покоем русской мировой души
В своём «Обломове»...

Его прозренья мощь
Всегда была великой русской силой.
Покоем Божиим Русь себя хранила.
И никакая Западная ночь
Над волжскими не встанет берегами,
Коль Гончаров всегда пребудет с нами.

КУКУШКА

Таёжный Шиш, ты всё бежишь
И день и ночь в краю болотном,
Чтоб напитать собой Иртыш –
Он оскудел водой сегодня.

И только избы на столбах
Напоминают мне про диво,
Как Шиш качал их на волнах
Во время вешнего разлива.

Тому уж семь десятков лет
Прошло, когда я, семилетний,
С рекой дружил. Порою летней
Спешил на встречу с ней чуть свет.

Ручьём июльская водица
Текла из венгеря. И язь
В нём начинал о прутья биться.
Но так везло не всякий раз.

Порой вдоль бона тянешь леску
Из дратвы с ложечной блесной,
На самодельную железку
«Клюёт» лишь только лес сплавной.

Учился бегать я по мели,
По утлым брёвнышкам в воде.
Срывался, падал и от боли
Скрипел зубами в лебеде,

Где, расстелив штаны на сушку,
Сидел, озябнув, нагишом
И слушал вдовую кукушку,
Что куковала за Шишом.

Всё выше солнышко всходило.
Иссяк кукушечий запас.
О чём она мне ворожила,
Я понимаю лишь сейчас.

Что проживу я лет немало.
Утрачу родину-страну,
Но не предаю её начала
И не прощу себе вину,

Что не отдал себя Отчизне,
Когда пришёл решенья час.
И дело тут не в коммунизме,
А в Правде, что лишили нас...

Таёжный Шиш, ты всё бежишь
И день и ночь в краю болотном,
Чтоб напитать собой Иртыш –
Он оскудел водой сегодня.

МОРОЗ

Неспешно дожил я до февраля.
В окошко глянул – милая погода.
За город на просторные поля
Метель умчалась – там её свобода.
Она рои гоняет белых мух,
Сбивает их в упругие сугробы
И на постель Морозу стелет пух
Из снега самой нежной пробы.

Метель в полях кружится и зовёт
Луну скорей в потёмках раствориться.
Но сон к Морозу так и не идёт,
Никак не может он уgomониться –
То мышка пискнет глубоко в снегу,
То филин разразится жутким смехом.
Как будто сговорились старику
Устроить хулиганскую потеху.

Куда ни повернётся, всё не так.
Давно уже такого не случалось.
Пока дремал он, снег вокруг размяк –
Знать, оттепель внезапная подкралась.
Мокры уже усы и борода..
Но от беды есть верное спасенье:
Пора морозить всё, не то вода
Затопит по-весеннему селенья.

И встал Мороз в свой исполинский рост,
Рукой к звезде Полярной прикоснулся –
И холод всё пронзил вокруг насквозь.
Он лёг в сугроб и сладко потянулся.

СТОЛЕТНИЙ СЛЕД

Иду я по первой пороше
И вижу мерцающий след,
Который оставил прохожий
Тому, может быть, сотню лет.
И рядом мерцают другие
Следы прежде живших людей.
Они не ушли из России
И мирно покоятся в ней.

Остались всего лишь мерцанья
От них на пушистом снегу.
Но мне так близки их исканья,
Что выпали им на веку.
Нашли или нет они счастье,
Не знаю, но верю, что их
Такие же мучили страсти,
Что мучают всех нас, живых.

Я их, не дошедших до рая,
Что Ленин нам всем обещал,
За то лишь в стихах прославляю,
Что каждый о счастье мечтал
Не только своём, но и общем
Для всех работающих людей.
Что жизнь станет чище и проще
В правдивой основе своей.

Иду я по первой пороше
И вижу мерцающий след,
Который оставил прохожий
Тому, может быть, сотню лет.

ОБЛАКА

Прекрасны утром облака,
Чуть позлащённые восходом.
На всё взирая свысока,
Они идут степенным ходом,
Надежд живые корабли,
Куда-то вдаль, в миры иные,
Идут над страждущей Россией.
Небесным странникам вослед
Мы жадно устремляем взоры.
Давно в России мира нет,
Везде воинственные споры
О Правде, скоро тыщу лет.
И не найдём никак опоры,
Чтоб устоять в пучине бед.

И облака, мрачней, видят,
Как все друг друга ненавидят.
И грозно хмурятся в ответ,
И заслоняют Божий свет.
И в темноте, сбиваясь в тучи,
Преображаются в могучих
Коней, и всадники на них
В сиянье копий грозových
По небу скачут с громыханьем,
Грома швыряют с завываньем...
Настал судьбы последний час.
И все умершие восстали.
И все живые в бездну пали.
И нет спасения для нас.
И не одна чреда эпох
Пройдёт, пока возжаждет снова
Единый и Всесильный Бог
Произнести творенья Слово.

ДВЕ ЖИЗНИ

Я опять попытаюсь узнать, кто я есть,
Почему моя жизнь ни на чью не похожа.
Только выпадет снег, словно добрая весть,
Я пройду непременно по первой пороше.

С этой мыслью я шёл по ней лет в двадцать пять,
В первый раз, когда всё, во что верил, пропало.
И решал: то ль пришла мне пора умирать,
То ли, с духом собравшись, начать всё сначала.

День был ясен. Сверкали под солнцем снега.
И ни звука вокруг, никакого движенья.
И внезапно во мне прозвучала о Боге строка...
Так случилось моё как поэта рожденье.

Я обрёл в этот миг, что, не зная об этом, искал,
Что вошло в мою душу сиянием дивного света.
И две жизни прожил, две судьбы испытал –
Человека земли и летящего к звёздам поэта.

**Алексей
ВАСИЛЕНКО**

РИММА И МАРИОНЕЛЛА

1

Лётчик всего несколько минут назад с трудом вывернулся из боя с русскими истребителями. Над бескрайней, бесконечной степью шёл он, прижимаясь к земле, вдоль едва заметной полосы, которая была чуть желтее и серее окружающей снежной целины. Эти русские называют такие полосы дорогами. И если он правильно всё понимает, то скоро выйдет на свой аэродром с почти пустым баком и практически полностью израсходованным боезапасом. А поскольку что-то осталось, вполне можно пополнить счёт вон тем грузовым автомобилем, который издали уже услышал его, Ганса, голос, его нарастающий рёв и выжимает остатки последних своих слабеньких сил, чтобы уйти от преследования. Ха! В открытом пространстве? Это тебе не леса какие-нибудь, не горы!

Ганс Оберхофф, опытный ас, взял машину в перекрестье, нажал гашетку и был необычайно удивлён тем, что трасса очереди прошла впереди машины, резко остановившейся как раз в момент выстрела. Ну, ты хочешь поиграть?! Ганс резко ушёл влево, на новый заход. Усмехнулся, увидев на подлёте: грузовичок тоже зачем-то развернулся и стоял покорно, ожидая конца. Оберхофф в какой-то момент даже, как ему показалось, почувствовал, как трясся в нервной дрожи взволнованный предстоящей гибелью мотор. Так маленький, но уже знающий, что такое опасность, щенок стоит, растопырив все свои лапы, встречая злого незнакомца. На всякий случай он всё же виляет хвостом, стараясь показать чужаку свою покорность судьбе, а у самого поджилки трясутся мелкой и частой дрожью в предчувствии гибели... Ну что ж, прощай, мой дорогой!

-
- Алексей Юрьевич Василенко родился в 1938 году в г. Тбилиси. Окончил филологический факультет Ереванского университета в 1960 году, сценарный факультет ВГИКа. Работал литсотрудником пограничной газеты «На боевом посту». С 1967 года – редактор, затем старший редактор на радио, главный редактор, курировавший подготовку передач для Всесоюзного радио и Центрального телевидения. С 1991 года живёт в Костроме. Работал заместителем председателя Костромского телерадиокомитета. С 2009 по 2012 годы – главный редактор литературно-художественного журнала «Кострома литературная». Автор цикла видеofilьмов «Земля костромская», «Земляки», телеальманаха «Мгновения культуры», цикла видеонovelл «Один день войны» и «XX век. Россия. Кострома». Прозаик, автор многих книг. Член Союза журналистов РФ, Союза писателей РФ.

На сей раз пилот, уже убедившись в отсутствии в машине пулемёта и даже русских солдат с их нелепыми длинными допотопными ружьями, перешёл почти на бреющий полёт и прицелился тщательнее. Но очередь вновь прошла мимо, потому что водитель рванул машину навстречу близкой смерти и вдруг резко свернул на какое-то ответвление дороги. Обманул! Его, Ганса Оберхоффа! Он выругался, сгоряча хотел было зайти снова, но сумел подавить в себе это неудержимое желание: стрелять больше практически нечем, а с горючим, особенно после заходов на эту дурацкую пустую машину, и вовсе плохо. Надо же было так заиграться! И он полетел дальше, уже точно зная, что через несколько минут может не дотянуть до своих. Тогда... Что – тогда? Его самолёт рухнет на землю. Сам Оберхофф успеет, конечно, набрать высоту и выпрыгнет. Это – наверняка. А вот дальше... В этой бескрайней снежной пустыне продолжения могло быть только два: в первом случае он попадёт в плен, во втором – его никто не обнаружит, и тогда шансы выбраться отсюда приравняются к нулю. Он замёрзнет, окаменевший его труп пролежит до весны... Так что неизвестно, какое продолжение хуже...

...А Степаныч проводил немца взглядом, вздохнул тяжело, утёр лицо от струившегося пота. Сидевший рядом пожилой солдат-попутчик посоветовал:

– Закурил бы..

Опытный фронтовой водитель Пётр Степаныч, двадцати лет от роду, принахмурил выгоревшие брови, похлопал такими же белёсыми ресницами, обдумывая совет не спеша, потом всё же снизошёл до ответа:

– Не-а... Не курю. И тебе, дед, не советую. Дольше проживём.

Солдат неожиданно коротко усмехнулся. Шофёр спросил удивлённо:

– Ты чего?

– «Дольше проживём»! Лихо это у тебя получается... А ведь жизнь-то сейчас могла у нас закончиться. Или ещё через пару минут вполне может очередной фашист налететь, так он тоже смотреть не будет, курим мы или нет... А вообще-то я тоже не курю. С детства. Как попробовал, так и не начал.

– Ну вот! А мне говоришь! Ничего, нам бы только до развилки на Беляево добраться, там хоть какая-никакая зениточка-то есть или пара. Девчонки из них отстреливаются от самолётов, отпугивают. А ещё там овражки есть, укрыться можно. Да и вообще: стемнеет скоро, а по ночам-то они не очень любят на нас охотиться... Так что – вперёд!

Рядовой Коробков под ровное урчание мотора снова притих, поглядывая на доступную ему картину спереди и справа. Увидеть что-то в бесконечном пространстве, где в утомительной белизне сливаются воедино земля и небо, он и не надеялся. Просто от едва различимой линии горизонта можно было ждать какой-нибудь пакости вроде проскочившего недавно немца. Что ему был этот наш пустой грузовичок? Так нет же: две очереди – пожалел! А мы живы. Всё хорошо. Всё хорошо...

Ощущение смертельной опасности, так и не наступившее его во время налёта, всё же запоздало охватило: тело напряглось, по ногам пробежала дрожь... Нет уж, Сергей Иванович, возьмите себя в руки, будьте так любезны! Вспомните что-нибудь. «...По дороге длинной, скучной тройка борзая бежит, колокольчик однозвучный...» Боже мой, какой чепухой занимаетесь, рядовой Коробков! Забудьте про стихи, про музыку, про то, что существовал где-то и когда-то целый огромный мир вашей любимой профессии, в кото-

рой вы жили и осваивали её гигантские пространства, а в истории действительно пространства времени бесконечны... Сейчас ваше дело – солдатское, рядовой Коробков. Приказано ехать – есть! Приказано доставить – есть! А все эти мерехлюндии о давних событиях, потрясших человечество, о завоевателях и противостоявших им полководцах и героях – всё это сейчас, рядовой Коробков, не имеет никакого значения. Сегодня история вокруг вас творится. Собственно, она всегда происходит тогда, когда мы живём. Только есть в истории спокойные течения, которых мы обычно не замечаем, просто живём, отдаваясь потоку времени, а есть и всякие завихрения, флуктуации, есть исторические катаклизмы, во время которых каждый начинает понимать, что становится не просто свидетелем, но и вольным или невольным участником событий, которые непременно останутся в истории. И вот тогда каждая встреча непредсказуема. Случайный разговор может оказаться разговором с будущим героем, а какой-то поступок, например, может эту самую историю повернуть. Никогда не угадаешь. Мы все сейчас, как это напыщенно ни звучит, – частички нынешнего огромного бедствия и огромного героизма, от нас не зависит ничего и в то же время зависит всё. Беснуется порой История, само существование которой зависит от того, как поведут себя люди. Каждый в отдельности, каждый для себя, для своей совести. И вот в этом вихре надо уметь устоять. Не физически, нет! Хотя и это может иметь огромное значение. Но главное – устоять духом. Впрочем... И вот такие размышления (ах, о времени и о себе!) в момент, когда нужно поглядывать на небо, это – интеллигентщина, каша-размазня. Следи-ка лучше за горизонтом, Сергей Иванович!

На такие размышления как-то исподволь, незаметно наложилось непонятное мычание, не сливавшееся с монотонным звучанием мотора. Коробков прислушался, понял: Степаныч поёт. Негромко поёт, рта не открывая, поскольку врождённая или воспитанная деликатность не позволяла ему мешать глубоко задумавшемуся попутчику. Нарочно зашевелился, давая понять, что слышит пение. Спросил:

– Что это – песня? Что-то никогда не слышал такую мелодию...

Водитель улыбнулся:

– Старая. Её у нас в Нерехте бабы пели. Народ наш певучий. Веселиться так веселиться, а уж если взгрустнётся – так про несчастную любовь поют да вот эту самую песню про войну. Про ту, про давнишнюю...

– Спой, а? Со словами. Пожалуйста!

Степаныч на секунду прикрыл глаза, соглашаясь, и замер, уже не отрываясь от дороги. Начал тихо, так же, как пел до того, но на этот раз это была песня.

*– ...Из-за гор из-за Карпатских,
Посреди огромных скал
Пробирался ночью тёмной
Санитарный наш отряд.
За повозкой шла повозка,
На повозках – красный крест,
Из повозок слышны стоны:
– Братцы, скоро ли конец?
– Погодите, потерпите, –
Отвечала им сестра,
А сама едва шагала,
Вся измучена была...*

2

...Уже темнело, когда появились первые признаки человеческого присутствия в этой степи: какие-то ответвления от дороги, чахлые кусты и пара деревьев, строения, явно штабная машина навстречу, проверка документов, человеческие фигуры в сумерках. Остановились передохнуть. Степаныч поел быстрее спутника, потянулся:

– Вот теперь, батя, извини, но я минуток хотя бы шестьдесят покомарю, а то ещё всю ночь, пожалуй, ехать придётся. А ты и в дороге отоспаться сможешь. Часики-то есть у тебя?

Часики были. Карманные, мозеровские, от тех ещё времён, а оттого и ходившие очень точно. Водитель поёрзал внутри своего ватника, натянул ушанку на глаза, спрятал шершавые, заскорузлые руки в карманы, прижался в углу и затих, мгновенно засопел, а ещё через минуту разболтанную кабину, продуваемую всеми морозными ветрами, наполнил здоровый храп здорового молодого мужика, нормально выполнившего свою работу.

Коробков вылез и стал ходить вдоль машины взад-вперёд. В этой глухой тишине, когда уши будто заложили ватой, не прослушивался ни далёкий фронт, ни ночные бомбардировщики не гудели с натугой, везя неторопливо свой груз, от которого вскоре окончатся чьи-то жизни. Не было слышно и голосов. Замерло всё. Только в ушах всё звучало: «Из-за гор из-за Карпатских...» А мороз прихватил уже пальцы ног и рук, и нужно ходить и ходить, пританцовывая и колотя себя по бокам и ногам, чтоб заставить кровь бежать быстрее.

Приблизился тёмный силуэт. Красноармеец. Голос простуженный, но чувствуется, что лет солдатику совсем немного:

– Здравия желаю! Мне комендантские сказали, что ваша машина в сторону Сталинграда пойдёт. Не подвезёте по пути? Мне тоже туда, в том направлении, в свою часть.

– Не я решаю, голубчик. Тут у нас за старшего... (улыбнулся про себя) младший сержант Петров, шофёр, да спит он...

– И долго будет?

– Сказал – через час поднять. Так что гуляй пока, парень, попозже подойдёшь. Зовут-то тебя как?

– Марионелла.

– Что-о? Так ты... Ладно, извини, дочка, слишком уж неожиданно было. А имя у тебя, надо сказать, древнее, красивое, необычное. Только правильно говорить надо – Марионилла, как в старинном месяцеслове.

– Так уж записали. Отец оригиналом был.

– Почему «был»? Он – что...

– Да нет, просто расстались они с мамой, а потом и отчим появился...

– Ну да ладно. Знаешь, что имя твоё означает? Морячка. Морская дева. Здесь-то что делаешь, вдали от моря?

– Я же санинструктор...

(Коробков даже поёжился от пробежавшего по спине озноба – неожиданность, совпадение: песня и эта... Марионелла...)

– Раненых сопровождала, отвозила в госпиталь. Да вот на обратном пути застряла здесь, осталась одна.

– Что так?

– Машину разбомбили, водитель погиб. Даже не посмотрели, что на машине красный крест... Эх, да что там! Конечно, смотрели, не могли не видеть! Эту веру в Красный крест, видно, только нам внушали, а фаши-

стам наплевать: красный не красный... Хорошо хоть раненых сдали до того. И сюда мы ещё долго добирались.

– А зенитки здешние что же?

– А когда мы подъехали сюда, узнала я, что поблизости девчачья зенитная батарея стоит. Думаю: схожу, познакомлюсь, посмотрю, как живут. Сходила. Посмотрела... Пока шла, а тропа по снегу метров триста, а снег, сами знаете, какой: глубокий, уже сырой, весна близко, – и тут сигнал воздушной тревоги, в рельсу или железку какую-то заколотили. Я даже не успела сообразить, куда лучше бежать – к машине или на батарею. Впереди зенитки огонь открыли, сзади взрывы... Потом эти гады высыпали бомбы на батарею, лес чёрный поднялся, пошли на новый круг. Слышу, девчонки кричат и стреляют, визжат и стреляют... Не останавливаясь стреляют. Один «юнкерс», вроде, зацепили, отвернул он и ушёл. А другой всё-таки накрыл батарею... Какие-то железины, куски досок, комья земли. Чья-то рука оторванная упала почти рядом со мной, а пальцы ещё пытались что-то ухватить, удержаться... Это очень страшно, настолько страшно, что я перестала себя контролировать, схватила эту руку и побежала туда, будто я могу успеть её приставить на место!

...Там уже ничего и почти никого не осталось. Только одну зенитчицу удалось перевязать. Только она одна осталась не разорванной взрывом, а целой. А по тропе бегут ещё люди. Я машу им: сюда, скорей – они бегут, падают, снова бегут... Да только зря это всё. Когда подбежали, даже та зенитчица, которую я смогла перевязать, уже умерла. Когда я возле неё была, её будто завели – кровь пузырями изо рта, а она всё пыталась говорить, но всё время повторяла только:

– Ньюра я... Ньюра...

Она быстро умерла. И такое опустошение наступило! Иду назад, ничего не вижу, ничего не соображаю... Прихожу – машины нашей нет, на месте её – воронка... А от Нефёдова и следа не осталось. Вот так и застряла здесь на сутки.

Коробков оглянулся на грузовик. Дверца была приоткрыта. Степаныч, видно, давно уже проснулся. Он сидел неподвижно и слушал, дышал тяжело. Когда наступила пауза, сказал, вздохнув протяжно:

– Э-эх... ну что, братья-славяне? Будем жить дальше! Давай, санинструктор, пристраивайся, садись, всё теплее будет. Поехали!

Ночная дорога обычно умиротворяет, убаюкивает, а если не спится или по каким-то причинам не должен спать человек, его тянет на откровения, на разговор душевный с людьми едва знакомыми, одолевает желание рассказать что-то: что или долго удерживалось в тебе и ты не позволял этому «что-то» вырваться, или уж вообще потаённое, потому как знаешь: разговор-то только до первой развилки или до узловой станции. И закончатся эти минуты душевной близости и открытости, и останутся лишь глубоко в недрах памяти тусклый ночной фонарь в вагоне да силуэты собеседников. Или вот как сейчас... Долго ли сохранятся в воспоминаниях ровный гул мотора, время от времени прерываемый подвываниями; молчаливый Степаныч, для которого дорога эта, будь она трижды неладна, лишена любой романтики, это его такая военная работа: ехать и возвращаться, ехать почти наугад, в едва различимом свете лова признаки дороги. А они, эти признаки, в двух метрах и то не видны, потому что на фары нацеплены жестяные маскировочные футляры с узкими прорезями и козырьком, не позволяющим свету идти вверх, к небу, к возможным ночным самолётам. Вот и едешь: два метра, ещё два метра... А смахнуться с дороги – запросто: кругом снега, снега, все неровности засыпало, чуть в сторону – и застрянешь

здесь неизвестно насколько. Да и когда рассветёт – никакой гарантии, что удастся выбраться без помощи: дорога-то окольная, не рокада какая-нибудь, где всё время машины да танки шастают. Вот потому и сержант в разговоре не участвует, не смотрит на попутчиков, только слушает. А разговор тянется уже давно. От погибших зенитчиц ушёл он, хотя... это как посмотреть. Тема осталась той же. Коробков спросил, почему девушка оказалась на фронте, а сейчас едет туда, где, судя по всему, будет очень жарко. Спросил и сразу же пожалел, потому что ответ услышал, по всей вероятности, хорошо продуманный, а может быть, вопрос задавался случайной попутчице уже много раз, поэтому ответ прозвучал твёрдо и уверенно. Ответ – вопрос:

– А вы считаете – я не такая же, как тысячи и тысячи других?

Резкость смутила Коробкова. Ещё там во время остановки он сумел разглядеть, что собеседница его очень красива, и совсем её не портила короткая мальчишечья причёска. Именно потому он всё же сказал, чуть помедлив:

– Вы знаете, я убеждён в том, что война – это только мужская работа, не женское это... Ваше дело – дом и очаг сохранять, а если взять пошире – сохранить народ, нацию, вырастить новые поколения вместо погибших. Я могу оценить благородство порыва, желание помочь стране, Родине, но... Подумайте, сколько людей недосчитается планета только от одной бомбёжки только одной зенитной батареи, посчитайте детей, которые могли бы родиться и тоже родить детей, а те – тоже... Бесконечная цепь, которая грубо оборвана железкой, начинённой смертью! Я историк, я привык нырять в волны времени, мне это как-то проще... увидеть. И знаете, о чём я сейчас мечтаю? Вот если бы все люди могли бы себе это представить – ярко и наглядно! Вы понимаете? Тогда и войн никогда бы не было.

Марионелла молчала долго, собираясь с мыслями. Потом всё же ответила:

– Во многом вы, конечно, правы. Я тоже думала об этом. Я очень точно, как многие, чувствовала, что война скоро будет. И даже знала – с кем. А потому и спортом занималась, и стреляла... ГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок»... А что касается того, о чём вы говорили, так у меня и сынишка есть. Ему ещё нет года, маленький совсем, сейчас он с мамой моей... Но всё равно: представить последствия войны – это утопия. Помните, как Павка Корчагин говорил? Про жизнь, которая даётся один лишь раз, а поэтому прожить её нужно так, чтобы стыдно не было за то, как ты её прожил...

Сергей Иванович резко повернулся, чуть отстранившись, будто надеясь в этой тьме разглядеть лицо собеседницы. Последняя фраза поразила его, мгновенно бросила в не такое уж далёкое прошлое...

– Что-о? Не может быть! Павка Корчагин – это кто такой?

– А вы не знаете? Это – из книги. Её написал после Гражданской войны комсомолец-кавалерист. О своей жизни и о том, как он боролся со смертью. «Как закалялась сталь» называется... Вы что, не читали?!

– Да-да... знаете, как-то... Я же, как, наверно, заметили, человек не такой уж молодой, до войны наукой занимался, читал невероятно много всяких книг, а вот до нынешней литературы, как говорится, руки не доходили...

– И напрасно. На этой книге мы выросли, те самые, которые сейчас на фронте... А вы предлагаете мне спрятаться в тылу во имя будущих поколений? И не думаете о том, что если мы все – понимаете, все! – не будем защищать свой дом, то о будущих поколениях уже, может быть, и не придётся говорить!

Степаньч прервал своё долгое молчание:

– Верно говоришь, санинструктор! Может, я чего-то и не понимаю... Но то, что понимаю, понимаю вот так... – почувствовав нескладность ска-

занного, запнулся, потом продолжил: – Здесь попроще бы надо. Я жил. Спокойно жил, никого не трогал, ничьи поле-сад-огород не хотел забрать себе, дом разрушить; сам на земле устраивался, как мог, ни у кого совета не спрашивал, сам свой дом обустроивал... А вдруг приходит кто-то. И ломится в дверь, врывается ко мне, кричит, что я неправильный человек. Собственно, и не человек вовсе! Так, что-то непонятное... А потому должен ему сдать-ся, на него должен работать. И останешься в живых, если согласишься, если станешь жить по-другому. Но пусть он хоть золотые горы обещает, я вижу, что я так жить не хочу, что навряд я вообще жить буду... Что ж я должен делать? Раздумывать? Покориться? Не-эт, не по-русски это! Я сразу – в морду! А ещё лучше – за топор. И вот теперь мой топор – моя машина. Вот моё место – фронт.

– Ну, я тоже на фронте, знаете ли... Я ведь не об этом... А что до книги – так меня не сама мысль поразила, а удивительное совпадение мыслей. Примерно так писал в письме один человек... Человек тоже двадцатилетний, только тогда он был чуть постарше этого Корчагина. И они, мне кажется, вполне могли бы совершать свои подвиги в одном строю. Только судьба, только история рассудила иначе...

3

...Когда наступила пауза в бесконечной ежедневной круговерти, Казимир Альбинович приказал подать чаю. Денщик этот злосчастный чай заварил плохо. «Пахло сеном над лугами»... Но полковник прекрасно понимал, что тут ничего не попишешь, а ля гер ком а ля гер, как говорится. Слава Тебе, Господи, что хоть самовар цел остался в бесконечных переездах!

Потом щёлкнул крышкой своего «мозера». Пора к делам. Просмотрел бумаги. Несколько дней рапорты были спокойными, в начальствующем штабе тоже не чувствовалось напряжения. 83-й пехотный Самурский полк, с давней и прочной репутацией одного из лучших в русской армии, крепко стоял на исторически родной Казимиру Альбиновичу Стефановичу польской земле, и пока не было ясно – будет ли наступление или придётся зарываться в эту землю, загораживаться колючей проволокой и прочими военными штучками. Уже несколько раз над позициями появлялись аэропланы, которые, вероятно, вели разведку, так что пауза, скорее всего, не будет долгой.

Полковник взял другую папку, где лежали немногочисленные прошения. Одно он отложил в сторону, заинтересовавшись подателем и сразу не подписав бумагу. Позвал адъютанта.

- Тут прошение какого-то Иванова о добровольном зачислении. Где он?
- С утра ждёт-с, господин полковник.
- Зови.

Вошёл мешковато одетый парнишка. Представился:

– Иванов Римма Михайлович, 1895 года рождения. Прошу зачислить меня на действительную военную службу.

- Из дворян?
- Духовного сословия, господин полковник!

Казимир Альбинович вглядывался в лицо добровольца, и что-то знакомое мерещилось ему в этом румянце, крутых бровях и упрямом подбородке. Вообще-то в полку личного состава после недавних боёв был недостаток, и в другом случае полковник вообще подписал бы прошение не глядя. Но что-то его зацепило...

- Почему имя женское?

– Никак нет, господин полковник! Батюшка мой, он в консистории служит, говаривал не раз, что имя Римма в святцах значится как мужское, что так звали одного из учеников Святого Андрея Первозванного. А ещё числятся там как мужские имена Инна и Пинна..

Лицо Стефановича вдруг прояснилось: ну конечно, консистория! Ведь Ставрополь же!

– Вы из Ставрополя?

Вопрос застал добровольца врасплох:

– Да-да-а... Но я не указывал... Откуда вы знаете?

Полковник буквально физически почувствовал нарастание гнева:

– Это не я, а вы прекрасно знаете, что полк наш квартировался в Ставрополе довольно долго, вы много раз видели меня на смотрах и парадах, вы знали и то, что полк на хорошем счету у Государя Императора. Я сам никогда не видел, но мне докладывали о вас, мадемуазель, о том, что вы постоянно посещаете полковой музей, берёте книги в полковой библиотеке...

– За мной следили? – с некоторым вызовом спросила девушка.

– Разумеется. Даже в мирное время, ещё до выстрела в Сараеве, любая воинская часть всегда должна держать под наблюдением лиц, регулярно контактирующих с военнослужащими. Это обязанность контрразведчиков. В вашем случае не было замечено ничего предосудительного или, не дай Бог, опасного. Отметим ваш интерес к военной истории. Так что, как видите, я вспомнил о вас немало. Вы же учились в ставропольской Ольгинской женской гимназии, не так ли? Навели справки и там. В заведённое дело, кстати, лёг и красочный рассказ о том, как вы лично бросились в пруд, чтобы спасти тонущего гимназиста, и таки вытащили его... Любовь?

– Никак нет. Случайный мальчик. Мы с подругами в парке гуляли...

– И больше никого не нашлось спасателей?

– Он поскользнулся и упал. Плавать не умел, сразу стал тонуть.

– Так что, как видите, я вспомнил о вас немало.

В комнате повисло долгое молчание. Полковник бесцельно перекидывал на столе бумаги.

– Так как же мне с вами поступить, сударыня?..

Коробков рассказывал, а Марионелла словно на киноэкране представляла себе и девушку, и пожилого усатого полковника, продолжавшего задавать вопросы. И слышала ответы Риммы. Говорила она об отце – казначее Ставропольской консистории, человеке мягком и добром, души не чаявшем в дочери, соглашавшемся со всеми её иногда несколько авантурными планами. О матери. Звучание её девичьей фамилии – Данишевская – произвело заметно благоприятное впечатление на Стефановича, который тут же попытался узнать родословную её, но интерес его охладел, когда он узнал, что мать Риммы имеет в предках не пана-шляхтича, а простого польского солдата. Дотошно вернулся полковник к имени Римма: понятно, что крестили её в день (как, кстати, и в любой день года), когда поминаются в месяце-слове имена многих святых, священномучеников, мучеников, праведников... Почему же отец всё-таки выбрал из многих имён именно мужское для своей дочери? А к тому же (если давние познания в древнегреческом не подведут) означающее нечто брошенное, заброшенное! Да, естественно, полковник отлично знал об особом отношении на Ставрополье к Андрею Первозванному, проповедовавшему в незапамятные времена в этих краях, и к его ученикам, которые погибали за веру здесь, на Юге нынешней России. Но всё же, но всё же...

– Так этот полковник пожалел её? Оставил?

– Если бы пожалел, то не оставил бы.. А тут Римма рассказала, что летом, как только война началась, она было направилась записываться добровольцем. Отец отговорил: ты же, мол, ничего не умеешь, какая от тебя польза. И они с матерью посоветовали ей пойти на краткосрочные курсы сестёр милосердия, которые она успешно закончила и уже в сентябре начала работать в епархиальном госпитале. Проработала там до конца года. Вначале раненых было не так уж много, но в октябре война будто открыла смертельный шлюз: с фронта пошёл непрерывный кровавый поток изуверченных людей. Она работала иногда круглосуточно, умудряясь ещё запоминать специфические приёмы врачей, фельдшеров. Научилась очень многому, узнала изнанку этой благородной работы.. Э, да что я говорю! Ведь вы же тоже всё это знаете – и кровь, и ампутации, и гной. Вам это объяснять не надо. Но одна фраза, часто повторявшаяся хирургами, постоянно билась у неё в голове. Они говорили о том, что многих смертей и тяжёлых осложнений можно было избежать. Нужно для этого только одно: оказать первую помощь как можно раньше, лучше всего, если на поле боя. И Римма Иванова решила, что её место – именно там, на передовой.

И вот когда она рассказала об этом, тут-то полковник и нашёл компромиссное решение. Он позволил девушке остаться. Но.. Иваном Михайловичем Ивановым. Сказал, что она будет, как кавалерист-девица Надежда Дурова, служить, скрывая свою женскую сущность. Форма и всё прочее – как положено любому солдату. Работать будет не на передовой, об этом не может быть и речи, а в ближнем тылу, на перевязочном пункте, медбратом, санитаром, чётр его знает ещё кем, но о передовой мадемуазель должна забыть навсегда.

Она не смирилась, стала убеждать. Сказала, что умеет обращаться с оружием, что не будет обузой в окопах, что.. В конце концов Стефанович под таким напором немного отступил, буркнув что-то вроде того, что он отдаст соответствующее распоряжение.

Он выполнил своё слово. Рядового Ивана Иванова стали отпускать иногда с целью сбережения жизней женщин-медсестёр на передний край.. Впрочем, рассекретили её быстро. Но к тому времени все окружающие уже знали, что медбрат Ваня Иванов работает без устали на перевязочном пункте, а кроме того, часто бывает в окопах, самоотвержен и бесстрашен, ползает под обстрелом, перевязывает немедленно, а потом вытаскивает раненых одного за другим.. Более сотни человек уже вынес Иванов с поля боя, за что заслужил дорогую награду – серебряную Георгиевскую медаль четвёртой степени.

Когда тайна была раскрыта, по всему фронту пошёл слух о красавице, скрывавшейся под солдатским мундиром, которая не боится смерти, помогая русским воинам, – так, по крайней мере, было указано в газетных заметках, написанных фронтовыми корреспондентами. Один из них рассказал даже о ней как об «удивительно нежной, самоотверженной, смелой до безумия».

Римме не понравилось написанное. Она продолжала свою бесконечную и чуждую работу.. И уже вскоре вторую Георгиевскую медаль – третьей степени, золотую, с бантом – ей вручили перед строем полка уже под её настоящим именем. И все знали: правильно, заслуженно. Ведь высочайше записано было чётко, кто имеет право на награду: «Кто из фельдшеров или санитаров, находясь в течение всего боя в боевой линии, под сильным и действительным огнём, проявляя необыкновенное самоотвержение, будет оказывать помощь раненым или в обстановке чрезвычайной трудности вынесет

раненого или убитого...» А скольких вынесла она из-под огня, уже давно Римма сама не считала.

Надо сказать вам, что в России награды с именем святого Георгия Победоносца вручались только за подвиги на поле боя. Это была целая система, где были предусмотрены буквально все случаи, достойные награждения. Медали четырёх степеней с портретом царя на одной стороне и с надписью «За храбрость» на обороте – для нижних чинов, Георгиевские кресты – тоже четырёх степеней, а орден Святого Георгия был исключительно офицерским и тоже имел четыре степени... Он был самым почётным и уважаемым в русской армии, хотя некоторые другие ордена были, пожалуй, повесомее. А ещё было наградное Георгиевское оружие, специальные Георгиевские награды для воинских частей и многое другое...

Сержант восхищённо прищёлкнул языком:

– И откуда ты всё это знаешь, отец?

– Обязан знать по профессии историка. А вообще-то каждый должен бы знать, кто историю своей страны уважает...

...Сказав это, Коробков вдруг почувствовал, как где-то под сердцем тихонько шевельнулся давний страх. Ведь он, по сути, не знает сидящих рядом людей. И нет никакой гарантии, что кто-нибудь из них по приезде на место не шепнёт особисту о том, как некий красноармеец по дороге восхищался царским строем и царскими порядками. А ведь было это с тобой, Коробков, совсем недавно! Было!

4

Четыре года назад... да, только в начале лета. Вот тогда он решил заняться... Господи, ну что ты сам себе врешь, Коробков! Решил... В таких ситуациях никто ничего не решает. Это всегда начинается случайно: что-то вспомнил, на что-то наткнулся, услышал какой-то разговор, встретил нового человека, который... Вот и тогда, примерно за год до начала войны, он шёл в институт обычной своей дорогой – через чахлый скверик с вытоптанной возле кустов и деревьев голой землёй, давно не метённой дорожкой, облупившимися и изрисованными скамейками. Персонажи на скамейках тоже были знакомые – молодые мамы с младенцами да старики, пригревшиеся на солнце. Обычно между ними разговор в такие расслабленные минуты вязался медленно, без особых всплесков, но на сей раз ещё издалека можно было заметить, как два на вид сверстника лет за семьдесят горячо насккивали друг на друга. Коробков невольно прислушался. Вначале донеслись лишь отдельные слова, потом наконец стало возможным что-то понять:

– ...пойдут, обязательно пойдут! Как только национальное самосознание начинает раздуваться, тут же им станет тесно в своих границах, захочется пространства, захочется сырьё с дешёвой рабочей силой...

– Ну и что! Били мы их и на этот раз побьём. Во время мировой сколько героев было! Про Чапаева забыл? Георгиевский кавалер! Будённый, первый народный маршал, тоже ведь несколько Георгиевских наград тогда получил.

– Да другая сейчас война, Семён, другая!

– Героями не из-за танков и самолётов становятся, хотя всё это очень важно. Побеждают духом. Без этого все эти пулемёты-миномёты – ничто!

...Вот, собственно, и всё, что он тогда услышал. А потом... Попались в архиве под руку газеты начала века, в запасниках музея нашёл экземпляр ордена Святого Георгия... И пошло, пошло... Когда уже набралась довольно пухлая папка по всем правилам заверенных копий документов, он

впервые наткнулся на имя Риммы Ивановой и постарался узнать подробности её жизни. И тогда же состоялся разговор, о котором хотелось бы забыть, но он постоянно напоминал о себе в разных ситуациях. Вот и сейчас вспомнился тот вызов в отдел кадров института по срочному и неотложному делу. Коробков отлично знал, что такие вызовы случайными не бывают, поэтому встревоженно помчался в другой конец здания. Софья Львовна, не поднимая головы от бумаг, предложила сесть. Сама же встала, одёрнула пиджачок, топорщившийся на всех её возвышенностях, и прошествовала к выходу, произнеся через выпяченную нижнюю губу:

– С вами хотят поговорить.

Только сейчас Коробков заметил у окна глядящего на улицу человека. Спина и голова его, втянутая в плечи, наталкивали на мысль о немалом возрасте. Но, когда он обернулся, Сергей Иванович увидел хоть и не юнца, но человека довольно молодого. Он бросил на Коробкова только один взгляд из-под бровей и уже до конца разговора ни разу не посмотрел ему в глаза. Да и сам разговор оказался каким-то уклончивым, странным. Привыкший всё с чем-то сравнивать, Сергей Петрович позже для себя называл тот диалог кастетом, обшитым бархатом. Говорились слова о временах, когда вокруг каждого из нас можно найти не просто недоброжелателей, но и даже врагов, не говоря уже об иностранных шпионах. Именно поэтому сегодня так важно единство народа. Любые напоминания о других временах и других порядках, о наших слабых местах (а они, конечно же, Сергей Петрович, есть, но мы о них знаем и исправляем, не концентрируя на них внимание народа!) на руку потенциальному врагу. Так что, милейший товарищ Коробков... м-м-м... пока – товарищ, вы лучше не копайтесь в прочно забытом прошлом. А если уж взялись, то делайте это так, чтобы сравнения были бы в нашу пользу. Конечно, никто вам не мешает заниматься научной деятельностью. Но будьте бдительны! История – она как минное поле, по ней нельзя бродить не глядя. Можно ступить так, что от забывчивой персоны могут остаться только клочки...

...Коробков слушал всё это, стараясь не проявить никаких эмоций, задумчиво кивал головой, как бы усваивая и принимая всё, что он слышал. Он даже не думал лихорадочно о том, кто написал на него донос. Он это знал точно, потому что предвидел возможность такой ситуации, и о своих находках и о своём интересе не говорил вообще никому. Кроме старого друга Мишки. А Мишка о том, что Серёга рассказывал всё только ему одному, не знал...

И вот теперь. Попробуй-ка решить – в ком кроется опасность. Разболтался, чёрт бы тебя драл! Но вообще-то – не может быть... Попутчики ему понравились как-то сразу, и не верил Коробков, что кто-то из них... Ведь и с Мишкой – так же! Вначале хотел Коробков по-простому дать ему по сусалам. Подумав, решил всё же порасспросить его, задавая вопросы в лоб, прямо, не давая возможности увильнуть от ответа. И что же? Оказалось, что Мишка настолько обрадовался новым познаниям, что стал рассказывать о царских наградах и давних героях в какой-то компании. Когда над ним посмеялись, говоря, что ему-то, с детства известному неучу, знать такие вещи невозможно, он, сильно преувеличив значение Коробкова, назвал его выдающимся учёным-историком и источником этих сведений... А уж кто из кучи свидетелей постарался – бог весть! Хорошо хоть, не было серьёзных последствий. Хотя и это – бабушка надвое сказала. Когда в июне сорок первого он, учитывая предыдущие обстоятельства, подал заявление о добровольном желании пойти на фронт не в военкомат, а в собственный отдел кадров,

Софья Львовна, глядя в упор пронзительными глазами, заметила без тени улыбки:

– Это ещё проверить надо, можно ли вас на фронт пускать!

Коробков умудрился сдержаться, невозмутимо, спокойно сказал:

– Я понимаю. Дело-то государственной важности – рядового на фронт отправить. Я подожду разрешения.

И ждал довольно долго. Где всё это время бродило его заявление, в каких кабинетах, он не знал. Впрочем, он допускал и мысль, что заявление всё это время пролежало в ящике стола Софьи Львовны по вредности её характера. Потом плюнул на всё и пошёл туда, куда идти надо было с самого начала.

5

...Незадолго до этого Римма будто преследовала его. Ему попадались публикации, собиралась по кусочкам вся её жизнь, он нашёл даже её фотографию. И глянули на него серьёзные, но с чуть заметной лукавинкой глаза Риммы, и любовался он красавицей, с которой они разошлись во времени. Если бы не это! Если бы не такие разные времена! Сергей Петрович чувствовал в себе сумасшедшее желание отбросить всё, засесть за работу и писать, писать... О ней. Чтобы все люди через много лет снова вспомнили о простой и героической, короткой и вечной её жизни.

Попались письма Риммы с фронта родителям. Поразило то, что она о каких-то событиях и людях писала восторженней и лучше, чем они были на самом деле. Что это? Такое восприятие мира? Или вполне осознанное желание смягчить близким людям разлуку, не пугать их понапрасну, успокоить их и без того разрывающиеся от беспокойства за детей сердца? Наверно, всё-таки и то, и другое.

Строки из нескольких писем он запомнил наизусть, но всё равно перечитывал их и перечитывал...

«Беспокоиться обо мне нечего. Я – вне опасности. Наш полковой околоток, где я сейчас несю обязанности, находится всегда за линией огня... К солдатскому костюму и коротким волосам я уже привыкла. Доехала благополучно. Немного переволновалась. Принял меня командир полка очень хорошо. «Коль есть охота, так, пожалуйста, работайте» – вот его слова. Доктор доволен моей работой и теперь всё настаивает, чтобы я ехала учиться после войны в медицинский институт».

...Коробков прочёл это письмо своим спутникам, ни разу не запнувшись, будто держал его в руках.

– Вот таким было первое письмо Риммы домой. Она приукрашивает, она упрощает... Но постепенно в письмах появляется... Ну, как бы это сказать... В общем, она уже бесповоротно выбрала свою дорогу и через несколько месяцев писала письмо карандашом где-то в окопе, полностью сознавая свою роль и своё место в этой огромной беде, которая свалилась на Россию.

«Несу обязанности фельдшера... На меня не смотрят здесь как на женщину, а видят сестру милосердия, заслуживающую большого уважения... Ведь как приятно сознавать, что в этом большом деле приносишь пользу. Молюсь Богу, чтобы Он сохранил моё здоровье. Опасность далеко от меня, её нет...»

Да, её уважали. Но она кривила душой, не упоминая о том, что её любили. Любили как что-то светлое и нежное, недостижимое и бесплотное. Она как солнечный луч в разрывах плотной облачности появлялась в окопах, она шла, и лица, как подсолнухи, поворачивались за ней следом...

...А потом был тот бой. В документах он значился серьёзным боестолкновением с превосходящими силами противника. Произошло это всё на перегоне Стражок, у моста через Вислу, где полк зарылся в землю, держа оборону, и нёс большие потери из-за непрерывного обстрела немцами из всех видов оружия, включая тяжёлые орудия. Батальоны ландсвера раз за разом пытались подняться в атаку, но полк каждый раз вновь осаживал их в окопы. Но сколько было раненых!.. Римма носила и выводила их из-под огня без счёта, без перерыва в заранее определённое место – временный накопитель, и бежала назад, именно бежала, не прячась, потому что так – быстрее, потому что так можно успеть к тем, кто истекает кровью, и простая тугая повязка может спасти солдату жизнь. Нет, она была не одна. Была санитарная команда, которой Римма постепенно стала руководить на правах военного фельдшера, которым её никто не назначал, но подчинялись ей охотно и беспрекословно, потому что все видели, что она не жалеет в первую очередь себя и работает больше других.

После боя (помните, как у поэта: «...Тогда считать мы стали раны») оказалось, что Римма сама вынесла с поля боя более ста раненых. А остальных почти пятьсот эвакуировали под её руководством. Когда её спросили, как ей удалось это сделать и организовать под бешеным обстрелом, она ответила просто: «Ангел-хранитель меня уберёт». Но именно она оказалась настоящим ангелом-хранителем для солдат и офицеров. И не было в полку человека, который не обрадовался бы искренне при известии, что Римма Иванова за свой подвиг представлена к Георгиевскому кресту IV степени и награждена краткосрочным отпуском для поездки к родителям. Во фронтовой газете появились посвящённые ей стихи, которые заучивали наизусть и отсылали в письмах домой:

*Под адский шум и визг носилась смерть над боем,
Ища всё новых жертв. Рекой струилась кровь,
Стон, крики и «Ура!» сплошным сливались воем,
И только по полю святая шла Любовь.
Шла женщина без страха и сомненья,
Склоняясь к страждущим, и нежною рукою
Спешила облегчить великие мученья
Иль лаской проводить страдальца на покой...*

...Вы знаете – я... я влюбился в эту девушку. Прекрасно понимая, что нас разделяет, я мог подолгу смотреть ей в глаза, я, не стыдно признаться, ей, далёкой, желал счастья, любви. Мне так хотелось найти какие-то другие письма, кроме тех, о которых я говорил, где были бы слова нежности, но к одному человеку, где светилась бы любовь к нему же, единственному. Но не было таких писем, не было... А может, и были? Только мне не попались?

Она приехала к родителям в Ставрополь уже настоящей героиней. Ещё бы! Георгиевские две медали и крест – такие награды могли быть предметом гордости любого человека. Она же всячески избегала вопросов о фронтовой жизни, о своих заслугах. Она и на людях старалась показываться поменьше. Впрочем, эти дни пролетели мгновенно. По дороге на фронт, в свою часть, она заехала, благо – было по пути, в 105-й пехотный Оренбургский полк, где служил Володя, старший брат, который всю жизнь был ей примером и наставником. Служил он в полковом лазарете младшим врачом, а потому сразу загорелся мыслью о том, что сестру нужно оставить под своим надзором. Она же хотела вернуться в обстановку уже привычную, к людям хоро-

шо знакомым. Но брат настоял на своём. После целого ряда прошений, уведомлений и весьма неохотного согласия из Самурского полка она осталась. Нет, всё-таки не в лазарете под началом Владимира Михайловича. Назначили её фельдшером 10-й роты, считавшейся у оренбуржцев одной из самых лучших.

И снова, несмотря на почётные награды, ей пришлось доказывать своё право быть наравне, спасать, помогать, сохранять жизнь. И всё это – там, на переднем крае, в самом пекле. И снова восхищённые взгляды следили за ней, и снова память сохраняла благодарственные слова. В очередном письме домой она вновь пытается объяснить родителям, что привело её к решению избрать именно такой путь. Видно, даже во время отпуска не договорилась она, не убедила до конца.

«Причины моего поступления в армию. Вот вам фраза солдатика: «Мы на нашу сестрицу надеемся, дай Бог ей здоровья, чтобы она с нами была». А почему? Потому что здесь нужны руки, что здесь нужна скорая помощь... О ласке сестры. Думаете, что здесь она не необходима? Ещё как!»

В Карпаты пришла осень. Всего год прошёл с того дня, когда Римма Иванова поступила на курсы сестёр милосердия. Всего год! А сколько жизней спасено! Да и её собственная жизнь уже стала подвигом. Да что я, Марионелла, объясняю! Тебе, ротному санинструктору, всё это знакомо. Тоже в окопах работаешь и на поле. Оружие-то хоть носишь с собой?

– Нет. Очень мешает. Если под обстрелом нужно солдата ползком тащить, а тут ещё винтовка... Просто невозможно. Гранаты, правда, с собой беру на всякий случай...

– Вот и она не брала. 9 сентября 1915 года полк стоял возле деревни со странным названием Мокрая Дубрава. Оренбуржцы должны были наступать, но для начала нужно было провести разведку боем. Кого посылать? Да конечно, лучшую, 10-ю роту! Нужно было занять небольшую высоту, обнаружить немецкие огневые точки и удержать позицию до подхода основных сил полка. Два офицера – ротный и его помощник – на флангах, между ними – цепь солдатская. Римма – в шеренге со всеми. Встали. Идут. Огня нет, всё как будто спокойно. Когда приблизились к высоте, обнаружили хорошо замаскированную засаду: по два пулемёта на флангах открыли огонь по наступающим русским. Ландсверовские пулемётчики знали своё дело хорошо: уже после первых очередей были убиты оба офицера...

Цепь залегла. Несколько человек не выдержали – поползли назад, а потом вскочили и побежали в тыл. Их достали в спину. Римма лежала и чувствовала, что ещё через минуту солдаты не выдержат: огонь был губительным, смертельным. Они поймут, что если продолжать лежать на почти открытом пространстве, то вскоре больше не пойдёт в атаку никто. Начнутся растерянность, паника. Пора вставать. Как не хочется... Пора!

Она встала во весь рост, но её мало кто видел, люди прятали головы за мельчайшие бугорки, за камни. И тогда она прокричала, перекрывая стук пулемётов:

– Братцы! Смотрите на меня! Когда встанешь, уже не страшно! Вперёд! За мной!

Она подняла всех. С криком «ура!», со штыками наперевес они побежали за ней, обогнали, на ходу кричали ей: «Ложись!» Они взяли высоту, уничтожив пулемётные гнёзда. Но поздно. Ах, как поздно! Цивилизованные ландсверовские солдаты стреляли по русским запрещёнными во всём мире разрывными пулями «дум-дум». Цивилизованные немцы видели красные кресты на косынке и на фельдшерской сумке. Они убили Римму. Пуля переби-

ла бедренную артерию. Римма, как медик, ещё успела понять это, но яркая артериальная кровь была из раны так сильно, что Римма потеряла сознание раньше, чем сумела что-то сделать. Когда наконец к ней подбежали, было поздно.

– Так и погибла?.. – Марионелла совсем притихла, сжалась в комок. По голосу можно было понять, что на глазах у неё – слёзы..

– Так и погибла. – Коробков тоже подозрительно долго утирал нос, долго запихивал платок в карман, долго молчал.

А мотор всё тарыхтел в бесконечной ночи. Где-то далеко впереди был Сталинград, ещё не осаждённый, не прижатый к реке. Где-то далеко – а может быть, и близко – через день-другой, через час, через минуту – каждого из них ждала Судьба, у каждого – своя... Некоторое время спустя Коробков будто очнулся, будто вернулся издалека в это монотонно бегущее сейчас время.

– Это было горе для всего полка. И солдаты, и офицеры были единодушны: подвиг Риммы достоин высокой Георгиевской награды. Но... Орден Святого Георгия был офицерским орденом! Командир полка всё же предложил ходатайствовать перед Главнокомандующим армией о награждении Риммы Михайловны Ивановой. Статут ордена позволял ему в порядке исключения выдать грамоту на орден, чтобы затем она была направлена Государю Императору на высочайшее утверждение. Основанием для выдачи такой грамоты должно было служить решение специальной наградной Думы. Такие Думы были учреждены во всех крупных частях и соединениях. Не менее семи кавалеров ордена, имеющихся в этой части, постановляли: достоин ли подвиг такой высокой награды. Когда такая Дума собралась, чтобы принять решение, старейшина среди георгиевских кавалеров предложил не обсуждать вопрос, а сразу голосовать. Проголосовали единогласно. Бумаги были отправлены на высочайшее утверждение.

Все знали, что император был весьма дотошен в вопросе о награждениях и всегда внимательно следил за тем, чтобы награждаемый поступок, деяние соответствовали бы статусу ордена. Все знали заранее, что дело почти безнадёжное: ещё не было случая награждения лиц не офицерского звания, да ещё и женщины! Но Николай Второй утвердил представленные ему документы. Римма Михайловна Иванова посмертно стала первой женщиной – кавалером ордена Святого Георгия IV степени. Возможно, после неё были и другие, я этого просто не знаю, не успел докопаться. Но вряд ли. До свержения трона в феврале семнадцатого оставалось немногим более года...

Долго ехали молча. Потом сержант снова запел:

*– ...Скоро мы уже приедем,
Напою и накофмлю,
Перевязки всем поправлю,
Жёнам письма напишу!
Слышно – стоны раздаются
У походного шатра,
И к больному бежит быстро
Медицинская сестра.
– Что, солдатик, тебе нужно?
Иль воды тебе подать?
– Нет, сестрица, не поможет,
Начинаю холодать...
Об одном тебя прошу я:*

*Помолись ты за меня
И в свободную минуту
Напиши, что помер я...
И она молиться стала
За убитого раба,
На колени становилась,
А из глаз бежит слеза...*

...Утром в каком-то селе они узнали в комендатуре, что пути их расходятся. Санинструктор должна была догонять свою 214-ю стрелковую дивизию где-то южнее, а Коробков со Степанычем отправились на запад. Сержант попрощался хмуро:

– Ну, морячка, не поминай лихом. Свидимся ли ещё? Мне хоть какое дали бы время – уж я тебя б не упустил! Стала бы ты мне женой. А сейчас – давай хоть поцелуемся!

Девушка рассмеялась, подставила щёку. Коробков тоже приложился, сел в кабину, потом вдруг выскочил.

– Совсем забыл! Помнишь, ты говорила о Павке Корчагине? Я обязательно, если жив останусь, прочту эту книгу. Наверно, очень достойный человек был.

Но почему я тогда так вострепнулся? Меня поразило то, что одно из последних писем Риммы Ивановой очень похоже по мысли на его слова:

«Мои хорошие, не беспокойтесь ради Бога. Если любите меня, то старайтесь делать так, как мне лучше... Вот это и будет тогда истинная любовь ко мне. Жизнь вообще коротка, и надо прожить её как можно полнее и лучше. Помогите, Господи! Молитесь за Россию и человечество...»

– Вот так. До свидания! – Он снова залез в кабину, помахал рукой. – Удачи тебе, Марионелла!

Машина тронулась, но Коробков всё же услышал в ответ:

– Да Марионелла я только в документах! А в жизни все меня Гулей зовут. Так что так и запомните меня: Гуля. Гу-у-у-ля-а-а... Ко-ро-лё-о...

**Валентин
НЕРВИН**

ПО МЕРЕ СУДЬБЫ

Когда говорится:
«Мы родом из детства», –
то это, пожалуй, не в силу кокетства –
по духу и праву прямого наследства
мы родом из крупнопанельного детства.
Родители не выходили за рамки,
и строили крупнопанельные замки,
и, видимо, из уваженья к ребёнку
ребёнка под общую стригли гребёнку:
кормили-поили, пороли-ругали,
«всеобщего среднего» не избегали,
и так в результате по плану и смете
означились крупнопанельные дети.
А мы героически не замечали,
что крупнопанельные души мельчали –
по мере ученья, по мере взросленья,
по мере судьбы
моего поколенья...

Не хитри и душой не криви,
не зови эту связь роковой –
по долинам и взгорьям любви
мы проходим с тобой не впервой.
По её карамельным лесам
куковали мои соловьи,
и взлетали к её небесам,
и тонули в озёрах любви.
А закуска уже на столе,
и бутылка уже на крови,
и живём, говорю, на Земле –
заповедной планете любви.

-
- Валентин Михайлович Нервин родился в 1955 году. Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии-2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи перевестились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живёт в Воронеже.

ПЕСНЯ ДЛЯ РЕЗО

На приморском солнечном бульваре
человек по имени Резо
на своей задрипанной гитаре
исполнял какое-то шизо.
Походя пижоны озирались,
слыша дребезжание струны,
но его послушать собирались
граждане со всех концов страны.
Опустился вечер анашистый,
часто замигали светляки,
и цветы магнолии душистой
заломили пальцы-лепестки.
В ресторане крякала сурдинка,
по-над морем выклубился пар
в час, когда столичная блондинка
вышла прогуляться на бульвар.
Ворковала пылкая гитара,
дополняя общий антураж, –
вследствие его репертуара
у неё оформился мандраж.

Ах, Резо, твоя звезда восходит
безотказно, только позови.
Женщина приходит и уходит,
остаётся песня о любви.

УЧАСТЬ

Памяти В.В.

Ни славы и ни барыша...

Его отпетая душа
стенала и хрипела.
А что он мой? Да ничего,
поскольку все на одного –
капелла...
Но существует испокон
веков неписанный закон
языческого мира:
перемолоть, переварить,
а на потребу сотворить
кумира.
Отныне – все за одного.
Перемоловшие его
учителем представят
и, оградив со всех сторон,
пугать классических ворон
на площади Забвения поставят.

На постаменте времени стоишь,
а за ограду вечности не выйдешь...
Какие откровения провидишь,
какие упования таишь,
о чём тоскуешь, бедная моя
душа, переживая эфемерность,
уразумев границы бытия
и осознав его несоразмерность?..

Гомер велик не потому, что слеп;
Тимур велик не потому, что хром.
Величие – не следствие увечий.
Оно определяется нутром
и проявлением сути человечьей.
Заслуги у Гомеров высоки.
Но не «благодаря...»,
а «вопреки...».

Переплетенье тез и антитез
решительно идёт на всю катушку.
Любой из нас в душе отчасти Пушкин,
а в некоторой степени – Дантес.
Но Пушкина в себе боготворить
не торопитесь: он, по крайней мере,
до некоторой степени – Сальери,
отчасти – Моцарт, что и говорить!
Мы – двуедины. Судя по всему,
действительно иначе не бывает.
И снова Каин брата убивает,
мучительно завидуя ему.

ДОМ

Какие песни слышал этот дом!
Он никогда запеву не был тесен.
А женщина, не любящая песен,
пришла сюда как мачеха потом.
Она отлично выбрала момент,
расчётливо отдавшись увлеченью –
и дом умолк,
как ценный инструмент,
используемый не по назначенью.
Ни друг, ни недруг в двери не стучит,
ни смеха, ни стенанья за стеною.
Мой дом молчит.
Как проклятый молчит.
И все его обходят стороною.

Эту женщину когда-то я любил.
Эта женщина ни в чём не виновата:
это я её по образу лепил,
это я её разлюбивал когда-то.
Жить бы, не сжигая кораблей,
чутьку добрее и сердечней –
это безусловно тяжелей,
но определённо человечней.
Даже если просто уважать
в силу непреложного закона,
разве невозможно удержать
ветреного, но – Пигмалиона?
Ах, Пигмалион, Пигмалион,
для чего – спросите Галатею! –
надевать узорный медальон
на такую мраморную шею?..

НОЧНОЙ РОМАНС

Которую ночь не сплю –
глаза проглядел вотще.
Зачем я тебя люблю
изрядно и вообще?..
Сижу, не смыкая вежд –
а вдруг ты сейчас войдёшь
и краем своих одежд
коснёшься моих одежд?
Когда же приходишь – ах! –
с иголочки всякий раз,
проводка искрит впотьмах
и ржёт за окном Пегас.

**Алексей
МАНАЕВ**

МОЛИТВА

Он лежал на диване, будто срезанный метким выстрелом в полёте – навзничь, голова за подушкой, руки-ноги вразброс. Из бутылки, нахально выглядывавшей из кармана брюк, в алую лужицу на полу капало густое, вязкое вино, напоминающее кровь, и в горнице висел порочный запах спиртного. Рядом на стуле, поставив ноги в белых шерстяных носках на маленькую скамеечку, сидела тётя Вера. В руках пожелтевший тетрадный листок в клеточку. Она что-то разбирала, медленно шевеля губами и то и дело всхлипывая. Напротив, на стене, в голубой деревянной раме её фотография в паспорту. Ни гладкая причёска с пробором, ни большие цыганские серьги полумесяцем, ни зазорный носик, ни добрый, доверчивый взгляд – ничто не напоминало в молодой душечке нынешнюю тётю Веру. Ничего не осталось от пухлых губ и щёк. Как бы за ненадобностью они ввалились, обнаружив крупные скулы. Носик присел, сплюснулся, почему-то покраснев на кончике, и теперь походил на пипетку. Синие глаза подёрнулись дымкой. Время демонстрировало царственно безграничную власть над человеком, способную превратить красотку в пушкинскую старуху, сидящую у разбитого корыта.

А на диване во всей красе возлежал её суженый.

– Уже? – спросил Катунин, недоумевая и отгоняя раскормленную муху, барражировавшую над узким дядиным лбом с чёлкой школьника.

Тётя Вера от неожиданности вздрогнула, засмутившись, начала торопливо скатывать письмо в трубочку и запричитала:

– Уже... Люди утру радуются, а я слезами умываюсь.

– Где?

– А кто ж его знает... Рази свинья грязи не найдёт? – почти обречённо прошептала тётя и, поднимаясь, перекрестилась.

-
- Алексей Васильевич Манаев родился в 1949 году на Белгородчине. Литератор и журналист. В 1972 году окончил отделение журналистики историко-филологического факультета университета (теперь Казанский (Приволжский) федеральный университет), полтора десятилетия спустя – академическую аспирантуру. Кандидат исторических наук. Работал в структурах массовой информации и в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. Публиковался в федеральных журналах «Наш современник», «Человек и закон», в журнале московских писателей «Московский вестник», в «Литературной газете», «Московском литераторе» и во многих других периодических изданиях федерального и регионального уровня. Автор и составитель нескольких книг. Живёт в Москве.

– Господи, прости меня, Господи, великую грешницу, – несколько раз повторила она, выходя из горницы старческой, шаркающей походкой.

Ей досаждал сколиоз, пригнув к земле так, будто тётё Вере ввиду особой греховности запрещалось смотреть на синее небо, на лёгкие облака, на раду-гу – на всё, что одухотворяло душу. Дядя выточил ей трость с фигурной наборной ручкой из плексигласа. Она сиротливо стояла в углу. По дому тётя передвигалась на полусогнутых, растопырив руки за спиной. Со сторо-ны казалось, что примерялась взлететь, да всё никак не решалась. Собира-ясь к соседям, непременно искала, как говорила, кавалера – сухую сукова-тую палку. Палка явно уступала трости по всем эстетическим параметрам, но тётё была почему-то любя.

Катунин и тётя Вера понимали друг друга с полуслова. Говорили об одном и том же, о её муже и его дяде Золотом, три дня назад в очеред-ной раз оказавшемся в тенётах хитроватого Бахуса.

Катунин был не в духе. Он только что возвратился с деревенского пруда. Поход был неудачным. Рыба, будто объевшись загадочного деликатеса, нежилась где-то на глубине, брезгливо игнорируя приготовленные ей паре-ный горох, личинки хруща, добытые в перегнившем навозе, свежую, пахну-щую жареными семечками и подсолнечным маслом макуху, за которой при-шлось трястись на рынок в райцентр, и величиной с девичий мизинец дожде-вых червей. За утро ни одной поклёвки, ни одного задорного, хлёсткого удара хвостом о воду.

Вопреки прогнозам спустился холодный для середины лета дождь, нака-зывавший за то, что не захватил ни зонтика, ни плаща. Мокрый, продрог-ший, уязвлённый неудачей, Катунин мечтал принять душ, завернуться в све-жие, пахнущие чабрецом простыни и унять раздражение комфортом и поко-ем. Не получилось. Вода из самодельного душа, найдя щель в уплотните-ле, сбежала, а на свежих простынях бесстыдно валялось пьяное существо, именуемое дядей. Пришлось довольствоваться рукомойником, сухим бельём и махровым халатом.

Опираясь спиной о стену горницы, Катунин сполз на пол и, обхватив колени руками, с нарастающим отращением всматривался в беспечного родича. Понятно, когда капризничает ребёнок. Что с него возьмёшь? Но как понять разменявшего восьмой десяток старика, который капризничает похле-ще любого ребёнка? Дядьку причисляли в селе к ванькам-встанькам, то есть к хроническим выпивохам, к больным людям. Своеобразная кастовость авто-ритета Золотому, естественно, не добавляла, хотя и вызывала сочувствие у многочисленного женского сельского племени. В селе редко кто из мужи-ков доживал до столь почтенного возраста, племя почти сплошь состояло из моложавых вдовушек, которые из-за отсутствия своих мужей снисходи-тельно относились к проделкам чужих, считая их неизбежным следствием трудного женского счастья.

Катунин знал, конечно, вердикты медиков по этому поводу: хворь, хро-ническая болезнь. Но считал, что дружба с Бахусом вовсе не болезнь брен-ного тела, а выверты души. Достаточно двух стаканов сивухи под названи-ем «Три буряка», изготовленной местными алхимиками из сахарной свёклы (из сахара сивуху именовали иначе, любовно-элегически – «Ночь нежна») – и ты в ином мире. В нём не надо косить сено, заготавливать дрова, гонять-ся с солдатским ремнём за склонными к проделкам детьми, тянуть лямку от зарплаты до зарплаты, просто добывать хлеб насущный.

По Катунину, человек всегда в пути, даже если никуда не спешит. Но если он ведёт автомобиль и забывает о тормозах, то рано или поздно отправится

на пикник на кладбище. Почему-то в обыденной жизни, в быту о тормозах многие не думают. Не самоограничение, а самоутверждение с помощью беспутства – вот, по мнению Катунина, линия поведения алкашей.

Эту формулу он вывел из личного опыта. Родился в селе. С продукцией местного алкогольного бомонда знаком с пелёнок. Деньги водились всегда, даже в университете. У родителей не кланчил. Сам зарабатывал, разгружая по выходным срочные грузы на железнодорожной станции. После учёбы карман никогда не был набит кредитками, как зубами пасти пираний, но никогда и не походил на суму калики перехожего. И в компаниях гулял, и праздники справлял, и с коллегами, бывало, оттягивался. Дорогие ресторанные посиделки и томления в варьете тоже стороной не обошли. Но в меру, в меру!

Лишь однажды по молодости в провинциальном городке, где тогда работал, случился облом. По окончании очередного субботника, как водится, мужская братия послала гонца в магазин. Ошибку сделали стратегической. Направили бы гонца в юбку – вернулся бы и с водочкой, и с закуской. А мужик есть мужик. У него всегда на закуску не хватает. Гонец прискакал быстро, довольный приобретением. Оказался коллега, видимо, из тех соколов, кто не закусувает, а запивает. На каждого пришёлся гранёный стакан водки да гранёный стакан минеральной воды. Всё!

Делать нечего. Чокнулись, начали обмывать достойно завершавшуюся вылазку на природу – в парк, где убирали дождавшуюся субботника, покрытую плесенью, гнилую прошлогоднюю листву. И чем решительнее и быстрее Катунин глотал тёплую жидкость, тем хуже становилось. Он схватил другой стакан – с водой, чтобы разбавить продавленный в нутро спирт, тоже пил большими глотками, но чувствовал себя так, будто глотал Олимпийский огонь. И только когда стакан опустел, по поведению окружающих и по собственному взбунтовавшемуся чреву понял, что закусил ещё одним стаканом водки. Да не просто стаканом – а гранёным, с юбочкой. Получилось, что без крохи хлеба увеличил объём желудка сразу на целую бутылку сивухи, чего никогда не делал. Сослуживцы ещё долго вспоминали его решительный «рывок» в преисподнюю и благополучное возвращение в рай земной.

А тогда все напасти, будто почуяв добычу, свалились сразу. Еле добрался до дома. В отсутствие жены, отбившей за тридевять земель в командировку на очередной химический завод, пришлось плестись в детский садик за дочкой. Здесь по просьбе воспитательницы с помощью цинкового ведра надо было увеличить высоту песочницы до Монблана. Казалось ему, что под ногами палуба корабля, на которую вот-вот обрушится девятый вал. Выдержал. Дома надо было накормить и уложить спать дочку. А дочка сначала не хотела есть кисель с непроваренными комками, потом не хотела ложиться спать в столь ранний час и просила поиграть в скороговорки.

– Скороговорун скороговорил скоровыговаривал, что всех скороговорок не перескороговоришь, не перескоровыговариваешь, но, заскороговорившись, выскороговорил, что все скороговорки перескороговоришь, перескоровыговариваешь.

Прыгали скороговорки как караси на сковородке. Катунин старался что есть мочи, спотыкаясь на каждой букве и подолгу буксуя на каждом слоге. Дочка хохотала, аплодируя розовыми ладошками и спрашивая:

– Папуль, а папуль, ты что, сегодня ежа проглотил?

«Проглотил, проглотил, ещё какого ежа!» – думал Катунин, пытаясь осилить скороговорку. Осилить не удалось.

Наутро проспали. Воспитательница в детском садике, похожая на подрумяненную оладью, игриво погрозила пухлым пальчиком с маникюренным длинным, как таракан, ногтем:

– Ох, Иван Алексеевич, Иван Алексеевич. Я думала, вы джентльмен, а вы всего-навсего парень с нашей улицы.

– Не браните, исправлюсь, – буркнул Катунин.

– Смотрите, смотрите, а то донесу жене, что изменили, сразу узнаете, как чувствуют себя люди в колонии.

– Когда это я жене изменил? – удивился молодой отец.

– Вчера. У меня на глазах с ведром обнимались.

Раньше, в других обстоятельствах, он ответил бы, что не прочь пообниматься и с собеседницей, но сейчас соскочил на нейтральный тон:

– Ах, да, я и забыл. С нелюбимой обниматься что крокодила целовать: и страшно, и противно.

На работе сантименты не разводили, вклеив первый за десятилетие неустанных производственных бдений выговор.

С тех пор, где бы ни был, какие бы должности ни занимал, с кем бы ни отмечал юбилей, повышения по службе и иные торжества, которыми неизменно правит вечно молодой и всегда сексапильный Бахус, взял за правило: максимум три рюмки. Больше бессмысленно. Тогда уже всё равно, что пьёшь – водку ли, вискарь, хваленый элитный французский коньяк или розовый кубинский ром, текилу из кактусов – всё отдаёт сивухой, всё норовит клюнуть в темечко. Шампанское и вино – любое – не знал и знать не хотел. Вот попеть, потанцевать, подурачиться, если ранжир компании позволяет, – сколько угодно. Спиртное – не приведи Господь! Даже пиву предпочитал компот из сушёного шиповника с мёдом. Цвет такой же, но пахнет нектаром, а не амбре с ясными нотками мочи.

А тут... Он вглядывался в лежащего на накрахмаленных простынях Золотого в черных протёртых носках, в которые были заправлены странные для летней поры кальсоны, и почти физически чувствовал, как обида из маленького червячка постепенно превращается в злость, злость – в злобу, пульсирующую в висках.

Золотой из тех, у кого не телосложение, а теловычитание. Голова маленькая, уши торчком, шея длинная, дряблая, цветом похожая на дождевого червя. Плечи вдавило в щедедушную грудь, которая была создана явно не для того, чтобы закрывать амбразуру. В этой хилой грудёнке хрипела и мучилась, ища пристанища, болезненная душа. Только глаза были чистые, ясные, хотя и всегда насторожённые, ожидающие каверзы. Но и они, наверное, стыдясь хозяина, спрятались за припухшими веками.

Катунин уже давно жил в стольном граде и служил в министерстве, с утра до вечера обитая в большом, с комнатой отдыха, кабинете, где в углу филином нахохлились молчаливые высокие часы, стоящие на полу, и куда время от времени ловкая, статная секретарша, распахивая двери, как врата рая, вводила прихожан – в основном мужчин, с файлами, папками, фирменными блокнотами. Катунин общения не затыгивал, с ходу улавливая суть вопросов и урывки их проработки. На этот счёт у него было две заготовленные фразы. В одном случае, положительном, – «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». В другом, отрицательном, – «полуфабрикатных детей не бывает, бывают недоделанные». Но говорил он её только своим приближённым.

К вечеру от череды совещаний, непрерывных звонков, прихожан, как он называл подчинённых, уставал. За год усталость накапливалась, сигнализи-

руя об отдыхе. Доходы позволяли отдыхать где угодно с шиком. Но забугорные моря и санатории, равно как и отечественные, вызывали у него душевную аллергию.

В том ли смысл отдыха, чтобы вставать и ложиться по расписанию, целыми днями снова по этажам, пытаясь осчастливить брэнное тело процедурами, которые часто прописывали не потому, что нужны, обязательны, целебны, а потому, чтобы загрузить санаторную службу? Как-то по наивности он поинтересовался, сколько нужно баловать себя этими процедурами, чтобы быть здоровым, ему шутя ответили: первые три года каждый год, а потом – ежегодно.

В том ли смысл отдыха, чтобы ходить послушным стадом за гидом, не наслаждаясь красотами пейзажей, архитектурными артефактами, живописью мастеров прошлого и подмастерьев настоящего, а как бы принимая их в нагрузку? Не успеешь взглянуть, а тебя уже влекут дальше, будто приехал затем, чтобы в какой-то неведомой, непонятной ведомости отметить: и я тут был. И будто от этой ведомости зависит, в рай ты попадёшь или в преисподнюю. Считал: санатории и турпоездки с круизами что искусственное дыхание – даже кашлянуть не дозволяется.

Поэтому Катунин предпочитал, как он говорил, беспривязное содержание – отдых в родном селе. Оно, конечно, вроде бы и не солидно и не по-современному. Даже в отпуске, если ты крутой начальник, ты себе не принадлежишь. Надо ехать туда, где можно завязать новые полезные связи, где можно как бы ненароком, не прикладывая особых усилий, войти в круг людей, влияние которых сравнима разве что с небесной канцелярией. В переменчивой, как апрельский день, жизни бюрократа это многое значит. Если не сказать – всё. Но в кругу «властелинов мира» постсоветского закваса приходилось быть на побегушках. В любой час можно было остаться вне его. Бег вслед за уходящим поездом Катунину поднадоел, и он решил остановиться, оглядеться. А где можно оглядеться, подумать, куда плыть, к какому берегу пристать, как не в деревенской глуши?

Поэтому Катунин ездит в провинцию, носит провинциальные одёжки и общается с самой что ни на есть сельской публикой – ниже этого круга уж точно никогда не окажешься. Здесь удобней всего зализывать служебные раны. А главное – здесь здоровее и духу, и, что немаловажно, телу. Всё свежайшее – в стольном городе ни за какие деньги не купишь. Вода из городского крана и даже бутилированная под названием «Святой источник» – это жидкость. Вода из деревенского колодца с дубовым срубом и дубовой бадьёй – это живая вода. Молоко в пакетах, не прокисающее по полгода, – это консервы, деревенское парное молочко – это эликсир молодости. И так во всём – в овощах, фруктах, в местных колбасных деликатесах с чесночком и перчиком, в подсолнечном масле с запахом юности, в початках кукурузы молочной спелости, близкой к пчелиному молочку, в озонном воздухе – во всём!

Встаёшь и ложишься спать, купаешься в речке, загораешь, рыбачишь, принимаешь воздушные ванны, собираешь грибы, фундук и степную землянику не тогда, когда прикажут или обяжут расписанием, а когда захочется и заможется. Если же потребуется прибегнуть к омовению культурой – пожалуйста. Рядом – подземные монастыри в меловых горах, старинные церкви, музеи, где Крамской соседствует с Репиным, а Куинджи с Шишкиным и Айвазовским.

Была в деревенском отдыхе ещё одна прелесть – воздержание, самоочищение. Деревенская жизнь флирт исключает. Тут все на виду. Народ понятливый и сметливый. Только задумаешь согрешить, а все уже знают, когда и с кем.

При жизни матушки Катунина выбор для отдыха родительского дома был естественным и беспроблемным. Сложнее оказалось выбирать, когда незабвенной матушки не стало. Дядя, матушкин брат, тоже привечал. Но, остановившись у него раз-другой, Катунин занервничал. О том, что Золотой увлекался спиртным, он, конечно знал. Но одно дело – знать, совсем другое – видеть воочию. Запой могли длиться днями. Полноценный отдых становился невозможным в принципе. Тут никакой эликсир молодости, никакая живая вода не помогут.

И всё-таки он останавливался в деревне. Дядя, с которым вырос бок о бок, был бездетным, и казалось важным скрасить одиночество стариков хотя бы минимальным вниманием. Надеялся и на то, что уж на этот раз пронесёт. Да и жалко было: судьба у родственничка не приведи Господь.

Золотой – не имя и не фамилия – кличка. Так прозвали его отца, вернувшегося с Первой мировой войны в расписанном золотом мундире да ещё и с «Георгиями». Кличку в наследство оставил сыну. Больше – ничего.

Хмельной Золотой любил вспоминать, как в село заехал шумный табор цыган. Женщины, звеня монистами и польхая красными длинными юбками, разбежались по дворам. Одна, бойкая, глаза с головку репчатого лука, оказалась в доме Золотого. Увидев на столе красивую брошь, вызвалась рассказать о судьбе хозяина – что было, есть и что будет. Уговорила. Вытащила откуда-то из многослойных юбочных тайников зеркальце, несколько раз провела по нему пальцами, что-то загадочно шепча. Зеркальце тут же будто вскипело, покрывшись мелкими капельками воды.

– Ну вот, дорогой, ну вот, золотой, – тараторила цыганка. – Несчастный ты мужик, ох, несчастный. Плакал, плачешь и будешь плакать. Без отца вырос, немцы чуть не расстреляли, в казённый дом угодил. Дальше говорить не буду, чтобы не расстраивать, и брошь за гадание не возьму – жалко тебя.

Воспоминания у Золотого непременно вызывали слёзы. Утверждал: прошлое чавела угадала, а вот насчёт будущего промахнулась. Живёт он сейчас как у Христа за пазухой. Частые запои к благу не относил, но не относил и к несчастью, руководствуясь формулой: пьяный проспится, дурак – никогда.

Цыганка, похоже, действительно умела узнавать прошлое. Лет в семь остался дядя без отца при живом бате. Поглянулась тому разбитная молодка. Первое время не мог спокойно пройти мимо их двора. Всегда пробегал. Стыдился. Будто не его отец бросил, а он баты. Пытался даже из остатков косы нож смастерить, чтобы лишить жизни разлучницу, полоснув остриём по самому горлу. Уж и ручку фигурную янтарного цвета сделал. Проговорился матушке, Катунинной бабушке. Та прижала к себе и сказала:

– Не вздумай. Не позорь нас. Не поможет. Косой отцов не возвращают. У Бога всего много. Хватит и на нашу долю счастья.

Видно, ошиблась – не хватило. Сначала навалилась коллективизация, потом начали усиленно искать врагов народа. Только-только прошли это минное поле, грянула война. Немцы оккупировали хутор летом, в начале июля. Подкатили на танках и мотоциклах к колодцу, который был рядом с домом. Увидев Золотого, заставили попить воды из немецкой алюминиевой кружки. Убедились – не отравлена. Напились сами, хохоча, облили его с головы до ног и отпустили, называя Ванкой-Манкой, то есть Ванькой-Манькой.

Золотому не понравилась ни картавая речь, ни мышинового цвета форма, а больше всего – бесцеремонность, с которой вели себя незваные гости.

– Скоты! – шептал он, видя, как солдаты с обнажёнными торсами, попив водицы и облив себя водой, тут же, у колодца, принялись мочиться. – Хуже скотов.

Хлеба были ещё не сжаты, и новые хозяева заставили взрослых односельчан – женщин да стариков – убирать поля днём и ночью. Золотой с приятелем решили показать, кто в доме хозяин. Они достали припрятанные автоматы, найденные в лесополосе, и открыли по односельчанам огонь. Стреляли поверх голов. Стращали честной народ.

Сосед, почтенных лет почти слепой старик, у которого двое сыновей были на фронте и который симпатизировал новым хозяевам, вычислил ребят и посадил под замок, чтобы предъявить оккупантам. Но односельчане не дали. Старикан, видимо, одумался: выдрал народных мстителей шестнадцати лет от роду мокрыми вожжами и отпустил. Пронесло, хотя попереживать пришлось. С тех пор приятелей величали партизанами. Кто с теплотой, а кто и в насмешку.

На второй год войны, в январе 1943-го, сразу после освобождения села семнадцатилетний Золотой ушёл добровольцем на фронт. Боялся, что война обойдётся без него. Часть из местных хлопцев собирали спешно. Обучать и основательно вооружать её было, видимо, некогда. Не до того. Под сельцом с причудливым названием Стригуны часть приняла бой и рассыпалась карточным домиком. Новобранцы разбрелись по всей округе, не зная, что делать. Какой-то седой генерал, проезжавший на трофейном «Виллисе» и увидевший растерянных ребят, сказал: «Сынки, идите по домам. Без вас разберёмся».

Пошёл домой и дядя Катунина. Новенькие сапоги выменял на еду. Километров сто шёл по мартовскому подтаявшему снегу в перевязанных бечевой портянках. Дома заболел. Болел долго, трудно, впадая в забытьё. Еле выкарабкался, но всю жизнь тяжко, надрывно кашлял. С тех пор и начал таять на глазах. Остались кожа да кости. На фронт больше не направляли. Призвали восстанавливать Сталинград. Снова провожала его матушка Катунина. Теперь просил побыть с ним подольше. В Сталинграде столярничал, плотничал, крыл крыши. Повезло? Да как сказать: с одной стороны, неизлечимая болезнь до конца дней, с другой – не попал на передовую. Окажись в окопах – выжил бы?

Вернулся домой только в 1946 году. Но дома не задержался. Летом 1947-го, в жатву, обоз с зерном нового урожая отправили на хлебоприёмный пункт. Старшим назначили Золотого. Было голодно. Решили прихватить хлебца. Брали мешки за углы, высыпали зерно в бурт, а что оставалось в углах – было уловом. На выезде из приёмного пункта охранники тару взвесили. Она оказалась подозрительно тяжеловатой. Из мешков высыпали хлеб. Набралось семь килограммов пшеницы. Вот и справил Золотой новоселье в негаданном месте – в казённом доме на Крайнем Севере. За семь килограммов зерна – семь лет нар.

Крайний Север и так не подарок. А тюрьма в краю непуганых медведей – тем более. Приходилось всей семьёй вязать шерстяные носки, выращивать на огороде табак и оправлять всё это посылками в зону. Доставалось в первую очередь Катунинной матушке – посылку надо было отнести в город, и только потом она могла следовать к адресату. До города более пятидесяти вёрст. Хорошо, если подвезут. А если нет – только на свои ноги надежда.

Когда Золотого сразу после смерти Сталина освободили, а затем и реабилитировали, как бы освободили и реабилитировали всю семью. Катунин

хорошо помнил день, когда Золотой возвратился домой. Мальцу было четыре года. Тогда он не понимал, где и почему был дядя, почему бабушка опустилась перед пришельцем на колени и сказала, не сдерживая рыдания:

– Сынок, ты святой. Только святые выходят из этого ада.

Позже Катунин понял её правоту. Выдержать Крайний Север с изрежёнными болезнью лёгкими мог, наверное, человек, действительно приближённый к небесной канцелярии. И потом бабушка всю жизнь огораживала сына от трудностей, будто была виновата в том, что Золотого определили на нары, отправив, как отпетого уголовника, в суровые края.

О лагерной жизни он почти ничего не рассказывал. Вроде и не было долгих лет испытаний. О Сталине говорил не иначе как о вожде, который рождается раз в столетие.

– Он же тебя погнал на каторгу. За семь кило зерна – семь лет, – недоумевал Катунин.

– Погнал не Сталин, мил друг, а окружение. Мало ли вокруг него дураков вилось? Если нас в ежовых рукавицах не держать – всю страну по карманам растащим. Он её, страну, собрал, отстоял от немца. Посмотри на карту: вон какая завидная – мама не горюй... Это тебе не тщедушная какая-нибудь Лилипутия. Что за страна с лапоть величиной? В лагерях не мёд. Зато теперь любого мужика за пояс заткну.

Он имел в виду, конечно, не физическую силу. Благодаря лагерям Золотой, по его признанию, увидел в себе человека. Катунин не мог объяснить эту метаморфозу. ГУЛАГи отнимали у заключённых здоровье, калечили души. Дядю же лагеря не обобрали, не ошкурили, а, напротив, как бы огранили, слегка обтесали. Пришёл без единой татуировки. Не пил. По возвращении домой бросил курить и был самым востребованным специалистом в округе.

Первое время, соскучившись по жизни на воле, Золотой брался за всё. Но постепенно энтузиазм иссяк. Нимб человека, ни за что сурово наказанного, проступал всё ярче, был всё объёмнее. Считал, что после северных лагерей имеет право пожить для себя. Даже кузнечное дело, которым занимался на первых порах, его начало тяготить. Готовился к тому, чтобы зарабатывать трудодни дома. Построил мастерскую. Её можно было принять за выставку столярных инструментов: на стенах – мудрёных названий рубанки метровой величины и крохотные, долота, стамески, деревянные лучковые пилы и ещё великое множество приспособлений для обработки дерева. Всё сделал сам – щепетильно подбирая и выдерживая материал и с усердием подгоняя каждую деталь.

Когда появилось электричество, по собственному разумению сладил универсальный столярный станок. Настенная коллекция инструментов оказалась ненужной. Знатоки её сватали. Были гонцы даже из столицы. Предлагали большие деньги. Дядя, в деньги влюбчивый, в этом случае становился резким и непреклонным. Говорил обзлённо:

– Это моя душа. А она не продаётся ни ангелу, ни чёрту, ни дьяволу. Ступай отсюда, мил человек, подобру-поздорову, не доводи до греха, а то обматерю.

Дядя, отъявленный матерщинник, почему-то, посылая друзей и врагов по различным эротическим маршрутам, не избегал при этом ласково-умилительных обращений: «мил человек», «душа моя», «сударь». Блатняк в его словаре почти отсутствовал. Говаривал:

– Я не фокусник, но сделаю всё, что душе угодно.

Мог он сделать действительно почти всё, без чего сельскому жителю было тогда не обойтись. Не касался только машин.

– Это не по моей части, – вроде как оправдывался. – Бензин и солярку каждый день нюхать здоровье не позволяет. Столярка – моё. Захочу, ковёр-самолёт слажу. Деревянный!

Дядя любил прихвастнуть. Особенно в компаниях, на которые у него был нюх, как у пчелы на нектар. Только-только соберётся кучка народу, а он уже там. Тут же, с ходу, никем не прошенный, вступает в спор, доказывает, опровергает, ну и, разумеется, хвастается умением. Ковры-самолёты из его мастерской, конечно, ни разу не вылетали. А вот окна, двери, столы, стулья, табуретки, шкафы и ещё великое множество столярного товара он выпустил. И не только столярного. Свалить и подшить валенки, стачать сапоги, тапочки – пожалуйста! Сложить печь, покрыть крышу соломой ли, шифером или железом, срубить дом – запросто! Подковать лошадь, изладить хомут, сбрую, сани – да ради Бога! Делал с душой. Тот же хомут, украшенный медными рельефными пластиночками, выглядел нарядно, празднично, и казалось, что он приободрял самую захудалую колхозную лошадедку. Как и янтарного цвета дуга, украшенная растительным орнаментом, под которой звонко и бодро в любую погоду пел колокольчик.

– Что такое дуга, скажи-ка, мил друг? – спрашивал Катунина. – Упряжь, которая не позволяет хомуту набивать коню грудь? Э-э-э, мил человек, мелко плаваешь! Представь: у невесты вместо фаты лапоть на голове. И как тебе такая невеста? А лошадь – она покруче невесты будет, если за ней ухаживать. А если не ухаживать – лучше не заводить. Понял, что такое дуга, друг ситцевый? Фата, корона царская!

Когда люди, которых на дух не переносил, к нему приводили коня, чтобы подковать или почистить копыта, он всё равно брался за работу и делал её на совесть.

– Мы можем собачиться сколько угодно, а животное при чём? – опять будто бы вёл с Катуниним диалог Золотой. – Лошади – существа бессловесные. Они нашу лапотную деревню столетиями из грязи вытаскивали. Кла-няться им надо, мил друг. Кла-нять-ся!

В доме всё, вплоть до рамок для фотографий, было изготовлено собственноручно. Над одной рамкой горбился особенно долго, инкрустируя её, украшая затейливыми узорами. Поместил в неё большой портрет средних лет мужчины, в галстуке, фуражке, с усиками мушкой, и прилаживал на стену рядом с иконами.

Катунин удивился:

– Почему портрет отца в святом углу? Он же не святой. Тебя бросил...

– Для меня батя святее святых, мил друг, – зло зыркнул на Катунина наивной детской синевы глазами. – Ещё посмотрим, что из тебя, племянничек, получится. Святой или грешный... Жизнь из святых быстро делает грешных. Не успеешь оглянуться, а уже чёрт с хвостом.

Странная особенность была в его характере. В одних случаях – железная твёрдость. В других – детская податливость. Со временем эта податливость проявлялась всё больше и больше и связана была с его мастеровитостью. Многочисленные клиенты, за исключением колхозных заказчиков, старались отблагодарить Золотого не только рублём, но и вездесущим магары-

чом. Постепенно его верной и единственной подругой становилась рюмка. Сначала выпивал для аппетита, потом – с устатку, а потом – каждый день по поводу и без повода.

Тётя Вера старалась отбирать дары клиентов, он начал эти дары прятать то за стреху, то в кучу опилок, то ещё куда-нибудь. Вставая рано утром, она пыталась обнаружить потайные места и прибегала к самосуду, тут же разбивая бутылки. Самосуд привёл только к тому, что раньше он называл супругу жёнушкой, Верушкой. Теперь у неё было одно грубоватое имя – Верка: Верка, возьми, Верка, принеси, Верка, купи – не иначе.

В остальном самосуд ничего не давал. И заказчиков было много, и дядя был изобретателен. Золотой вычислял потенциальных клиентов и авансом выпивал магарыч у них дома. Запойные дни могли сочетаться с месяцами трезвыми. И тогда цены ему не было. Но штиль да гладь да божья благодать, видимо, скоро надоедали, и вновь начинало штормить. К себе был снисходителен, а к таким, как он, беспощаден, называя их безвольными слабаками. Рассказывал об одном бедолаге, который по своей инициативе проходил курс лечения в стационаре. Приехал домой обнадёженный. Человека будто подменили.

– Представляешь, племянник, на выпускном всех их, алкашей чёртовых, построили в две шеренги. Велели выйти из строя нашему земляку. Поднесли полстакана водки. Тот выпил – и в обморок. Хорошо, хоть рядом врач был, откачал...

Вернулся героем. Живёт месяц, другой, третий. Мужики отмечают праздники, выходные, собравшись у магазина, пьют за компанию. В их обществе он чувствовал себя человеком второго сорта. И не выдержал. Купив бутылку водки, поехал в город, сел на пороге больницы. Выпил, сколько хотел. Больничная помощь не потребовалась. Нерушимая дружба с рюмкой была восстановлена, а историю эту долго муссировало местное общество как образец изобретательности и твёрдости духа мужика. Сельчанин ходил в героях, не подозревая, что над ним подтрунивают. Дядя его осуждал. Сам утренние обходы клиентов не прекращал, собирая самогонный оброк без стеснения, и к алкашам себя не относил. И что удивляло больше всего: ни возраст (а Золотой прожил три четверти века), ни тщедушность, ни частые объятья со спиртным почти не сказывались на его работоспособности. Столярка выпархивала из мастерской по-прежнему часто и во все концы.

В войне с Бахусом Катунин был на стороне тёти Веры. Золотые – одногодки. Оба прошли жесточайшую школу жизни. Может быть, в молодости их взгляды на всё, что окружает, и совпадали, но к старости они разошлись так, что совместная жизнь вызывала удивление, потому что была сродни существованию в одной клетке кота и канарейки. Дядя хорошо освоил роль кота-разбойника. К гостям относился с явной неблагосклонностью, считая, что они сужают его жизненное пространство, урезают свободу, вносят дискомфорт в давно сложившийся уклад. Прежде всего, уменьшают возможность приложиться к рюмке, хотя при случае он посылал по дальнему маршруту гостей и отмечал любой день недели как престольный праздник.

По этой же причине тётя Вера гостей привечала. Они увеличивали не очень многочисленную армию сторонников, демобилизовали её решительность и совместными усилиями, как ей казалось, окорачивали порочные

страсти супруга. И был в этом не только некий нравственный, но и сугубо бытовой резон. Тётя Вера передвигалась с трудом, а у Золотого, хоть и в чём душа, средства передвижения были в полном порядке. Он ходил так, будто вот-вот сорвётся в бег, и даже ездил на велосипеде. Без него ни воды принести, ни в магазин сходить, ни выполнить другую обыденную домашнюю работу.

А ещё гости скрашивали её быт. Золотой, если не пьян, работал в мастерской или налаживал отношения с заказчиками. Дни проходили в одиночестве. А тут готовая слушать любые деревенские истории аудитория! Тётя Вера, рассказывая, по обыкновению, что-нибудь делала: резала на тонкие дольки-лепестки яблоки и груши, чтобы высушить на зиму под солнцем, лепила вареники с картошкой или творогом, закрывала банки помидоров с огурцами, вязала пучки чеснока, чтобы повесить их на чердаке. За этими занятиями и сыпались как из рога изобилия истории одна печальнее другой.

То вспомнит, как жилось ей, 16-летней девчонке, оставшейся сиротой, с двумя братьями намного младше её в голодный 1946 год. Однажды соседи, у которых была корова, принесли два кувшина молока. Тётя Вера протомила его, поставила глиняные кувшины драгоценней древних греческих амфор в сундук, который закрыла на амбарный замок. Подумала: как хорошо, сделает из молока ряженку, на неделю хватит. Приходит домой с работы – сундук на месте, замок на месте, кувшины на месте, на самом горлышке, вверху, подрумяненная молочная пенка красуется. Только в кувшинах молока – ни капли. Оказывается, голодная гвардия с помощью соломинок, пропущенных между досок сундука, выцедила всё до грамма.

– Вот какие были пострелы, – шептала она, плача и чему-то улыбаясь.

Но чаще всего разговоры роем вились вокруг персоны дяди, и улыбка сходила с её лица. Она причитала:

– Всю жизнь на него положила, а он каженьй божий день в душу плюёт. Господи, прости меня, Господи. Такой человек скаженный.

В тётверином лексиконе слово «каженьй» означало «каждый», а «скаженный» – «непорядочный», «искажённый», из свиты самого сатаны.

– Приходит соседка, говорит: «Верка, забери своего Ваньку-Встаньку». Где забрать, как забрать? «У нас дома на диване лежит, – отвечает. – Пошла в огород за луком, двери на щеколду – и всё. Возвращаюсь – хата нараспашку. Я в ступор. Неужто цыгане похозяйничали? Больше, слава Богу, у нас некому. Захожу, а твой красавец свернулся калачиком и дрыхнет. Двор, видать, перепутал по пьяни». Вот скаженный, так скаженный. Полдня домой тянули. Господи, за что ты меня наказал, за что?

Пошамкав беззубым ртом, продолжала:

– Погнал коров деревенских пасти. Вечер в окна заглядывает, стадо по домам разошлось, а пастуха нету. Сиж у калитки на лавочке, жду. Часа через два является. Еле на ногах держится, но с букетом ромашек. Где, говорю, был? А он: цветы тебе собирал, больно красивые ромашки попались. Тьфу!

Иногда соседи говорят: «Вер, сегодня «Любовь и голуби» опять показывать по телеку будут. Посмотри». А зачем смотреть? У меня своя любовь и свой голубь. Сел на лавочку рядом и задремал. Ромашки ноги нюхают. Я его домой тяну, а он улыбается, улыбается. Скаженный!

Не успевала аудитория переварить одну историю, а она уже начинала другую:

– Сделал мой благоверный скворечник. Висит себе и висит на фронте мастерской аккуратный птичий домик, скворцов поджидает. Птицы несколько раз прилетали, но что-то им не поглянулось, и на квартиру не стали. Смо-

трю: что-то уж слишком часто он птичий домик прилаживает, хотя жильцов у него нет. Что-то тут не так. Думаю, дай понаблюдаю. Мама дорогая!..

У скворечника оказался секрет: боковая стенка покоилась на скрытых петлях и открывалась вроде дверцы письменного стола. Туда, поднявшись на стремянке, Золотой прятал самогонное богатство. Тётя распотрошила и этот клад. Дядя в очередной раз стал героем хуторских прибауток.

– Золотой, а Золотой, ты у нас птицевод. Вон каких скворцов вывел. Горластые, с зелёным отливом, – ехидничали.

– Выведешь тут с ними. Сами бутылки суют, а потом издеваются, – оправдывала на этот раз тётя Вера суженого.

Но очередная история вновь была не в его пользу.

– Привезли в магазин водку. «Пойльская» именуется. Да что это я? Какая там «Пойльская»? Нет, не «Пойльская»... Бутылка благородная такая, как ваза, хоть на выставку...

– Может, «Посольская»? – робко предполагал кто-нибудь из слушателей.

– Ну да, ну да, «Посольская». Во память стала, что решето: сколько ни наливай, всё равно пусто будет. И голова пустая-пустая.

В доказательство тётя Вера стучала по лбу морщинистыми пальцами, вздохнув, перекрещивалась и продолжала:

– Ведь я, тетёрка, водку дома не держу. У него нюх, как у кота на колбасу. А тут купить решилась. Братец меньшей – Цыганом из-за чёрных курчавых волос дразнили – обещался в отпуск заглянуть. Лет пятнадцать не виделись. Как по-человечески не встретить? Купила. Сховала в старый валенок да на печь вместе с другими валенками отправила. Время от времени заглядываю: лежит-полёживаает бутылочка невредхонька. Ну, думаю, хоть раз провела.

Приехал брат. Накрыла стол. Чокнулись. Хотела и я согрешить ради встречи, рюмку приглотить. Да голубить оказалось нечего. В рюмке вода гольная из колодца. Ума не приложу, как подменил: все запоры на месте, а невесты нет. Ищи ветра в поле. Хорошо, опять соседи выручили, не подвели.

Если тётя Вера начинала обличительные речи, а Золотой был дома, он бросал по обыкновению:

– Ну, запела, запела... Ты бы рассказала лучше, как дом доской паркетной обил снаружи. Каждую дощечку собственными рукам ошупал, обнюхал, выстругал, каждую дощечку подогнал да покрасил масляной краской. Крышу железом перекрыл, водостоки сделал. Ты хоть пальцем пошевелила? Только погоняла. У одних хаты рубероидом обиты, у других – крашеным шифером или железом. Стоят что сараи. А у нас – терем! Ты бы рассказала, как колодец прямо во дворе справил. Какой погреб кирпичный выложил. Как весь двор вымостил. А ты слова доброго не сказала. Заезженная пластинка, всё об одном и том же: какой у тебя муж – дурак. Я дурак, а ты хорошая-расхорошая... Цаца нашлась!

После такого монолога Чацкого дядя почти выбегал из дома, матерясь и зло хлопая дверью. Все участники шоу чувствовали себя неловко, не знали, что делать. Но через день-другой обличительные монологи продолжались.

Тётя Вера была щедра, угощая слушателей. Если картошку жарит, то так, чтобы плавала в масле, как рыба в воде. Если пирожки печёт, то такие, что одним можно взвод выходящих из окружения солдат накормить. Бывало, провожая Катунина домой, совала ему в руку несколько мятых сотенок.

– Что суешь, что суешь? – возмущался дядя, никогда не отличавшийся щедростью. – Да у него этих денег куры не клюют, прятать некуда. Чай, в столице живёт, вон где работает! А ты ему рваные сотенные.

– Боишься, тебе на бутылку не достанется? Я чужие деньги не считаю. Всё, что есть – его. А это внучке передаю. Пусть мороженым лишний раз побалуется.

Лишь одно могло хотя бы на время примирить враждующие стороны – бразильское теледиво «Рабыня Изаура». Сериал транслировали ещё в советские времена дважды в день – утром и вечером. Чем бы родственники ни занимались, они откладывали дела в сторону и мостились у телевизора. Тётя Вера возлежала на диване на боку, положив ноги на стул, дядя прямо на полу, упёршись локтями в подушку.

– Ишь ты, тетеря, гляди-ка, прямо пава, вот тебе и рабыня... Так тебе надо, чёрт рогатый, – сопровождали они действие короткими фразами.

Иногда дядя не умел соединить логику нескольких сцен и спрашивал у тёти Веры:

– Верк, а Верк, чего это она?

Тётя Вера покровительственным тоном разъясняла, не забывая уколоть:

– Пить меньше надо!

– Да ты хоть бы в святой день помолчала! – не выдерживал дядя. – Хоть бы в святой день...

Катунин долго удивлялся тому, что Золотой называл святыми днями обыкновенные дни недели, когда показывали мыльную оперу. А потом понял, почему. Жизнь Изауры напоминала их собственную жизнь, до самого верху наполненную отчаянной борьбой за выживание, за кусок хлеба, просто за добрый взгляд. Но эта обыденная жизнь не предполагала счастливого конца, он не то чтобы не угадывался в туманной дали, его – такова планида – просто не могло быть. Не могло, и всё. А тут самый настоящий «хеппи энд», который размягчал, распрямлял душу, вселял минутную иллюзорную надежду на то, что счастье придёт и за ними, как пришло за Изаурой. Придёт и скажет: «Господи, как вы далеко живёте. Еле добралось».

Но счастье не приходило. Поэтому, наверное, оказался мало востребованным подарок Катунина – видеомагнитофон и кассеты с записями этой и других модных тогда мыльных опер, сделанный много-много позже. Видак поставили на полку под телевизором, накрыли темно-вишнёвого цвета накидкой. Тётя иногда смахивала фланелевой тряпочкой пыль с «видеоцентра», завершая процедуру одними и теми же словами:

– Вот и побывала в гостях у сказки...

Вспоминая всё это, Катунин поднялся. Не зная, что делать, начал приседать, вытягивая руки ладонями вниз. Очередной раз приседая, заметил под диваном свёрнутые в трубочку листы бумаги в клеточку, которые, видимо, обронила тётя Вера.

Какая-то неведомая сила, которую трудно назвать даже любопытством, заставила его опуститься на колени и, припадая на локти, достать находку.

Примостившись на краешке стула, он опасливо и брезгливо снял с неё пыльную паутину и стал читать, с трудом разбирая каракули. Золотой спал, время от времени произнося одну и ту же фразу:

– Вчера это... завтра. Завтра... это вчера.

– Ещё один Черномырдин-златоуст нашёлся, – зло подумал Катунин, опасаясь, как бы за чтением чужого письма его не застала тётя, и презирая себя за любопытство. Послание было коротким, с соблюдением стиля мещан-

ской среды столетней давности. Писали его спешно химическим карандашом то ли на колене, то ли ещё на какой-то неровной, зыбкой поверхности.

В правом углу размашисто вроде эпитафия выведено: *«Лети с приветом вернись с ответом»*. Ниже шёл текст. Внутри предложений почти никаких знаков препинания не было. *«Здравствуй, душа моя Верочка. С горячим северным приветом к тебе и самыми што ни есть наилучшими пожеланиями Александр. Верочка во первых строках небольшого письмеца спешу сообщить што жив и здоров чего и тебе желаю. Мы с тобою Верочка как будто Богу негодные люди. То разлучила война. То псиной вцепилась тюрьма и на семь лет загнала на нары. Но ты верь мне. Ты жди меня. Я каждый день в мыслях хожу от Ухты до нашего дома, чтобы хоть раз будто случайным ветерком заглянуть в твоё окошко. Я всё выдержу и перенесу только чтобы увидеть тебя.*

Душа моя Верочка. Ты знаешь как я попал сюда. Следовательно языком чесал возьмёшь всё на себя будешь сидеть немного а как не возьмёшь то отправит всех туда куда Макаф телят не гонял. И будете вы там пасть до седых волос. И сказал што и ты вместе со всеми будешь нагуливать жирок на вольных тюремных хлебах.

Душа моя Верочка. Рази я мог позволить чтобы твои кровиночки-братья остались без пригляда? Штобы ты проводила цветущие годы на нарах? И я взял всё на себя и пошёл по этапу. Будь уверена во мне тебя я никогда не забуду и не разлюблю.

Душа моя Верочка. Не писал тебе по причине што довели меня. Определили подшивать валенки тех кого гонят по этапу. У нас такая норма што справиться с нею невозможно и за сутки а не то што за 12 часов. И придумали тут выход. Прихватывают к подошве местах в трёх-четырёх драгвой другую подошву што для ремонта. И погружают валенки в таз с водой и выбрасывают на улицу где мороз 50. Здесь не только мокрые подошвы смерзаются здесь кипяток на лету в душу дьявола превращается. А пойдут по этапу люди, ноги валенки согреют и подошвы отвалятся.

Верочка. Тут на севере всего много. Снега, леса, морозов. Но на севере нету тепла. Особенно среди зеков. С волками жить да по овечьи блеять не получится. А я не стал подвывать. Ай я не человек ай христианского у меня духу нету? И припёрла к стене стая так что наглотался я негашёной извести. Ради Христа прошу тебя ты не беспокойся лежу в тепле в лазерете. Глотка ещё побаливает. Не плач, не рыдай душа моя Верочка. Слёзы лить токмо душу травить. Осталось полтора годка до нашей встречи до моей свободы. Душа моя Веро...»

На этом письмо обрывалось. Оно не могло быть отправлено по почте да, судя по потёртостям, не было отправлено никуда вообще. Где хранилось, как оказался в лагере запрещённый там химический карандаш, почему тётя Вера время от времени, когда Золотой в очередной раз уходил в загул, доставала свёрток и по слогам, плача, читала пожелтевшие страницы, стараясь, чтобы никто не застал, Катунин не знал и знать не мог. Может быть, неровные, корявые строки письма и оставались той молитвой, которая призывала давнюю жертвенную любовь на помощь в самых каверзных ситуациях?

Он свернул находку в трубочку, опустил под диван и, ошарашенно взглянув на постанывающего во сне Золотого, выбежал на улицу – под резвый холодный дождь. Катунин чувствовал, что открыл в чете Золотых что-то новое, даже неподозреваемое. Он силился и ещё не мог понять сути этого открытия.

А дождь шёл и шёл не переставая. Жизнь продолжалась, но какая-то иная жизнь, на которой смутно настаивала душа.

**Дарья
ИЛЬГОВА**

ПРОВИНЦИЯ

(венки неправильных сонетов)

*А в слове будничном «провинция»
горчит какая-то вина.*

Александр Лошкарёв

1

Не веришь, есть ли жизнь сама.
Во всё пытаешься взглядеться.
И держит память, держит детство,
Но гонит горе от ума.

Вдоль улиц шаткие дома.
Вот дом, доставшийся в наследство,
Разруха, горькое соседство –
Вся эта кровная тюрьма.

Вот сад, вот сорный огород,
Сосед, напившийся урод,
Изображающий кронпринца.

Не выжить. Скован страхом дух,
Ведь не дано нам жизнью двух.
Но выживаешь. Дело принципа.

2

Но выживаешь. Дело принципа.
Худой налаживаешь быт,
Преодолев и страх, и стыд,
Соседу пригрозив полицией.

Но не очерчена граница.
И после стопки страх забыт.
Дух гонит пыль из-под копыт
И слёзно рвётся веселиться.

-
- Дарья Алексеевна Ильгова родилась и выросла в селе Ольховатка Воронежской области. Окончила Московский государственный психолого-педагогический университет и Литературный институт им А.М. Горького. Стихотворения печатались в журналах «Москва», «Плавучий мост», «Нева», «Наш современник», «Дети Ра» и др. В настоящее время живёт в Москве.

Наутро траурный, как мел,
Забыв спросить на опохмел,
Сосед приходит повиниться.

Он будет к вечеру прощён.
И погрузится в мирный сон
Моя безгрешная провинция.

3

Моя безгрешная провинция
Не верит всем календарям.
Пойдёт позёмка по полям,
Тогда и надо утеплиться.

Живи сегодня вольной птицей.
А как прикажут – по ролям,
Служи без драмы королям.
Покорность да вознаградится.

И будет рынок по средам –
Китай и ферма в два ряда.
Кому фирмá, кому хурма.

Свобода – тяжкое клеймо
На каждом ставится само, –
Как водится, сошла с ума.

4

Как водится, сошла с ума
Держава, суши часть шестая,
Землёй и морем прирастая,
Опустошая закрома.

В деревне лютая зима,
И пятый месяц снег не тает.
По вечерам надоедает
Смотреть и слушать дотемна,

Как сквозь дома и огороды
Прошла братские народы
Неразделимая тесьма.

А мы до звёзд дойти могли бы,
Когда бы ни извечный выбор:
Назад – сума, вперёд – тюрьма.

5

Назад – сума, вперёд – тюрьма.
А золотая середина
Согнёт в дугу любую спину.
Подставь-ка шею для ярма.

Налево – тьма, направо – тьма.
И тьму пройдя наполовину,
Пытаешься пройти с повинной
Жизнь быстротечную весьма.

Себе не признаваясь в том,
Что происходит за окном,
По вечерам вязать на спицах.

Побой на аперитив.
И никаких альтернатив.
Альтернатива – тихо спиться.

6

Альтернатива – тихо спиться.
Или пожить как нелегал
На материнский капитал,
Когда надумаешь жениться.

Уж лучше дохлая синица,
Ну, полудохлый маргинал,
Лишь бы поленца настрогал.
Ты это видела, столица?

Так, на исходе сорок третьего
Соседка ожидает третьего.
О, контрацепция, ты – фикция.

Когда так далеко до выборов,
Утешит нас любая выплата.
Но безутешная провинция...

7

Но безутешная провинция,
Коль голь на выдумки хитра,
Во тьме соседского двора
Создаст любую коалицию.

Сияют радостными лицами,
Как будто детская игра
Застала с самого утра
Шута, святого и провидца.

Возьмут законные пол-литра –
И сразу яркая палитра
Раскрасит серые дома.

Залив за воротник сто граммов,
Страна улыбчивых Иванов
Поёт и пляшет задарма.

8

Поёт и пляшет задарма
Деревня. Что ей остаётся?
На дне советского колодца
Жива чума и Колыма.

Кому жена, кому верна,
Как неживое сердце бьётся.
Со дна российского колодца
Уже не слышно ни хрена.

Со дна продавленной постели
Давно чихать они хотели
На ваши чёткие понты.

Презрев обиды и ушибы,
А вы ноктюрн сыграть могли бы
Среди тщеты и нищеты.

9

Среди тщеты и нищеты
Живёшь, неволью озираясь.
Но вот уже тугая завязь
Покрыла голые кусты.

Зима сдаёт свои посты,
На дни весенние не зарясь.
Жизнь переменчива, на зависть.
И год прошёл. И след простыл.

Среди бедлама и аврала
Ты как-то перезимовала.
Сожгла последние мосты.

О, родина, не на престоле,
А на танцполе в чёрном поле
Так яростно танцуешь ты.

10

Так яростно танцуешь ты –
Летят железные браслеты.
Никто на свете том и этом
Такой не видел красоты.

До Грозного от Калиты
На всех детей достанет клеток.
Но вспомни, вспомни этих деток,
Как отойдёшь от наркоты.

Подай им от своих щедрот
На каждый вымученный рот,
Сироток не лишая детства.

Смотри: у всех твоих жильцов
Такое жалкое лицо,
Что даже больно приглядеться.

11

Что даже больно приглядеться –
Не то придётся рассмотреть,
Что мы улыбчивы на треть,
Но лени треть и треть злодейства.

Такое горькое наследство –
Всего бояться и терпеть,
Пока не выбьет эта плеть
Последние остатки бедства.

Соседи бьются над квартплатой,
Соседи плачут над зарплатой
Во тьме ночей, во свете дней.

Хотят – раздеты и разуты –
В минуты горечи и смуты
Не знать агонии твоей.

12

Не знать агонии твоей
Хотят от мала до велика.
Лишь зверобой и повилика.
Лишь ласточка и соловей.

Ни закипания кровей,
Ни умирания, ни крика.
Любое слово как улика.
А я хочу назвать своей

И, вопреки любой разрухе,
Любить, как дети и старухи, –
Чем безнадёжней, тем верней.

Пока томится блажь порыва,
Пока ещё надежды живы
Не видеть смерть моих корней.

13

Не видеть смерть моих корней.
Идти по улице Дьячкова,
Не думать ничего такого,
Внутри не тосковать о ней.

Скажи – бывало пострашней,
И это под луной не ново.
Скажи, скажи. Любое слово
Не лечит, только бьёт больней.

Идти и не терять лица –
И признавая мудреца,
И принимая иноверца.

Но не в сегодняшнем аду,
Когда не знаю, где иду.
На это мне не хватит сердца.

14

На это мне не хватит сердца.
Нужна калёная броня,
Чтоб выжить на закате дня
И поутру не перегреться.

Дрожать над призрачностью тельца,
Пока без дыма и огня
Всё порешают за меня,
За неразумного туземца.

Когда велением природы
И человеческой породы
Стучится смерть во все дома

В провинции, где слово «помощь»
Уже забыто и не вспомнишь,
Не веришь, есть ли жизнь сама.

15

Не веришь, есть ли жизнь сама,
Но выживаешь. Дело принципа.
Моя безгрешная провинция,
Как водится, сошла с ума.

Назад – сума, вперёд – тюрьма.
Альтернатива – тихо спиться.
Но безутешная провинция
Поёт и пляшет задарма.

Среди тщеты и нищеты
Так яростно танцуешь ты,
Что даже больно приглядеться.

Не знать агонии твоей,
Не видеть смерть моих корней –
На это мне не хватит сердца.

**Амир
МАКОВ**

БОГ НА ЛАДОНЯХ

У меня это, как и у большинства людей, происходило с известной степенью притворства и недоверия: исполнится – хорошо, а не исполнится – не в обиду. То есть я просил о помощи, призывал участвовать в моей жизни, не задумываясь, чем обернётся приближение к всемогущей силе. А что если она и в самом деле проявит свою сущность и сольётся со мной – станет частью меня или я её? Смогу ли принять с благодарностью её влияние на мою жизнь, хватит ли ума и мужества достойно встретить чудотворное явление, которое я призывал не всегда осознанно? Со временем эти мысли стали посещать меня чаще, и я был, видимо, настолько ими впечатлён, что они начали преследовать меня всюду, даже во сне.

Сейчас уже трудно вспомнить, что со мной происходило в эти несколько дней – всё обратилось в мешанину обрывочных мыслей и впечатлений. Мне надо очень потрудиться, чтобы изложить свою историю хоть сколько-нибудь внятно. К тому же я не решаюсь сказать, как долго длилась эта история, хотя опростительно упомянул о нескольких днях. Может, и так, а может, одну только минуту или того меньше – мгновение. Я теперь ни за что не поручусь.

Поди узнай, с чем я проснулся в то утро, какие видения меня посещали, спал ли я вообще, да и утро ли то было, когда я свёл руки под летним умывальником, чтобы набрать воду и омыть лицо.

Этот неясный контур рисунка на ладонях я поначалу принял за машинное масло, въевшееся в кожу во время ремонта автомобиля. Решил, что после утомительной работы я помыл руки не совсем тщательно, только и всего.

-
- Весмир (Амир) Леонидович Маков родился в 1963 году в г. Тереке Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский институт механизации сельского хозяйства им. М.И. Калинина (ныне Саратовский аграрный университет им. Н.И. Вавилова) по специальности «Гидромелиорация». С 1985-го работал инженером насосной станции, в Министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, в Кабардино-Балкарском отделении Литфонда РФ, в исполкоме Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия», в штаб-квартире Международной Черкесской ассоциации, был помощником депутата Государственной Думы. В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах РФ опубликовал около тридцати рассказов и повестей. Автор книг «В ожидании смысла» и «Возвращённое небо». Член Союза писателей России. Живёт в г. Нальчике.

Я зачем-то вылил воду в таз и снова подставил ладони под краник – и вдруг отчётливо разглядел на них странный лик. Вот усы, негустая борода и волосы до плеч, здесь губы, нос и глаза, глядевшие с такой проникновенной суровостью, что могли бы, я уверен, лишить самообладания любого. Но я выстоял. Выстоял, думаю, по причине неуёмного своего любопытства, оказавшегося сильнее доводов рассудка. Я, возможно, не испугался ещё и потому, что давно считал себя избранником судьбы, и появление высшей силы готов был принять если не как заслуженную награду, то как предвестника чрезвычайно важных событий – без сомнения.

Я забежал в дом, включил ночник над изголовьем кровати (значит, всё-таки было не утро, а ночь, хотя тут же раздался голос матери: встану я наконец или нет? – но сейчас не об этом) и тщательно стал рассматривать изображение на ладонях. Когда они врозь, фрагменты ничего собою не представляли, пятна отработанного масла – и всё. Но стоило их свести – картинка оживала. Теперь волосы и контур лица стали отчётливее, впалые щёки обрели румянец, глаза распахнулись и снова посмотрели на меня, но уже без пронзительной и неумолимой суровости. Они глядели с такой же любовью, как и мать на меня в первые минуты после моего рождения – минуты, которые я не должен был помнить, а вот – представьте себе – почему-то помнил. В одно мгновение мне открылось такое, о чём я не имел никакого представления. Сердце моё запрыгало и готово было покинуть грудь.

Не знаю, что произошло, но вдруг перед моими глазами в подробностях прошла вся моя жизнь. Я даже отчётливо увидел, кто в детском саду присвоил армейскую медаль, подаренную мне дядей. Я решал не решённые у доски задачи и находил нужные для одноклассниц слова, которые в своё время возбудили бы куда больший интерес ко мне. Я понял, кто и за что не любил меня в разные годы, а кто был тайно влюблён, но так и не признался. Кто на самом деле украл деньги у родственницы, а обвинили меня, ребёнка, потому что я тоже был в той комнате. Отчётливо увидел, где и как спустя много лет умерла та девочка, с которой я целовался в пятилетнем возрасте в густых зарослях сада. Передо мной предстали те, кому я сделал больно, перевернул их жизни, но из-за своей чёрствости даже не заметил этого. Кто-то поведal о том, как горячо любил меня отец и верил в моё будущее, а я думал, он мною не дорожит, и был к нему холоден. Понял, кем я мог стать, прими иное решение в тот или иной момент своей жизни, а ещё – сколькими я обладал дарованиями, покинувшими меня безвозвратно. Я также узнал, почему чудом выжил в ситуациях, в которых, казалось бы, у меня не было никаких шансов спастись. Одним словом, вся моя жизнь озарилась неземным светом. Получается, при желании я мог бы разглядеть не только любой её фрагмент, но и... Я боялся даже подумать.

Я развёл ладони и спрятал их в подмышках. Вскочил и в волнении начал ходить по комнате. Я, оказывается, испугался мысли, что теперь могу не только проникать через пласты недоступных другим событий и видеть невидимое, но и влиять на ход жизни. Невероятно, подумал я, неужели свершилась мечта всего человечества – соединилось божественное и человеческое, а я единственный свидетель этого фантастического события?! Более того, я – счастливейший избранник из всех людей! Осталось подумать, как уберечь рисунок на ладонях: от рукопожатий, от мытья, от работы...

В эту минуту в стороне послышался нарастающий шум, под аплодисменты я ступил на выплывшую из темноты подвижную сцену и оказался на празднике. Меня это не удивило, потому что все его участники были мне знакомы, а с кем не был знаком, то с этими знаменитыми людьми мне всегда хоте-

лось быть в приятельских отношениях. Гости сидели на открытой площадке и слушали мой любимый вальс, световое решение и фейерверки – в точности как я себе представлял в радужных своих фантазиях. Даже блюда на столах были в самый раз моим кулинарным пристрастиям. Да, я попал на свой же праздник, и вообще – с какого-то времени я богат и живу в своё удовольствие! А это моя усадьба, более того, она задумана и построена по моему чудесному проекту. Праздник тоже затеян мной, просто так – без всякой причины, гости меня давно ожидают, и я с торжественной улыбкой спускаюсь к ним.

Судя по лстивым ужимкам, они всё про меня уже знали, хотя немудрено, что сам же и проговорился – такое за мною водится. Но я не из тех несчастных, которые в своих храмах вымаливают подаяния у высших сил. Что ж, скрывать не стану: только я, лишь я один на всём свете могу свести ладони и попросить об исполнении любого моего желания. Сейчас же объявлю гостям о своём намерении возвысить их до гениев человеческой мысли, погрузить в таинственные глубины своих душ, приблизить к Создателю – насколько они способны выдержать такое приближение. Предвосхищая их безмерную благодарность, я почувствовал, как у меня на глазах выступили слёзы умиления.

Однако не совсем того хотели мои родственники, друзья, приятели и знакомые, вернее сказать – совсем не того. Смущаясь, они говорили, что да, конечно, знания о тайнах мира, насыщенная духовная жизнь, раскрытие загадок собственной души и даже выход (так и сказали – «выход») на самого Создателя – всё это весьма заманчивые услуги с моей стороны. Но нельзя ли для начала оказать услуги менее обременительные – зачем так себя утруждать? – точно они и в самом деле обо мне беспокоились. Довольно будет, говорили, назначить их – просителей – министрами, или сделать просто богатыми людьми, или устроить им всемирную известность в какой-нибудь престижной области. Что делать, наверняка каждому доставляет удовольствие исполнять желания дорогих его сердцу людей – и я им обещал то, что они ожидали получить.

Но со мною начали происходить странные вещи. Был ли я на отдыхе, в увлекательной поездке, на встрече с людьми высокого положения или в кругу беспечных друзей – до меня доходили слухи, которые нарушали упорядоченное течение моей жизни. К примеру, высокую должность получили не те, за кого я, сведя ладони, просил у Создателя, а те, кто, по моему мнению, больше всего её заслуживал, но за них я не просил, потому что они по скромности своей ко мне не обращались. Преуспели в делах и неожиданно разбогатели опять же только те, к кому я имел доброе расположение, но не думал устраивать им обеспеченную жизнь – не думал по своему невниманию к этим тихим и кротким людям, а не потому, что не были достойны. А если говорить о друзьях, заслуживающих всемирной известности, то и здесь мне не удалось угодить нескольким привлекательным особам, а повезло неожиданно юноше и девушке из моих знакомцев, о таланте которых – у него в кино, у неё в музыке – я и не подозревал. То есть независимо от меня все просьбы ко мне решались по справедливости.

Однако неудачники из просителей заговорили обо мне как о шарлатане и лгуне, и такой поворот я переживал болезненно. Беда эта была ещё не столь большой, если б к ней не добавились неприятности более деликатного характера. Интересные женщины из числа моих знакомых писали, а то и просто подходили на улице и говорили, что никак не ожидали от их скромного приятеля, то есть меня, пикантных мыслей на их счёт. С недав-

него времени их донимают мои желания, и они не знают, как к этому относиться. Женщины затруднились объяснить, каким образом эти волны до них доходят, но нет сомнения, что исходят они от меня. Как можно мечтать о женщине, которая тебе не принадлежит, и к тому же в таких, извините, откровенных формах? Ведь они видят мои мысли и их воплощение как на экране. Нет-нет, признавались они, не то чтобы они упрекают меня или совсем не понимают – очень даже понимают. В конце концов, они взрослые люди, к тому же кого-кого, а мужчин они знают совершенно – ну что с них взять? Но позвольте, продолжали они, как можно сочувствовать таким смелым моим фантазиям, в которых участвуют они? Ведь, зная об этих моих мыслях, они, получается, как бы дают своё согласие, извините, на близость. Вот если бы речь шла не о них... В этом месте они смущённо улыбались.

Но было уже не до них. Меня терзали недоумение и страх: как мои тайные мысли стали доступны посторонним людям и что теперь будет со мною? Выходит, мои душа и воображение теперь нараспашку – пожалуйста, читайте их, тиражируйте, обсуждайте, я весь к вашим услугам! Но мучения мои на том не кончились.

В один из поздних вечеров мне позвонил приятель и сказал, что такого хорошо знакомого мне человека не стало. Слышал? Да простит Бог его грехи, не стало так не стало – такое может произойти с каждым, тем более когда человек немолод. Ему я никогда не желал зла, просто не любил, и всё. Однако его поведение настолько не совпадало с моими представлениями о порядочности, интеллигентности и скромности, что я безжалостно удалил его из числа людей, которых хоть сколько-нибудь уважал. И вдруг он умирает без всяких признаков заболевания, во всяком случае внешне. Ну да, я очень нехорошо подумал о нём накануне – и угораздило меня вообще о нём думать? Теперь переживай: не повлияло ли это каким-нибудь образом на его слабый организм? Да нет, не может быть, просто совпадение, и нечего себе морочить голову.

Затем я узнаю, что один за другим арестованы два моих знакомых, уличённых в серьёзных хищениях. Ну как мне было не вспомнить, что они отказали мне когда-то в помощи по детскому проекту, очень полезному в изучении школьниками родного языка и культуры. Отказали в самой малой сумме, если не сказать ничтожной. Уверяю, их отказ я бы скоро забыл, как забыл неучастие в проекте и других людей, если бы в ближайшие выходные один из них не пригласил меня на празднование своего дня рождения. В разгар праздника мои подвыпившие герои просунули в трусики девочкам из танцевальной группы столько стодолларовых купюр, что даже визуальный их подсчёт вскрыл мне голову – сумма, по моему наблюдению, раз в десять превосходила запрошенную на благотворительность. Одного убьют в тюрьме, другой умрёт там же от болезни – я как будто знал их судьбы наперёд.

Не могу с точностью сказать, в какой из дней я узнал ещё одну новость: бывший мой партнёр, который несколько лет назад обокрал меня на весьма значительную сумму, тоже ушёл из жизни. Молодой человек пришёл домой, лег в ванную – и сердце его остановилось. Через час его обнаружили бездыханным. Позвольте, сердце у него могло остановиться и от горячей воды, которая к моменту его обнаружения мёртвым успела остыть. И это уже не ко мне! Я и не думал о нём, забыл давно, простил безоговорочно. Разве что немного ещё сердился: жалко денег было. О мести я не помышлял – ну, может быть, самую малость, да и то не всерьёз. Так что никому не удастся обвинить меня в этих несчастиях. Я не виноват, как не виноват в гибели ещё одного человека в автокатастрофе, случившейся...

Довольно. Убедили. Я сдаюсь. Слишком много трагических происшествий для случайных совпадений. Что если и дальше так пойдёт? Страшно подумать, к скольким людям у меня возникала неприязнь за мою жизнь – так неужели всех ожидает смерть? Не думать об этом я не мог: кто-то пылливо выискивал в моей памяти теперь уже мои прегрешения перед другими.

Вот небрежно брошенная мною фраза о том, что отношения между нами не стоит продолжать – прощай, моя хорошая! Она теснит ей грудь, ранит сердце, боль лиловой густой волной плывёт от неё к другим людям, от тех – дальше, и так по всему свету. Я вижу, как лиловый цвет разливается по их жилам и проникает в самые отдалённые клетки. Лица людей сводит судорога, внутренности тлеют и осыпаются чёрной золой, у них пропадает умение радоваться, исчезают мечты, уходит любовь к жизни. Какая яркая, захватывающая и вместе с тем душераздирающая картина! Подумать только, скольких людей достала необдуманно брошенная мною фраза! Вот эти люди передо мной, их становится всё больше и больше. Теперь с ними и те, кого я не по своей воле подвёл неосторожным поступком или бездействием. Кого из гордости не подпустил к себе, а они всего лишь хотели моего общения, искали и тянулись к лучшему. Одного обидел язвительной критикой, а он, несчастный, потерял способность работать на прежнем уровне. Второму отказал в поддержке в трудную минуту, а потом забыл о своём обещании. Третьего необдуманно свёл с непорядочными людьми, и даже вину за это не отнёс на свой счёт. Кого-то предал, не желая с ними больше иметь дела, вместо того чтобы понять его положение, помочь, простить. Тяжелее всего было напоминание о боли, которую – пусть редко, пусть ненамного – я причинил родителям. И тем горше было осознавать, видя сейчас, что за эту несдержанность они простили меня ещё тогда, да и потом никогда не упрекали... Довольно! Этому же не будет конца!

Я ворочаюсь на узкой железной кровати – подо мною крошатся горы, ноги путаются в одеяле при попытке бежать через ночное поле, впереди горит лес, и вода выходит из всех берегов реки. Да-да, я знаю, что делать: нужно незамедлительно удалить изображение на ладонях! Бегу в ванную и мылю ладони хозяйственным мылом, добавляю стиральный порошок, соду, ещё какое-то универсальное средство для очистки всех поверхностей, напытываю губку уксусной эссенцией и тщательно тру. Смываю горячей водой и с ужасом обнаруживаю, что картинка даже не побледнела, не то чтобы сойти. По очереди пробую все имеющиеся в мастерской растворы, даже сильнейший пятновыводитель, хотя и с истекшим сроком, – снова не помогает. Тогда беру кусок самой грубой наждачной бумаги и тру ладони до тех пор, пока хватает выдержки. Изображение и теперь не пострадало, разве что удалось слегка расцарапать его правую щёку на моей левой ладони – на ней начинает выступать кровь. Как же так! Что же мне теперь делать?

Как озарение, в голове возникает предприятие по ремонту сельскохозяйственной техники, где ещё в школьные годы, лет тридцать назад, мы проходили учебную практику. Кажется, оно ещё работает, а тот цех, в котором я помогал мастеру, помнится, использовал кислоту для очистки агрегатов, узлов и деталей. Это здание находится в самом конце огромной территории. За ограждением – чистое поле, дальше – железнодорожное полотно. Из района, где я живу, мне удобнее всего подъехать к железной дороге, быстро преодолеть поле и перемахнуть через забор. Если на двери замок, то внутрь можно пробраться, отодвинув одну из досок пристроенного к нему склада отработанных деталей. А из склада – уже в цех, дверь между ними не закрывается.

Машину оставляю у железной дороги, быстрыми шагами иду через ночное поле. От ветра высокая трава ложится под ноги, затрудняя ходьбу. До меня долетает пыль со всех окрестных грунтовых дорог. В небе сверкает молния. Я преодолеваю бетонное ограждение, отодвигаю доску, с трудом пролезаю в уже узковатый для меня проём, открываю следующую дверь и оказываюсь в цеху. Включаю свет. Как же так: за все годы здесь ничего не изменилось, ни одной чёрточки, точно я ушёл из цеха только вчера. Но мне теперь не до этого. Вот искомая бадья с кислотой. Сажусь возле неё на колени, не раздумывая, опускаю кисти рук в грязную от масел кислоту. Ни жжения, ни боли не ощущаю.

Сию, жду непонятно чего. Зацепившись костями пальцев за край бадьи, напряжённо прислушиваюсь к их глухому скрежету по металлу. Тишину нарушает оглушающий гром – начинается дождь. Неподальёку раздаются дружный лай двух грозных по голосу собак и ворчание сонного сторожа. Он, вероятно, идёт на свет – к цеху. Во мне неодолимое сиротское чувство. У меня выступают слёзы, они оставляют на гладко выбритых щеках два холодеющих следа. Не решаюсь повернуть голову и посмотреть по сторонам – боюсь, что происходящее окажется не привычным калейдоскопом обычных снов, а суровой и неотвратимой реальностью, возникающей по образу и подобию моей собственной души.

**Иван
ПЕЧАВИН**

Я В ЗАВОЛЖСКОМ ЖИВУ СЕЛЕ...

РОДИНА МОЯ

Эту родину выбрал не я.
Это родина нас выбирала.
В мраке дней загадала меня
И своим горемыкой признала.

Чтобы в божьих краях не пропасть,
Помурыжила грудью условной
И пустила по миру гулять
Без наследства и без родословной.

Не хвостом потрясал сатана,
Не мужик липку драл на мочало,
То родимая сторона
Жить по правде меня обучала.

Подрастал и на воле крепчал
С Божьей помощью или помимо,
Не щадя молодого плеча,
Шёл по жизни чего-то во имя.

И дошёл до заветной черты,
Где смыкаются мрак и светила.
Но идейной не взял высоты,
И меня это очень смутило.

И такая заела хандра,
Что померкли деньки золотые.
И бродягой с родного двора
Я скитаться ушёл по России.

-
- Иван Петрович Печавин родился в 1942 году в Баку. Детство и юность прошли на Урале. Окончил филологический факультет Балашовского педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Аврора», «Нева», «Волга», «Волга–XXI век». Автор книг «Мой посёлок», «Слушаю степь», «От Джиды до Волги», «Яблокопад», «Северные картинки» и др. Член Союза писателей России. Живёт в селе Любимово Советского района Саратовской области.

И ещё один чокнутый бомж
Окунулся, и мятый и клятый,
В нищету, запустенье и ложь,
Где ничто дорогое не свято.

Только псы проскулили во тьму
Моё имя, жалея друг друга.
Видит Бог, и ещё потому –
Не порвать мне порочного круга.

Предо мною открылись врата
В стан чужой и такой беспризорный,
Где страна выбирала цвета
Между красной гвоздикой и чёрной.

Промелькнули дороги-пути,
Промаячили тощие годы,
Но навеки запал в мою грудь
Ветер странствий, тоски и невзгоды.

Лишь ему я обязан, пойми,
Жизнью той, что прожил я болезно,
Выпил ступу судьбы за помин
Человека, прошедшего бездну.

А. Голобкову

Сколько лет, а может, вечность
Мы не виделись с тобой,
Александр, мой друг сердечный,
Мой товарищ дорогой.

Где тебя судьба носила
В суете дорог и драм,
По каким углам России,
По каким иным углам?

Жизнь прожить не так-то просто.
Коль живёшь, так выбирай:
То ль с души сдирай коросту,
То ль с себя семь шкур сдирай.

Всё содрал. А что осталось?
Одуванчик – божий дар,
Тягомотина, усталость
И надежды светлый жар,

Что не рано и не поздно
Близок нашей встречи срок.
Видит Бог – тянуть безбожно –
Жизнь уходит из-под ног.

В солёный полдень
Вдоль по улицам
Ударят знойные ветра,
Как старики, столбы ссутулятся,
И пыль завьюжит, как вчера.

И бабы выбегут соседские
С верёвок стягивать бельё.
Запляшут вёклы молодецки,
И прочь метнётся вороньё.

И загуляет неприглядная
Моя степная сторона.
Моя любимая, нескладная,
Ты и горька, и солона.

Я К ЗЕМЛЕ ПРИПАДУ...

Я к земле припаду, будто в дождик тяжёлые травы,
Будто чакан к реке под давлением знойных небес.
Зная цену измен и удачи хлебнув или славы,
Я навеки пойму: без земли не бывает чудес.

Вот она предо мной – неказиста, изрыта, горбата,
В чёрных пятнах мазута и рыжей стерней впереди,
И в стекле лобовом, отражённая косо, покато,
Под колёса машины дорожной верстою летит.

Я шофёру скажу. Он мотор успокоит стосильный,
И закурит «Памир», и подумает: «Чокнутый фрукт».
Я ведь много гонял по широким просторам России,
И четвёртую скорость я выключил тоже не вдруг.

Гул стальных магистралей, разбеги асфальтовых линий...
Меркой наших шагов никогда не измерить страну.
Я дорожную пыль отряхну стельками полыни
И иными глазами на светлые дали взгляну.

Белобокую птицу окликну тишком, как подругу,
Чтобы тяжесть в душе, как опасный огонь, заглушить.
Ты, шофёр, поезжай, вот десятка тебе за услугу.
Я приехал домой, так что некуда больше спешить.

Когда идёт по лесу листопад,
То деревá прекрасно понимают:
Отпели трубы, кончился парад –
И пышные знамёна убирают.

Последний раз лосиха протрубит,
Что праздник был живым и многолюдным,
И гроздьё ярко-красные рябин
Сияют завершающим салютом.

Я жить спешил, как по команде «Пли!»,
Ложился поздно, просыпался рано,
И у берёзы до сих пор болит
Когда-то мной оставленная рана.

И потому с надломом, как строка,
Простёрлись ветки в тишину тропинок.
С калины красной по моим рукам
Стекают слёзы каплями дробинок.

Разве может остыть душа?
А моя у хандры в плену.
Обозрю её не спеша,
В закоулочки загляну.

Пожелтели совсем кусты
В заповедном её саду,
Где горели мои цветы,
Где любил я свою звезду.

Наломаю сухих ветвей,
Разожгу золотой костёр
На поляне души моей,
Согревая её простор.

Я на берег крутой приду.
Погляжу, как течёт река.
Там камыш сквозняком продут
И расцветены облака.

На протоках бегущих вод
Золотистой, как лить, реки
Поджидают меня чудный плот
И проворные окуньки.

Что-то стала мелеть река.
Плот разохся – пора на слом.
И подальше от греха
Мне уже не уплыть на нём.

Над берегом пугливый чибис плачет.
И гонит ветер первую волну.
Я в этот миг тебя не озадачу.
Я в этот миг тебя не обману.

А сколько раз на грани подозренья,
На рубеже разлуки и тоски
Нас подводило тонкое уменье
Увидеть правду взгляда и руки.

Моя родная, сколько раз мы были
Наказаны за каждый ложный час.
Какие нас дожди наотмашь били,
Какие зори отцвели без нас.

Какие дни стояли на планете,
Пока разлад гулял у нас в крови.
Они как неродившиеся дети,
Не знавшие ни ласки, ни любви.

И только нам, запомнившим былое,
Не утерять бы, расправляя взор,
Разлившийся под утренней звездой
Прохладный сумрак речек и озёр.

Я в заволжском живу селе,
Там, где в травах от солнца сивых
Ходит ветер навеселе
От избытка любви и силы.

Там, где льётся живая речь,
Что коса из-под полушалка,
За которые умереть –
Час придёт – мне не будет жалко.

**Олег
КОРНИЕНКО**

АФГАНЕЦ

Повесть

1. ОБСТРЕЛ. АРТАМОНОВ И ЕГОРОВ

Командир экипажа вертолётa Ми-8МТ капитан Андрей Артамонов проснулся от гулкой канонады. Сотрясались окна и стены. С самодельной полки над кроватью его лётчика-штурмана Олега Егорова что-то упало.

Хлопки выстрелов были сухими и резкими. Казалось, вздрагивает даже воздух в комнате. Андрей в который раз подумал про артиллеристов из охранения: несладко им сейчас. Он сочувствовал им ещё и потому, что был лётчиком, а они – артиллеристами. То, что было дозволено ему – сходить после полётов в эскадрильскую баньку или в кино, заглянуть после привоза товаров в «чекушку», посидеть в ленинской комнате у цветного телека, – было проблемой для тех, кто нёс постоянную, круглосуточную охрану аэродрома.

Жидкий лунный свет еле пробивался через единственное, занавешенное тормозным парашютом окно. На пыльном шёлке красными зайчиками скакали сполохи орудийных залпов, после чего модуль – их эскадрильское щитовое общежитие – устало подпрыгивал на месте.

Андрей попытался по времени между вспышками и звуком залпа определить расстояние до гаубиц, хотя немые вспышки как зарницы сверкали совсем рядом, за складами обеспечения, на склоне, между военным городком и центром афганской провинции, которая раскинулась в широкой долине.

-
- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу лётчиков, воевал в Республике Афганистан. Член Союза писателей России. Председатель Сызранской МТО «Содружество детских писателей». Член редколлегии литературных журналов «Волга–XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Канада, 2016). Награждён медалью военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ «За труды в военной литературе» (2014); медалью им. Героя Советского Союза Владимира Карпова за повесть «Афганец» (2015). Автор восьми книг прозы для детей и взрослых. Живёт в Сызрани Самарской области.

По коридору заходили. Так было всегда, когда поднимались не успевшие заснуть курящие и шли в трико и куртках, накинутых на голые плечи, выкурить последнюю сигарету, а заодно и поболтать.

Проснулся и штурман Павел Егоров. Надевая в темноте брюки, зашарил ногами по полу в поисках комнатных тапок. Вот его шаги. Полоска света от входной двери скользнула в комнату и, точно испугавшись чего-то, метнулась обратно.

Подоткнув под себя одеяло, Артамонов свернулся калачиком и закрыл глаза.

– Нас обстреливают! – крикнул испуганно кто-то.

Артамонов не двигался, слушая частые сухие выстрелы, свистящие звуки, и наперекор всему старался уснуть. Стены жилья не падали, стёкла со звоном не сыпались внутрь комнаты, значит, всё нормально.

Он, кажется, задремал, потому что, когда открыл глаза, будто снова услышал канонаду. Взяв с тумбочки китайский фонарик, Андрей включил его. Койки ребят были пусты. Он мгновенно напялил на себя комбинезон и в комнатных тапочках выскочил на крыльцо.

Жёлтый свет лампочки над входом освещал пустое, в окурках и сожжённых спичках крыльцо.

Артамонов знал, где находится их взводный опорный пункт, и, пригибаясь, точно осколки свистели над головой, быстро двинулся туда.

Он уже миновал коробку эскадрильского душа, который размещался перед левым крыльцом модуля, когда услышал сбоку:

– Командир, сюда!

Слева в неглубоком окопчике, похожем на яму, сидели двое. В одном Артамонов узнал своего штурмана. Андрей примостился рядом и, обхватив колени руками, замер.

На мгновение небо над гаубицами осветилось. В него бесшумно вонзились огненные стрелы. Грянул kloкочущий гром залпа, похожий на грохот гружёного товарняка.

– «Град» заработал, – с какой-то радостью произнёс Егоров, имея в виду те три гвардейских реактивных миномёта, которые стояли левее складов обеспечения, направив соты стволов в сторону далёких негостеприимных гор.

– Духи, поди, закапываются сейчас, – подал голос третий сосед по окопу.

Серебряная пыльца падала с неба в том месте, где только что пронеслись наши ракеты, а товарняк всё грохотал и грохотал и вдруг смолк, точно нырнул в тоннель.

Зарницы гаубичных выстрелов вспыхивали то ближе – за складами, то левее. И это не давало Артамонову окончательно расслабиться.

– И чего зря стреляют? – Егоров запустил комок земли в стену душевой. – Так духи и ждут нас. Они пустили свои ракеты – и дай Бог ноги! Или где-то пережидают. Зря только деньги переводим...

– Здесь везде деньги, – вздохнул Артамонов. – Но меня другое интересует: сколько нужно времени, чтобы победить душманов? И чего нам здесь ждать? Мы уже шестой год воюем...

– Я лично жду дембеля, – шуткой ответил Егоров. – Честно выполнить свой долг и через пару месяцев вернуться домой живым.

– Об этом мечтают все. Мечтают больше, чем о победе Афганистана. – Артамонов упёрся в колено штурмана и, не разгибаясь, пересел на край окопа. – Я о другом: какая у нас цель? В 45-м мы дошли до Берлина и взяли рейхстаг. И войне пришёл кабздец. А что нужно сделать сейчас: захватить Кабул? Кандагар? Шинданд? Но там и так стоят наши войска, а конца этой

драке что-то не видно. Слышал чьё-то выражение, что Афганистан можно пройти, но завоевать его невозможно...

Со стороны аэродрома донёлся гул вертолётов. Рокот невидимых машин вклинился в чёрное небо.

– «Пару» подняли, – пошевелился, разминая ноги, Егоров, имея в виду два вертолётá боевого дежурства. – Проснулись наконец.

Со стороны капониров потянулись переживавшие там обстрел авиаторы.

– Всё, что ли? – спросил он, вставая.

– Наверное... – Артамонов тоже приподнялся, прогнулся, разминая затёкшую спину.

Загremели шары в курилке с единственной лампочкой над бильярдным столом.

– С ума сошли, – бросил Егоров и легонько толкнул Артамонова. – Час ночи, а они надумали шары катать.

Небо над далёкими горами вдруг озарилось, точно от праздничного салюта. Но огни эти не потухли, а замерли на месте, освещая округу. Чуть выше их рокотал вертолёт боевого дежурства.

– САБ* бросил, – объявил Артамонов.

Огни не спеша, качаясь, скользили вниз по тонким верёвочкам дыма.

– Я только уснул, вдруг что-то как бахнет в окно – и мне на голову точно ведро щёбёнки высыпали. – Витя Кирпичников, командир экипажа, коллега Артамонова по звену, выкатил глаза, изображая удивление. – Включил свет: в окне дырка – во! – а подушка вся в битом стекле.

– Осколок, наверное, – высказал догадку Артамонов.

– Чёрт его знает, – пожал плечами Витя. – Смотрел и на кровати и под кроватью – нигде ничего. Пойти поглядеть под окном, что ли?.. Кто со мной?

Никто не вызвался составить компанию.

Андрей посмотрел в спину удаляющемуся Кирпичникову, потом на небо. Бомбы, качаясь на парашютах, вот-вот должны были скрыться за крышей столовой для технического состава. Качались они сильнее обычного, видно, уже догорали.

А стрельба на охранении тем временем не прекращалась.

Артамонов посмотрел на часы. Было два, в шесть – подъём, спать – совсем ничего осталось.

Тумбочка дневального в коридоре торчала одиноко, как пенёк на лесной тропинке.

– Дневальный! – позвал Артамонов.

Из-за угла, точно поджидая лётчика, вышел солдат. Был он, как и положено в ночное время, в бронежилете, каске, с автоматом.

– Где твоё место? – спросил Артамонов.

– На тумбочке.

Под пристальным взглядом офицера солдат, точно делая одолжение, встал возле тумбочки и стрельнул в Артамонова недовольным взглядом.

– Заблудишься ещё, потом ищи тебя, – бросил лётчик, шагая по коридору.

Включив свет на кухне, Андрей заглянул в спальню. Все кровати, кроме спального места борттехника Лесняка, были заняты. Вспомнил его, голого по поясу, с кием в руке, деловито кружащего вокруг бильярдного стола и делающего удивительные промахи, подумал: «Где же ему ещё учиться играть, как не на войне...»

*САБ – светящаяся авиабомба.

Кровать давно остыла, и, чтоб быстрее согреться и уснуть, Артамонов накрылся одеялом с головой. Лежал и думал о том, что пережил ещё одно испытание. Сегодня их обстреляли «духи». И главное, они никого не потеряли. Хотя кто его знает. Утром всё будет известно...

Что-то мучило его, точно кто-то трогал незаживающую рану.

«Пролетел с операцией!» – подсказала память и нарисовала вечернюю картинку.

...Артамонов возвращался из столовой с половинкой хлеба. Ужинать решили дома. Полутёмный коридор модуля не спеша заполняли сослуживцы. Самые нетерпеливые – из собравшихся в кино – настойчиво бухали в закрытые двери комнат:

– Выходи на вечернюю поверку!

Опершись о край бильярдного стола, стоял начальник штаба капитан Гончаров.

Разговаривая в строю и тем самым мешая начштаба, проверились. Потом начштаба зачитал приказ, в котором от них на операцию требовалось четыре борта.

– Изъявили желание участвовать двенадцать человек, – сказал начштаба и, оглядев строй, стал зачитывать фамилии.

«Сейчас я», – сказал себе Артамонов, вытянув шею и прислушиваясь. Вскоре действительно зачитали и его, но в другом списке.

– Поисково-спасательное обеспечение... Буду без званий: Артамонов, Егоров, Лесняк – борт 35. Кирпичников, Симилян, Ващенко – 40-й...

– Вопросы есть? – поднял голову Гончаров, закончив читать, и, не дождавшись ответа, захлопнул папку, посмотрел на замполита эскадрильи Коломийца: у тебя будет что?

Тот, глядя себе под ноги, отрицательно покачал головой.

– Все свободны!

Артамонова захлестнула волна обиды. Опять его нет в списках на боевую операцию. Опять целую неделю боевое дежурство.

Начальника штаба он отыскал на крыльце.

– Ну ты что, Николаич? Я же тебя когда ещё просил?.. – Они были почти одного возраста, и это давало право обращаться на «ты».

– Ты о чём?.. А! – Гончаров стукнул себя по лбу и тут же спокойно, взяв Артамонова за локоть, объяснил:

– Ты думаешь, я отбирал? Мне дали список – я зачитал. Так что не дуйся. Придёт бумага – хоть завтра всех домой оформлю, не то что на операцию.

Стоящий рядом Кирпичников, привлекая к себе внимание, щёлкал японской зажигалкой.

– Какая разница, где замену ждать, – сказал он.

Артамонову было наплевать на его слова и зажигалку.

– Кто же тогда переиграл список? – остывая, поинтересовался он.

– Командир.

Глухо, точно из бочки, звучали со стороны клуба голоса киногероев.

«Наташа, наверное, там, караулит его, – подумал Артамонов. – Неужели она не поймёт, что между ними всё?.. Слишком поздно они встретились... Семью он не бросит, а вести двойную игру выше его сил».

Артамонов удивился, с какой лёгкостью он сейчас отказывался от Наташи. Ещё недавно, когда Егоров вдруг открыл ему глаза на девушку, он готов был всё отдать за один её поцелуй, всё бросить к её ногам, чтобы добиться своего. А когда всё осталось позади, когда стал знаком каждый изгиб её

тела, каждая родинка, когда ореол над кудрями Наташи растворился, его стали раздражать её кажущиеся пустыми речи, и напускная капризность, и многое другое. То, чего до этого он не видел по причине любовной слепоты или на что умышленно закрывал глаза...

Артамонов вздохнул, вернулся в модуль.

– Комэск проходил? – спросил он у дневального.

Тот пожал плечами, поправил ремень автомата.

– Андрей, ты где ходишь? – на пороге комнаты стоял Егоров. – Мы уже садимся ужинать.

– Сейчас иду, – махнул он рукой.

Комната командира эскадрильи находилась в самом конце коридора. Жил он вдвоём с замполитом.

Артамонов подошёл к двери и, оглянувшись, постучал. За дверь никто не отозвался. Андрей толкнул дверь. В прихожей, перегороженной в пользу кухни одёжным шкафом, никого не было. Артамонов пропустил дверь замполита и постучал в соседнюю.

– Кто там? Командира нет, – донеслось из-за первой полуоткрытой двери.

Увидев Артамонова, замполит, круглолицый, с глубоко посаженными глазами майор, которому недавно, по слухам, послали представление на Героя Советского Союза, отложил лётную книжку, которую заполнял, и рывком удобнее сел на койку.

Артамонов спросил, где командир.

– В штабе на постановке задачи. – Майор устало потёр глаза. – А ты чего хотел?

Артамонов неохотно пересказал огорчивший его эпизод.

– У тебя когда замена? – спросил замполит.

– Через два месяца.

– Неужели не налетелся?.. На орден тебе послали, значит, долг свой ты выполнил честно. Есть идея – командир не против – рекомендовать тебя на должность старшего лётчика. Ваш-то болеет. Желтуха – дело серьёзное: месяц здесь провалится, потом месяц реабилитации в Союзе, а там и замена. А командиру звена кто-то должен помогать?

– Кирпичников, – бросил Артамонов.

– Кто тебе такое сказал? – замполит поднял на собеседника усталые глаза. – Я лично об этом впервые слышу. Так что успокойся и дай молодёжи проверить себя в деле. И потом, – замполит поднялся и положил руку на колено Артамонова, – списки на операцию предварительные. Точных сроков её проведения никто не знает. Так что не расстраивайся. Если к тому времени не сменишься – я тебя сам внесу в списки. Договорились?

Артамонов благодарно улыбнулся.

2. РОНАЛЬД МЭРФИ, АДАМ-ХАН

Протяжный, заунывный голос прорезал тишину. Рональд Мэрфи открыл глаза. В палатке было темно. Чего это они с утра развылились?

Откинув полог, вылез наружу. В лицо ударило низкое утреннее солнце, и Рональд прищурился. За время пребывания на Востоке он уже успел порядком загореть, отрастить усы и бороду, и теперь смуглое лицо его под надвинутой на брови полосатой чалмой мало чем отличалось от лиц афганцев – лишь серые холодные глаза по-прежнему выдавали в нём европейца.

Мэрфи посмотрел в сторону реки. Недалеко от берега два десятка моджахедов, стоя на коленях на молитвенных ковриках, совершали утренний намаз. Они прижимались лбом к земле и обнимали её руками, а потом распрямлялись, обращая раскрытые ладони к небу. В их мерном раскачивании, невнятном бормотании ощущался завораживающий гипнотический ритм.

Мэрфи усмехнулся и встряхнул головой. Религиозные предрассудки – будь-то католицизм, буддизм или магометанство – были ему чужды.

Он спустился к реке. Умывшись, почувствовал облегчение. Да, неплохо... Всё пока идёт неплохо...

Когда он доставал платок, из кармана безрукавки, сверкнув на солнце гранью, упал в реку серебряный доллар. Присев на корточки, Мэрфи посмотрел сквозь прозрачную воду. Орёл на монете показался особенно выпуклым и привлекательным.

«Нет, пожалуй, – подумал Мэрфи, – Бог, видно, всё же есть. И, чёрт побери, если тот Бог не похож на эту чеканную с гордой головой и распостёртыми крыльями птицу».

Мэрфи достал монету из воды. Доллар был своего рода талисманом, с которым Мэрфи никогда не расставался. Он считал – и на то были свои веские основания, – что эта монета приносит ему удачу.

Он без труда отыскал глазами среди молящихся Адам-хана. Тот был впереди всех на богатом коврике. В отличие от одеяния других «воинов ислама», его одежда была изысканнее.

Адам-хан в последний раз обратил лицо кверху. Глаза его смотрели на небо равнодушно, и в них даже самый тонкий психолог не смог бы обнаружить религиозного экстаза.

Из досье осведомителя ЦРУ США, регистрационный номер 200961:

«Родился в 1948 году в семье вождя пуштунов-кочевников. Во время обучения в Париже и в Нью-Йорке имел связи с группами марксистски настроенных студентов из стран Востока... Неоднократно встречался с Бабраком Кармалем, Хафизуллою Амином, впоследствии членами ЦК НДПА... Как выходец из племенной знати, пользуется значительным влиянием среди пуштунов...»

Адам-хан поднялся, моджахеды последовали примеру своего главаря.

Адам-хан, заметив Мэрфи, прогуливающегося у реки, сделал знак рукой. Мэрфи кивнул и направился к палатке Адам-хана. В ней на небольшом столике был завтрак на двух человек. Адам-хан, присев на атласную подушку у сундука из оцинкованного железа, включил японскую стереомагнитоу. Едва слышно зазвучала любимая афганская песня. Открыв баночку кока-колы, Адам-хан отпил глоток и выжидающе посмотрел на вход.

Откинулся полог, пригибаясь, вошёл Мэрфи.

– Хелло, Махраб! – бросил он.

– Хелло, Рон... – Адам-хан пристально рассматривал Мэрфи. – Как спалось?

Ступая пыльными армейскими башмаками по толстому ковру, Мэрфи прошёл вглубь палатки и опустился по другую сторону столика.

– Неважно, – он взял со столика другую баночку кока-колы и привычным жестом открыл её. – Как подумаю, сколько здесь ползает всякой нечисти: скорпионы, фаланги... Бр-р-р!

– Это тебе не Париж.

– И даже не Калифорния. – Мэрфи насупился, точно и впрямь рассчитывал увидеть в этих местах нечто иное. – Что это у тебя? – Он ткнул в тарелку с мелко порезанным мясом. – Надеюсь, не жареные скорпионы?

– Нет, баранина, – сказал Адам-хан и, подхватив куском ржаной лепёшки ломтик, отправил его в рот. – Не сомневайся. Хотя... – Он исподлобья глянул на Мэрфи, тоже принявшегося за еду... – Мне кажется, при твоей профессии не стоит быть слишком привередливым.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Мэрфи, пробуя мясо.

– То, что «передётные гуси» обычно всеядны.

– А, вон ты о чём! – пожевав, Мэрфи отхлебнул кока-колы и, подумав, произнёс:

– С этим покончено. Рональд Мэрфи – добропорядочный семьянин и преуспевающий бизнесмен. – И он улыбнулся: – Похож?

– Что-то есть...

– Слушай, Махраб... – Мэрфи допил кока-колу и прикурил сигарету. – Удовлетвори моё любопытство, Махраб: скажи, сколько у тебя жён? Дюжина? Две? Держу пари, ты и сам, верно, сбился со счёта.

– Считаю, что ты проиграл, Рон. Их ровно дюжина... – Адам-хан прищурился, точно считая в уме. – А может, и две...

Громкий хохот донёсся до ушей телохранителей, но их лица остались бесстрастны.

Слышал его и Саид Фатах, сидевший неподалёку. Заканчивая чистку снайперской винтовки, он аккуратно протёр оптику кусочком замши. Он должен первым заметить врага. От этого зависит успех поединка. Один раз он уже подпустил его близко и жестоко за это поплатился. Точнее, даже не он, но...

Им с отцом оставалось совсем немного, чтобы закупить новый товар и тем переманить покупателей в свой дуكان. Будь под боком брат, дело пошло бы живее, но тот учился в Кабуле, посещал революционный кружок и, что немаловажно, отказался от своей части наследства в пользу младшего брата Саида. И всё бы ничего, если бы не сосед... Их дулканы находились в одном ряду, товары тоже мало чем отличались: сигареты, напитки, хозяйственное мыло, жевательная резинка...

– Зачем по одной афгани копить, если можно сразу миллион заработать, – загадочно обронил сосед однажды, и тусклые глаза отца Саида загорелись живым блеском.

Сосед приволок завёрнутую в кусок рогожины круглую, похожую на чайник мину. Показал, как пользоваться... Но всё вышло иначе. Вместо железной души танка шурави, к Аллаху улетела душа отца, а вернувшись с поля домой, Саид с женой и матерью обнаружили, что всё в доме перевёрнуто вверх дном, а тайник с денежными накоплениями пуст.

Верные люди, конечно, не за одну сотню афгани подсказали, где искать соседа: отряд Адам-хана.

Впервые Саид не заправил конец чалмы – символ данного обета отомстить за отца – и отправился в отряд Адам-хана. Но сосед был уже в Пакистане. И Саиду оставалось одно: вместе с отрядом, выполнив задание, вернуться в Пешавар и, отыскав «советчика», расквитаться за всё.

Саид прижался щекой к прикладу, точно собираясь выстрелить в небо. Лицо Саида было спокойным и красивым: чёткий профиль, прямые тонкие брови...

В перекрестье прицела попал парящий в небе коршун, потом изображение птицы смазилось – прицел заскользил вниз и, минуя белоснежный пик горы, каменный склон, деревья у реки, остановился на шатре Адам-хана.

А там продолжался «светский» разговор о жёнах.

– О'кей, Махраб, – сказал Мэрфи, с наслаждением вдыхая дым. – Я думаю, ты мне покажешь когда-нибудь своих красоток. Или шариат запрещает это?

– Нет таких законов на земле и небе, которые сильнее нашей дружбы, – высокопарно изрёк Адам-хан. – Но, дорогой, они в Пешаваре... – Лицо его снова приобрело мечтательное выражение. – Я думаю, что скоро мы вернёмся туда.

– На Кабул ты уже не рассчитываешь?

– На всё воля Аллаха!

Адам-хан замолчал, потягивая трубку. Сладкий, дурмящий дым заполнил палатку...

– Ваше дело стоящее, и я думаю, ты ещё доберёшься до Кабула, – сказал Мэрфи.

– Я тоже так думал до последнего времени. Но фокус с примирением спутал все наши карты. – Адам-хан покосился на вход в палатку, точно опасаясь, что кто-нибудь из телохранителей может знать английский. Лицо его налилось кровью. – Шайтан! Если б у меня вместо этих трусливых шакалов были такие ребята, как ты, Рон, мы бы давно уже были в Кабуле. А эти... Вчера мои люди обстреляли ракетами гарнизон шурави в Кундузе, а я до сих пор не знаю результатов операции: каждый врёт так, точно он весь гарнизон с землёй сравнял... Шакалы! Ослы! Половина уже разбежалась, и оставшиеся уйдут, заплати им Наджиб на десять афгани больше, чем я... Проклятье! – Адам-хан в сердцах стукнул кулаком по колену. – Мне бы сотню настоящих воинов ислама...

Мэрфи выразительно, точно считал банкноты, потёр пальцами:

– После Анголы «серые гуси» сильно поднялись в цене.

– А-а... – Адам-хан раздражённо махнул рукой. – Не в этом дело. Мы не так бедны, как ты думаешь. У нас есть товар, за который можно получить любую валюту...

– Ваши горы? – Мэрфи, до этого рассматривавший инкрустацию на столике, насмешливо покосился на Адам-хана.

– Да, наши горы. Наши горы, на которых растёт мак. К которому, кстати, имеют отношение и ваши люди.

– Да? – Мэрфи сделал удивлённое лицо. – Откуда у тебя такие сведения? Лично я про это ни разу не слышал.

– Не прикидывайся простаком. И не делай из меня болвана...

– Ладно, ладно, – подчёркнуто миролюбиво сказал Мэрфи. – Я пошутил. Я думаю, что вы в любом случае не внакладе. Неясно только, почему, имея такие деньги, вы воюете таким дерьмом. – Мэрфи кивнул на «базуку» возле сундука.

– Во всём виноваты ваши политики. Было бы лучше, если бы они поменьше говорили и не мешали тем, кто хочет нам помочь. А когда ходишь с протянутой рукой, сплавляют всякую дрянь типа этой вонючки...

Мэрфи не заметил, как в руке Адам-хана появилась необычного вида граната.

Он взял её – сбоку на серебристом металле виднелась чёткая надпись: «Изготовлено в федеральной лаборатории в Солсбери. Штат Пенсильвания. США. 1978».

– А что, неплохая штучка, – сказал Мэрфи и, покачав гранату на ладони, осторожно положил её на столик.

– Где-нибудь в Алабаме, но не здесь, в горах. Нам нужно настоящее оружие, а не эти хлопушки. Ваш президент уже всему миру прожужжал уши про «стингеры». А где они?

У Мэрфи невольно ёкнуло внутри. Разговор сам пришёл в нужное русло.

– Президент – деловой человек, он слов зря на ветер не бросает.

Адам-хан пристально посмотрел на Мэрфи.

– Да, да. Теперь ты понял, что сюда я приехал не горами любоваться? Наша фирма может предложить зенитные комплексы с дальностью поражения до пяти тысяч метров.

– Да? – Адам-хан почуял неладное.

Сделки по поставкам оружия решались в Пешаваре, и было странно, что Мэрфи понадобилось переходить для этого границу. Адам-хан слышал, что Мэрфи связан с ЦРУ, но им никогда не приходилось работать вместе. К тому же вчера Мэрфи упорно твердил, что является лишь представителем частной фирмы, имеющей определённые экономические интересы в Афганистане.

– Даже так? – Адам-хан, нахмурившись, смотрел на Мэрфи. – Надеюсь, эта штука стоит меньше миллиона?

– О, сущие пустяки – всего восемьдесят тысяч баксов.

– Ладно, Рон, – Адам-хану надоело играть в прятки, – говори прямо, что тебе надо.

– Не сердись... Но я действительно могу тебе предложить пару отличных машин с комплектом ракет, которого хватит, чтобы свалить до десятка вертолётов шурави.

– Да? – Адам-хан прищурился. – И сколько это будет стоить?

– Бесплатно! По-моему это превосходные условия. – Мэрфи выжидающе смотрел на Адам-хана.

Тот усмехнулся.

– И что мы должны с ними сделать?

– Ну, разумеется, использовать по назначению. Чертовски обидно, когда такие дорогие штучки лежат без дела. Там, за горами, – Мэрфи махнул в сторону Пакистана, – ваши ребята уже осваивают «жалящее насекомое»...

– Это что ещё за насекомое? – заинтересованно перебил его главарь. – Рон, давай без загадок...

Американец довольно заржал.

– А я и говорю без загадок. «Stinger» переводится как «жалящее насекомое». Или ты уже забыл английский? И ребята некоего «инженера Гафара» на аэродроме в Джелалабаде уже убедились: насекомые жалят шурави конкретно. Но до Пешавара далеко, а у тебя, надеюсь, найдётся один-два толковых человека, которых я бы смог за пару дней обучить, как обращаться с машинками.

Чётки в руках Адам-хана застыли.

– Пятьдесят...

– Что «пятьдесят»?

– Пятьдесят тысяч долларов.

Мэрфи непонимающе посмотрел на Адам-хана.

– О чём ты?

Адам-хан в упор посмотрел на Мэрфи.

– Повторяю: не делай из меня болвана. Бесплатно ничего не бывает, за всё надо платить. Пятьдесят тысяч долларов нам за каждый сбитый из ваших игрушек вертолёт...

В глазах Мэрфи застыло недоумение, когда Адам-хан сказал это. Некоторое время оба молчали, потом Мэрфи зло спросил:

- Не валяй дурака!.. Мы помогаем, и мы же платим? Чушь!
- Именно так! – твёрдо сказал Адам-хан.

3. ДЕЖУРНЫЙ ЭКИПАЖ

– Кто со мной курить? – Кирпичников положил на кровать рыболовецкую сеть, которую вязал, и потянулся, разминая затёкшую спину.

– Без меня, – сказал Артамонов, положив книгу на живот, тоже потянулся. Ни в семье, ни тем более в роду у них никто не курил. Сто граммов на праздник – ещё куда ни шло, а чтоб взять сигарету в рот...

– Ну-ну, – Кирпичников направился к двери. – Кто не курит и не пьёт, тот в Союз не попадёт.

Проводив его взглядом, Артамонов заложил руки за голову, уставился в потолок, окрашенный белой водоэмульсионкой.

В углу комнаты боевого дежурства завозился Егоров, вздохнув, перевернулся на другой бок. Второй день спит как суслик. Холостяку в Афганистане вдвойне тяжелее. Егоров чихал на запрещение начальника штаба полка посещать «кошкин дом», как называли женский модуль, после того как там кто-то посадил фингал «особисту».

- А Лесняк где? – хриплым от сна голосом спросил Егоров.
- На борт отпустил. Регулировать что-то собрался.
- Нашёл время... Разберёт так, что не взлетим, – пошутил Егоров.
- Взлетим, – спокойно заметил Артамонов. – Человек не привык сидеть без дела. Не то что некоторые...

– Командир, у меня процесс, – Егоров дёрнулся в кровати, собираясь оправдаться и успокоить командира, что он тоже о борттехнике хорошего мнения, но, подумав, промолчал.

Посмотрев на часы, Артамонов взял книгу, которую читал и, запомнив страницу, положил на тумбочку. Затем достал из кармана последние письма от жены. Вчера «почтовик» Ан-26 прилетел поздно, но писем Андрею всё равно не было. В таких случаях он перечитывал старые – полностью или те места, которые он выделил на полях «птичкой». Тогда, при первом чтении, эти строки заставили его сердце сжаться.

«Здравствуй, дорогой наш папулечка!

Получили ответ от тебя на первое наше письмо. Были очень рады. Настя – рисунку пчёлки, а я – ответу на свой вопрос. Настенька сейчас донимает меня: «Пиши домик, пиши киску, Бабу-Ягу!»

Андрей оторвался от письма. Он помнил вопрос жены: «Я беременна, что будем делать с ребёнком? Ты в Афганистане, и всё может случиться, я тогда двоих не вытяну...»

Его ответ был простой: рожать, раз Господь послал нам ребёнка. Ответ, который давал надежду во всём: что всё будет хорошо, и он вернётся живым, и что их тогда будет четверо.

«Ты знаешь, Настюша стала у меня большой помощницей: в магазин ходим вместе, дома посуду моет сама, я только полощу, у бабушки даже полы мыла, так она потом всем ходила и рассказывала: «Какая у меня помощница растёт!»

Мы вчера ходили в магазин и звонили оттуда маме (домой телефон я никак не куплю, все дорогие). Мы их слышали, а они нас нет. Вот такая сейчас связь. Так и не дозвонились!

Я пишу, а Настенька всё время сбивает меня с мысли. Я дала ей почитать книгу «Волшебные сказки Шарля Перро». Сказку «Красная Шапочка» она уже рассказывает своими словами. Даже автора знает. Я спрашиваю: «Кто написал сказку?» Она говорит: «Шай Пейё».

Ты спрашивал, как у меня с деньгами. Сто рублей ещё есть, не считая Настиных – пособия на ребёнка. Постараюсь устроиться на работу. Договорилась в ясли-сад няней. Собираю и сдаю анализы, на этой неделе, во вторник, пойду к гинекологу. Поговаривают, что на следующий год не 35 рублей будут платить на ребёнка, а 50. Но это слухи пока.

Сейчас собираемся с Настенькой гулять, бросим письмо в почтовый ящик. Она уже одевается.

Не скучай, пиши нам, не забывай. Целуем тебя крепко, родной наш! До свидания! Твои Галя и Настенька».

Внизу листка, прямо на тексте, была обведена левая ладошка Насти. Артамонов не удержался и поцеловал ладошку.

Другое письмо – на двойном листке из тетради в клеточку – пришло несколько месяцев спустя:

«Андрей, здравствуй!

Сейчас вечер, скоро 10 часов. Что мы сегодня делали? После завтрака мы ходили по магазинам. Зашли в «Ткани», и я присмотрела материю на шторы в спальню. После обеда съездила за ней, пока Настя спала. Затем прошли вдвоём на базар, купили 1 кг груш за 4 руб. и большой гранат за 2 руб. на двоих, а вернее, на троих (и на Андрюшку тоже). Уставшие вернулись домой, Настя пообедала и – спать, а я – опять в город. Приехала, она ещё спала.

Настюшку часто прошу одну поиграть, дела ведь нужно делать, а теперь вот села письмо писать. Ходит ребёнок, скучает. Я ей на ночь книжки читаю (самое лучшее для неё), иногда сяду поиграю с ней в кубики, тогда она на седьмом небе от счастья. Что же будет, когда Андрюшка появится? А этот голопузик даёт о себе знать всё больше и настойчивее. Швеление при первой беременности в 4,5 месяца, а при второй – может (говорят) произойти раньше. Так вот, у меня раньше, в 4 месяца.

Мне всё кажется, что ты не веришь в то, что я беременна, трудно поверить в слова, если не видишь глазами.

Я сама до конца не могу себе представить. Что-то стучит в животе, упирается. Когда ляжешь на спину, живот начинает ходуном ходить. Видно, активный будет ребёнок, если уже сейчас (живота ещё не видно), так агрессивно настроен против меня. Боюсь ложиться даже на бок, иногда, если лягу в пол-оборота, так в боку кто-то изнутри мне стучит: «Осторожней!»

Через месяц будет уже небольшой животик у меня. Да и сейчас он уже не в нормальном состоянии. Пора подумать про одежду для себя, а скоро и для малыша. Многое согдится от Насти. Нужно будет подкупить пелёнок простых (у Насти почти все тёплые, т.к. в холодное время родилась) и ползунков (Настюшины все страшные и поизносились); шапочки все целые, распашонки есть. Марли купить ещё на подгузники – и можно рожать.

Надо подумать, где будет спать Настюша, кровать ведь будет занята ребёнком.

Всего доброго! До свидания!
Галя».

Андрей сложил письмо, думая о прочитанном. На душе было легко, точно он побывал дома и остался незамеченным. Но что-то тяготило его. Радость от хорошего письма перевешивало какое-то неприятное воспоминание, которое, казалось бы, забылось, улеглось. А теперь просилось наружу, и от одного этого ничем не омрачённый день не хотел казаться гармоничным. Артамонов сосредоточился и попытался отыскать причину своего беспокойства. И она, точно щепка, всплыла на поверхность, словно ждала своей минуты: Наташа!

4. НАТАША

...Они познакомились на День Советской армии. Торжественного собрания ни накануне – двадцать второго, как это обычно в Союзе, ни назавтра не было. Но праздничный ужин, придерживаясь старой традиции, решили не отменять.

За столом были только свои: он, Пашка и Лесняк. Правда, в самый разгар ужина, когда врубили «Шарп» борттехника и перешли к «культурной программе» – танцам, заглянул будто бы случайно Кирпичников. Он всегда появлялся случайно, но всегда вовремя. Понадобилась соль. Многие уже знали, что Кирпич экономит на всём, старательно складывая в кучку получаемые на зарплату чеки.

Чтоб Кирпичников не захлебнулся слюной от вида импортных разносолов, пришлось плеснуть ему в «нурсик»* разведённого спирта и, конечно, угостить салом. Земляк Лесняка из командировки в Союз привёз.

Пропал и опять появился за столом возбуждённый Егоров, доложил, потирая ладони, новость: в лётной столовой тоже танцы. Присутствует слабый пол...

Опрокинули на посшок по «нурсику» – и на улицу. Звёзды на небе после выпитого подпрыгивали на месте в такт музыке, точно непоседливые дети.

Столовую не узнали. Все столы – у окна раздачи, по периметру зала – табуретки и стулья, всё занято. Среди пятнистых и песочного цвета комбинезонов пестрели нарядные женские платья.

Егоров затащил Артамонова в жидкую толпу танцующих, тот немного поплясал, но полковой ансамбль больше огорчал своей игрой, чем разжигал, и он, как и Лесняк, подпёр стенку, обитую обожжённой планкой.

Артамонов даже не заметил, когда перед ним возникла девушка в голубом махровом платье, подчёркивающем стройную фигуру. У неё были короткие волнистые волосы, тень морщинок под грустными, несмотря на веселье, глазами.

– Простите, – обратилась девушка, робея, – вас, кажется, Андреем зовут?

– Да, – удивлённо ответил Артамонов. За время, проведённое в Афганистане, его ещё никто так не удивлял.

* «Нурсик» – пластмассовый предохранительный стакан для оперения неуправляемого реактивного снаряда.

– Вы родом из села Раговка, – продолжала добивать его девушка, с восторгом наблюдая за реакцией лётчика.

Артамонов оттолкнулся от стены и удивлённо посмотрел на скушающего Лесняка.

– Я валяюсь...

Лесняк, деликатно улыбаясь, перебрался на другое место.

– Вы, конечно, меня не узнаете? Мы с вами вместе в десятый ходили, только в параллельные классы: вы в 10 «А», я в «Б».

Андрей помнил этот класс, но не мог вспомнить девушку, хоть чем-то похожую на эту ещё прекрасную женщину. В том классе училась Майя, девушка-еврейка, с которой он дружил. Вспомнились её бледное веснушчатое лицо, задумчивые глаза и высокая грудь. Приезжая из села в район-центр на свидание, он всегда заставлял Майю с учебником английского языка. Английский преподавал её отец, и Майя владела языком свободно. И даже проводила уроки в их классе вместо отца. Скорее всего, она тоже собиралась стать педагогом.

Майя не была красавицей, как её подруга Люда – среднего роста, крепко сложенная, с короткими волосами и слегка вздёрнутым носиком. Сейчас спустя годы Андрей не мог понять, почему он бегал за вечно занятой Майей? Надеялся со временем подружиться с Людой? Одноклассники постоянно дразнили их «жених и невеста», а он за два года учёбы даже не поцеловал её...

Афганистан – особые условия. Здесь земляками считались не то что из одного города или села, а даже из соседней области или республики. А тут в одной школе учились!

– А вы где здесь работаете? – Артамонов справился с волнением.

– В медсанбате медсестрой.

Артамонов удивился: медсанбат находился по ту сторону взлётной полосы. Девушка поспешила объяснить:

– Подруга в гости пригласила. На пересылке в Ташкенте познакомились. Она к вам попала, а я в дивизию.

Помолчали, глядя на танцующих. Всё было так неожиданно, что Андрей даже не сообразил пригласить девушку на танец. Вместо этого, сохраняя внешнее спокойствие, он всё ещё пытался узнать её. Но...

Пригласив Андрея в гости, девушка поспешила к своей компании, где уже мелькала кудрявая голова Егорова. Рядом крутился Кирпичников.

Артамонов после ухода девушки ругал себя последними словами. Боевой лётчик! 514 боевых вылетов! Без пяти минут орденосец! А тут – перед землячкой растерялся...

Рядом возник сияющий Егоров, по-дружески толкнул в плечо:

– Тебя, командир, хоть не оставляй одного... Сразу женщины вокруг.

– Ладно трепаться, – потёр плечо Артамонов. – Сам, поди, уже закадрил кого-нибудь?

Егоров оглянулся на покинутую компанию.

– Подругу твоей землячки.

Оказывается, он уже всё знал.

Мелкая среди танцующих голубым платьем, девушка-землячка изредка бросала взгляд в его сторону и заразительно смеялась, собрав лучики морщинок. Там, наверное, было весело.

– Пора на бордаж! – догадавшись о настроении Артамонова, подал идею Егоров.

– Там вроде бы все по парам.

– Это всё вилами по воде писано. Кирпича я беру на себя.

Снова фальшивя заиграл ансамбль, и Егоров подтолкнул Артамонова к танцующим. Те, особенно мужчины, неохотно потеснились, увеличивая круг. На втором танце Егоров тайком пригрозил кулаком Артамонову: не спи!

Артамонов пригласил девушку на танец.

– Полчаса знакомы, а я даже не знаю, как вас звать.

– Наташа.

– Андрей.

Домой шли впятером, Наташа оставалась ночевать у подруги. Возвращаться ночью через «взлётку», пусть даже с провожатым, было небезопасно. В восемь вечера выставляли караул. Часовые в основном ребята с юга, патроны – боевые, так что...

Девушки шли посредине, Егоров, Артамонов и Кирпичников – по бокам.

Плохо освещённая аллея казалась подземным переходом. Над головами, рискуя зацепить крыльями, носились летучие мыши.

Разговаривая, дошли до женского модуля. Раньше «кошкин дом» находился в центре городка, но кому-то из начальства, видимо, не хотелось быть в центре внимания, и общагу перенесли за продуктовый склад, отдав прежнее жильё техникам из ТЭЧ*.

Прощались скромно. Егоров всё время рвался в гости «на чай», Кирпичников вторил ему, от волнения потирая свой орлиный нос, но девушки были непреклонны. Особенно Наташа. И авиаторы ушли несолоно хлебавши, связывая все надежды со «следующим разом».

Медсанбат вертолётчики обычно посещали в трёх случаях: при диагнозе (желтуха, малярия и т.д.), перед командировкой в Союз, когда надо было поставить отметку на тиф, и – по личному плану. Артамонов работал по третьему варианту.

Был нелётный день – задул «афганец», подняв в воздух мириады лёгких песчинок, и командир звена попросил Артамонова проведать Горшкова, их старшего лётчика, лежавшего в гепатитном отделении. Артамонов, вспомнив про Наташу, с удовольствием согласился.

Отдав больному свежие письма и гостинец от ребят, поведав последние новости, Артамонов только на улице вспомнил, что забыл спросить про Наташу. А вдруг он знает такую медсестру. Из суеверия решил не возвращаться.

Солдаты в курилке, в синих больничных куртках, подшитых белыми подворотничками, показали лётчику, где находится терапевтическое отделение.

Артамонов шёл полутёмным прохладным коридором, пропахшим лекарствами и карболкой, читал таблички на дверях и чувствовал на себе неприятный, сопернический взгляд дивизионных офицеров.

Авиатора здесь узнавали за версту по комбинезону или по тёмно-синей, в зимнее время, куртке-демисезонке. Офицеры дивизии, страдая, как и все, от жары, тем не менее и здесь, вдали от Родины, были верны себе. Видимо, проверяя себя на выносливость, они ходили в дурацкой, со множеством широких накладных карманов полевой форме для ДРА и в офицерских ботинках, которые по сравнению с кроссовками и техническими тапочками «в дырочку» вертолётчиков выглядели современным оружием пыток.

*ТЭЧ – технико-эксплуатационная часть.

Артамонов постучал в дверь с табличкой «Зав. терапевтическим отделением». Спрашивать Наташу, фамилию которой он к тому же ещё и не знал, не пришлось. Наташа сидела перед ним.

Белоснежный халат, нога на ногу, рука с зажжённой сигаретой замерла над пепельницей. Дым от сигареты тянулся к немолодой полной женщине с фонендоскопом на смуглой шее. Наверное, завотделением.

Завотделением невозмутимо положила сигарету на край пепельницы и подняла глаза:

– Я слушаю вас.

– Это ко мне, Юлия Павловна, – вскопчила с места сияющая Наташа. – Вы разрешите, я выйду на секундочку?

За дверью Наташа, глянув на часы, предложила свой план: скоро обед, сейчас она отпрашивается – и они идут к ней.

По сравнению с их комнатой, жильё Наташи представлялось настоящим раем: занавески, коврики, правее окна серебристая решётка кондиционера. Посредине комнаты что-то вроде паласа. Везде уют и чистота.

Артамонов растерянно посмотрел на свои пыльные кроссовки.

– Оказывается, и здесь раньше вертолётчики жили, – кивнул он на парашют под потолком.

– Нет. Это нам в наследство досталось, – простодушно ответила Наташа, торопливо срывая с натянутой верёвки и пряча под подушку высохшее бельё.

Жужжал кондиционер, на кухне шумел, закипая, чайник. Наташа только с третьего раза включила побывавший, видно, не одних руках советский «кассетник». Комнату наполнило ржание «рыжего коня» и хрипловатый голос Михаила Боярского. От знакомой мелодии стало уютнее.

Андрей музыку любил и считал, что понимает.

Наташа пригласила Артамонова к столу.

– Я вообще-то уже обедал, – отказался Андрей, наблюдая, как Наташа неумело пытается открыть консервы. – Разрешите... те?

– Ну, тогда хотя бы чайку...

– Разве что... – Андрей поставил открытую банку перед девушкой, сел на солдатскую табуретку. – А подруга где? – кивнул на вторую кровать.

– В столовую, наверное, пошла.

– Выходит, я сорвал тебе обед?

– Ладно тебе... Была б столовая как столовая... Всё на комбижире готовят.

Артамонов согласился с ней, что допайк здесь, в Афганистане, большое подспорье.

– Паёк? Откуда?.. Последняя радость – знакомые ребята из редакции «дивизионки» угостили. Марина, соседка, машинисткой там работает.

– Ну вот, а мы лососёвыми тараканов глушим, – играя на публику, пошутил Артамонов.

– Хорошо живёте! – Наташа налила Артамонову чаю, подвинула сахар и югославское печенье, купленное в «чекушке».

«Теперь будешь жить не хуже других», – подумал про себя Артамонов.

Заметив, что Артамонов почти не пьёт, а разглядывает комнату и её, Наташа покраснела.

– Ты чего?.. Хочешь, чтоб я подавилась?..

– Думаю: это ж надо где встретиться!.. Как будто в Союзе места было мало... – Артамонов отхлебнул из чашки.

– Когда первый раз предложили – отказалась, хотя ничто меня не держало. Родителей уже не было. Просто страшно было погибнуть в такое время. А потом смотрю: девчонки знакомые возвращаются, и ничего, живые...

– И не с пустыми руками... – подсказал Артамонов.

– Не без этого, – стрельнула взглядом Наташа. – Решила и я рискнуть.

За глаза женщин в Афгане называли «чекистками», поскольку платили здесь чеками. Был в этом определении и другой смысл: женщинам платили за любовь тоже чеками. Это и отталкивало Артамонова от них, хотя он в какой-то степени завидовал тем ребятам, у которых были «боевые» подружки. И если женщины в столовой, в штабе, магазине, в медпункте были для него, как говорится, сбоку припёка, то сейчас, напротив, сидел в чём-то близкий человек, больше, чем земляк... Было над чем задуматься.

После обеда, видя, как мнётся, убрав со стола, Наташа, Артамонов кивнул на пепельницу.

Наташа, слегка покраснев, принялась разминать сигарету.

– Наверное, не перевариваешь курящих женщин? – струйкой дыма она потушила горящую спичку.

– Почему... – соврал Артамонов, по-хозяйски оглядывая комнату. Ему казалось, что он нравится девушке.

На Наташу смотрел спокойно: переспелая ягода. Если и нырять в омут, то ради чего-то. Сейчас он был просто обязательным человеком. Он обещал, что заглянет? Он своё слово сдержал. Остальные ощущения – следствие хорошей музыки и присутствия женщины.

– Это не мои проблемы, – ещё раз повторил Артамонов и подошёл к фото над кроватью Наташи. – Это ты? – удивлённо спросил он.

Не докурив, она затушила сигарету, поднялась.

– А что, не похожа? Я целый альбом с собой привезла. Хочешь посмотреть?

– Конечно.

Они сели на кровать. Наташа, точно специально, села рядом, коснувшись бедром его бедра, и Артамонова подмывало обнять девушку – как бы по-землячески, но он сдержал себя и положил руку на прохладную металлическую спинку кровати.

– Это я в детстве, – рассказывала Наташа, листая альбом. – Вот в медучилище... Это на практике... А это в школе, в десятом классе.

Артамонов смотрел на фото и не мог отыскать в лице той худенькой, угловатой, ничем не приметной девочки хоть что-то похожее на черты сидящей рядом привлекательной женщины.

– Узнаёшь?

– С трудом... – заколебался с ответом Артамонов, поскольку такие девочки были и в его классе, а его тогда интересовали только Майя и Люда. – Я ведь, как перемена, сразу на волейбольную площадку убежал, – соврал он.

Фотографии разбередили душу, и Наташа вспомнила про своё село.

– Как оно там? Не выселяют ли его? Там ведь дом родительский остался. Артамонов ухмыльнулся:

– Тут под самым носом не знаешь, что творится, а ты хочешь про свой дом правду узнать. Правду про Чернобыль мы только лет через пятьдесят-сто узнаем. Точнее, про Припять. Отселили, говорят, только тридцатикилометровую зону, а если кто-то дальше живёт? До моего села, например, шестьдесят км, поэтому родители мои как жили в своём доме, так и живут, только что паёк дополнительный получают...

– Но вы-то, военные, должны об этом знать, – удивилась Наташа. – Вам же лекции, наверное, какие-то читают.

– Должны... Из программы «Время» узнаём, что в Афгане происходит. Недавно, правда, военный прокурор у нас выступал, я как раз шёл из сто-

ловой, остановился на минутку послушать и чуть не обалдел, услышав, что здесь и в плен сдаются, и оружием торгуют, и мужеложеством занимаются... Не удивлюсь, если через некоторое время узнаем, что мы сюда зря сунулись... Зачем мы здесь, ты не знаешь? – Артамонов повернулся к Наташе, точно одна она могла ответить на мучивший его вопрос: «Для защиты южных рубежей»? Но южные рубежи на своей территории защищают. И сколько нам здесь придётся торчать – одному Богу известно...

Через секунду Андрей понял, что зря сказал всё это. Нужна ей эта политика! Хотя говорил он искренне и потому, что наболело, и потому, что больше всего боялся вопроса о семье. Нет, он не отказался от неё, от похожей на него дочурки, от сына (только сына!), который скоро должен был родиться. Он ежедневно ждал писем, огорчался, когда почты не было, но вопрос этот, о семейном положении, был сейчас неуместен. И Наташа, видимо, понимая это, не задавала его. И стала нравиться Артамонову чуточку больше, но не более того.

– Ой, я уже опаздываю, – засуетилась девушка, глянув на часы.

Выключив магнитофон, плёнка которого уже начала пищать, она положила на него фотоальбом.

Быстрым движением поправила перед зеркалом волосы.

– Ты проводишь меня?

Рисоваться лишний раз не хотелось, но...

– Конечно, – ответил Артамонов.

– Слушай... – Наташа на секунду задержалась перед дверью. – В воскресенье у Людки, подруги, день рождения. Я от её имени приглашаю тебя. Придешь?

Это было любопытно. Сегодняшняя встреча не завершала их необычно начатое знакомство. Продолжение следует?..

– Постараюсь, – согласился лётчик.

...В комнате дежурного экипажа резко зазвонил телефон.

– Заколебали, – вздрогнул, проснувшись, Егоров. – Опять в медсанбат, наверное, звонят... Родильное отделение здесь, что ли?..

– Слушаю, капитан Артамонов, – лётчик первым поднял трубку полевого телефона и закивал головой. – Так... Понял... Есть!

По тому, как изменилось выражение лица командира, Егоров догадался: разговор касался их. Артамонов ещё не положил трубку на место, как Егоров спросил:

– Есть работа?

– Подъём. Борт на вынужденную идёт. – Он сунул письма в карман куртки, напялил панаму, схватил сумочку со шлемофоном. – Обороты упали на левом двигателе. Сказали грузить НПСК* и ждать указаний.

Из комнаты они выскочили друг за дружкой.

5. ЛЕСНЯК

Было уже жарко, в небе ни облачка, далёкие горы точно спрятались от солнца за голубоватой дымкой. Рядом проехала машина запуска, стреляя из-под колёс густой, как вата, пылью. Когда не нужно, она всегда под

* НПСК – наземная поисково-спасательная команда.

рукой, отметил Лесняк. Он и полчаса не смог высидеть в прохладной хибаре дежурного экипажа. На вертолёте всегда есть работа, а тут лежи, валяй дурака и жди, когда ты понадобишься. А если не понадобишься? И он подошёл к Артамонову.

– Командир, я пойду на борт.

– Давай. Только оттуда ни шагу, – понимающе бросил лётчик.

Лесняк за это время не спеша осмотрел вертолёт, навёл порядок в салоне и теперь сидел, перечитывая вчерашние письма.

По железке стоянки застучали шаги, и в проёме двери показался Гена Рафалович, добродушный, застенчивый прапорщик-приборист из Белоруссии, которого с борттехником сблизила страсть к книгам. Его, знающего здесь только одно – свою работу, интересовало всё, чем увлекался Лесняк. Иногда это любопытство раздражало Лесняка, и он еле сдерживался, чтобы не обидеть, не оттолкнуть от себя этого в общем-то безобидного, со смешными усами парня.

Рафалович для приличия заглянул в пилотскую кабину, затем пощупал, проверяя, мешочки с оранжевыми кассетами бортового самописца, которые со временем и в Союзе все запомнят как символ беды – «чёрный ящик», неторопливо расписался в журнале подготовки и, присев, уставился на разложенные письма.

– Ого! Это всё из дома? – Гена заранее виновато улыбнулся.

– Не совсем. Это письма фронтовиков из дивизии Покрышкина, – ответил Лесняк и принялся поспешно складывать конверты.

Рафалович от любопытства даже заёрзал на месте.

– Того самого Покрышкина?

– Да, того самого, трижды Героя Советского Союза, что сбил во время войны 59 самолётов противника.

– А зачем вам письма Покрышкина? – Гена, будучи на несколько лет моложе Лесняка, всегда обращался к нему на «вы», и это несколько смущало борттехника.

– Это письма не Покрышкина, а тех, кто воевал с ним.

– Вы что, собираетесь писать о нём?

В эскадрилье многие знали, что Лесняк пописывает в окружную газету.

– Я разыскиваю сослуживцев отца, – спокойно ответил борттехник и в доказательство потряс сложенной пачкой писем. – На фронте он, как и ты, служил прибористом, с кем-то дружил. После войны какое-то время переписывался с однополчанами. А потом женился, дети родились, начал потихоньку выпивать и вскоре всё забросил. А тут перед Новым годом получает письмо от своего товарища, тот приглашает в гости. Кое-как настроил ответ, а письмо вернулось: такой-то адресат не проживает.

– Умер? – поспешил с выводами Рафалович.

– В адресе накосячил: номер дома с квартирой перепутал.

– А как узнали?

– А чего узнавать – с конверта нужно внимательно списывать. – И Лесняк зачем-то для убедительности показал одно из писем. – Одним словом, отец попросил помочь связаться с товарищем. Я вышел на этого товарища из Донецка – Паршина, моториста Покрышкина, тот дал мне адреса Короткова, Пугачёва, Почки...

– А Пугачёв и Почка – это кто? – перебил борттехника Рафалович, и глаза его смущённо забегали.

– Сослуживцы отца, которых он просил найти: Александр Пугачёв, Иван Почка, Фёдор Паршин, Виктор Коротков, Михаил Артамонов.

– Артамонов? Это не отец твоего Артамонова?

Лесняк ошибался, думая, что подробный рассказ вскоре надоест прибористу и тот оставит его в покое. Гена и не думал уходить, и новые вопросы были тому подтверждением.

– Ты что! Мало ли в мире Артамоновых? Тот воевал сорок лет назад! А этот, по-твоему, его сын, служит в Афгане?

– Почему бы нет... Жизнь сейчас такая: вчера я ещё по Кобрину расхаживал, а сегодня уже здесь... Твоего Артамонова как по отчеству – не Михайлович?

Лесняк растерянно почесал затылок.

– А я и не знаю. Прямо из головы вылетело. Почти год вместе, а я ни разу не поинтересовался: не его ли отец воевал с Покрышкиным? А ведь крутилась мысль спросить.

– А ты узнай. Если Михайлыч, то, может, и он.

– Ладно, узнаю, – Лесняк торопливо посмотрел на часы и засуетился. – Цигель, цигель, ай лю-лю... Ты сейчас куда? Я лично в домик. Надо у инженера одну железку спросить.

Лесняк спрятал письма и спустился по трапу на землю.

– Я тоже в домик, – Рафалович солидарно последовал за борттехником.

Возле вертолёта Лесняка было пустынно. Сам вертолёт, точно большой пятнистый спутник, скользил в жарком дрожащем воздухе. Открытые створки капотов напоминали лепестки солнечных батарей.

– Коля! Лесняк! – крикнул Артамонов, поднявшись в грузовую кабину.

Вместо борттехника отозвался Егоров:

– Наверху его тоже нет. – Он успел уже обойти вертолёт.

В ту же секунду в салон, отстранив лётчика-штурмана, поднялся сияющий Лесняк. В руках он держал тонкий трубопровод.

– Ты что, собираешься это ставить? – спросил с тревогой Егоров и посмотрел, ища поддержки, на Артамонова.

– Зачем... Это запасной. Куда-нибудь летим? – спокойно спросил Лесняк. – Вертолёт к полёту готов, заправка полная.

– Борт на вынужденную идёт... А капоты?

– Айн момент! – Лесняк подбросил и ловко поймал отвёртку и через мгновение его ноги мелькнули в проёме люка пилотской кабины.

Артамонов глянул на Егорова, потом на часы и покачал головой:

– Где же НПСК? – спросил он не то Егорова, который уже садился на своё место, не то себя.

Егоров, прищурившись, посмотрел в сторону ТЭЧ, ребристые ангары которой находились в ста метрах от их вертолётной стоянки. Команда НПСК назначалась оттуда.

– Можно было уже десять раз туда и обратно сбегать, – слегка стукнул он по гашетке носового пулемёта.

– Ты давай подключайся и слушай эфир, – поторопил его Артамонов.

– Понял, командир! – Егоров загремел замками подвесной системы парашюта, усаживаясь удобнее.

В пилотскую спустился Лесняк.

– И всего делов-то, – сказал он и, щёлкнув над головой ручкой-замком, поинтересовался: – Как они там, которые идут на вынужденную?

– Ещё не сели, – не контролируя в наушниках свой голос, громко ответил Егоров.

– А мы не спешим, – слова Лесняка адресовались Артамонову. – Без НПСК всё равно не полетим. Так что вина, если что, не наша, – сказал он, вытирая руки ветошью.

Возле вертолёт, закрипев тормозами, остановилась бортовая машина, гружённая продолговатыми зелёными ящиками. На кузове сидело, держась за борта, несколько человек в комбинезонах, с автоматами, зажатыми между колен.

Руководил всеми невысокого роста худощавый майор, в больших очках и солдатской пилотке с офицерским крабом. Он решительно спрыгнул на железку стоянки, едва не потеряв очки, крикнул:

– Перекурите, а я пока уточню что к чему.

Щегольски козырнув, подал руку Артамонову, потом Лесняку.

– Что там случилось? – сразу поинтересовался он, толкнув пальцем очки на переносицу.

– Упали обороты на левом двигателе, – Артамонов, освобождая проход, присел на сиденье и бросил взгляд на Егорова.

Тот выглянул из пилотской, подтверждая, кивнул.

– А нам передали, что отказала основная гидросистема, – и для убедительности показал на висевшую через плечо портативную радиостанцию. – Надо уточнить: запчасти и инструмент в этом случае надо брать другие..

Только он спустился на землю, как из пилотской раздался радостный крик Егорова, всполошивший всех:

– Всё!

– Что всё? Сели? Упали? – бросил укладывать чехлы Лесняк и резко выпрямился.

В проёме двери показалась голова Егорова в шлемофоне.

– Сели в Файзабаде. – Он посмотрел на Артамонова. – Что будем делать, командир?

– Запросите руководителя полётов, – подсказал, заглянув в салон, офицер в очках.

– А может, не стоит поперёд батьки? – подал голос Лесняк. – Нужны будем – сообщат.

– Стоит, – спокойно ответил Артамонов и прошёл в пилотскую кабину, надел шлемофон, нажал кнопку на ручке управления.

– Запуск! – бросил он через некоторое время Лесняку и повернулся к офицеру в очках. – Все зависит от вас: успеете отремонтировать до темноты – забираем. Нет – остаётесь ночевать в Файзабаде, а мы возвращаемся.

Не заметив поблизости машины запуска, подсказал борттехнику:

– НПСК загрузилась?.. Лишним покинуть вертолёт!

6. МАЙОР МОБОРАКШАХ

Первое, на что обратил внимание замполит афганского отряда майор Хафиз Моборакшах, когда они с музыкой въехали в кишлак, – пустые улицы, безлюдье. Не играли на пыльной дороге и на плоских крышах домов босонogie дети, не толкался у лавки дукащика сельский люд: седобородые аксакалы и женщины в лёгких, морщинистых, как лицо дукащика, паранджах; не вилял, возбуждая аппетит, дым над закопчённой жаровней шашлычника.

– Сделай тише! – крикнул, наклонившись к люку агитмашины, Моборакшах.

Он сидел на краю другого люка, свесив ноги в проём.

Радист внизу, в боевом отсеке, повернул ручку громкости портативного магнитофона, и песня, летевшая из квадратных колонок за спиной Моборакшаха, зазвучала тише.

Они въезжали так в каждый кишлак. Расчехляли колонки, и радист вставлял в магнитофон прозрачную и потёртую от частого пользования японскую кассету с афганскими популярными песнями. Их на полке гнездились множество.

Рядом, зашуршав галькой, затормозил БТР командира отряда. Его цепкие глаза на бронзовом худощавом лице умеренно бегали, точно прощупывали каждую хижину.

– Ничего не понимаю, где жители?

Моборакшах поднялся со своего места, ухватившись рукой за открытый люк с повешенным на него автоматом, и тоже оглянулся.

– Ушли, наверное... Такое ощущение, что Адам-хан и здесь опередил нас. Вот как надо работать. – И майор то ли в укор себе, то ли кому-то ещё покачал головой.

– Хафиз, ты же видишь, сколько у нас людей, – отозвался командир отряда. – Ты лучше подскажи людям, где здесь есть колодец – надо срочно пополнить запасы воды.

– Сразу за поворотом, – Моборакшах показал рукой, где это. – Командир, если не возражаешь, я проеду к дому Ахмеда. – Он вытер потный лоб и одел как следует фуражку. – Здесь недалеко. Может, у него что разведать.

– Тогда бери мой БТР, – заботливо предложил командир отряда. – Музыка слушать будете в следующий раз.

– У меня три автомата, пулемёт. Хватит, – пожал плечами Моборакшах.

Но командир отряда пропустил эти слова мимо ушей. Спрыгнув на землю, он подозвал к себе молоденького сержанта, командира взвода, и что-то сказал ему.

Минуту спустя трое сарбозов вскарабкались на горячую и пыльную броню БТР. Посидев немного, они заёрзали на месте, потребовали у водителя что-то подстелить.

– Вот ещё возьмите, – подал свой бушлат Моборакшах и, ухватившись за протянутую руку одного из подчинённых, залез на броню.

БТР осторожно покатил по узкой пустынной улочке вдоль высоких саманных дувалов. Пустые дворы тянулись один за другим. Калитки закрыты. Везде чувствовалась хозяйская рука: мы скоро вернёмся.

Но почему? Что случилось?

– Стой! – требовательно махнул рукой водителю Моборакшах, и тот, нажав на тормоз, вопросительно поднял серое от пыли лицо.

– Сбегай посмотри, есть ли там кто? – кивок одному из солдат на калитку, возле которой остановились.

Сарбоз послушно соскользнул с брони и, прошлёпав тяжёлыми солдатскими ботинками по пыли, толкнув калитку, осторожно заглянул во двор. Слабый ветерок сквозняка пошевелил серую золу очага. Ещё утром на ней, видимо, готовили плов или кипятили воду для чая. Загон для скота был пуст.

Так же крадучись солдат вошёл в хижину. Вышел он через некоторое время, что-то жуя. На улице задержался, оглядываясь по сторонам и всем своим видом показывая, что ему не страшно.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Моборакшах.

Сарбоз ответил, что ему никто не встретился, что в доме никого.

– Точно сквозь землю провалились, – добавил он, взобрался на броню, оторвал кусок ржаной лепёшки товарищам, свою часть разделил пополам.

– Товарищ майор, держите...

– Спасибо, – вежливо отказался Моборакшах, хотя время завтрака давно прошло.

Доля его зря не пропала, за ней потянулась прокопчённая рука механика-водителя.

– Никого. Взяли самое необходимое и пропали. В горах уже небось, – солдат-разведчик деловито отвернул колпачок зачехлённой фляги, сделал глоток, запивая лепёшку.

– Трогай! – приказал водителю Моборакшах.

На втором этаже дома, где размещался уездный комитет, кто-то был. За разбитым окном мелькнула фигура. Моборакшах привычно перехватил рукой автомат.

Насторожились, заметив волнение старшего, и бойцы. Но ставни со скрипом распахнулись, и все увидели забинтованную голову бойца самообороны.

– Ас-саламу алейкум, Балуч, – вскинул руку Моборакшах.

– Асалам алейкум, товарищ майор. Заходите в дом, чаем угощу.

Моборакшах, держась за скобу, спрыгнул на дорогу. Прогнулся, разминая затёкшие спину и ноги.

– Никуда не расходиться. Я сейчас, – приказал он солдатам. – Можете перекурить.

В прохладе коридорного полумрака по скрипучей лестнице со следами пожара Моборакшах поднялся наверх. Балуч, кряхтя, убирал с полу куски битого стекла. В некоторых местах его заменяла полиэтиленовая плёнка.

Моборакшах скользнул взглядом по противоположной стене – она была истыкана пулями.

– Адам-хан? – Моборакшах подошёл к стене и провёл по ней рукой.

Балуч выпрямился.

– Его дружки. Я только на секунду отлучился узнать, как здоровье Хатум, жены Фатаха, вдруг слышу выстрелы. Сразу догадался: у нас! Бегу, ноги от страха как ватные. Ахмед ведь там один остался. Пока добежал – всё кончилось. Окна побиты, документы по столу разбросаны, везде керосином разит. Лестница и стол уже начали гореть, еле потушил.

Балуч резко поднялся и нервно заходил по комнате, держась за перебинтованную голову и хрустя битым стеклом.

– И ведь надо: зашли с той стороны, откуда мы не ждали. Как будто кто-то предупредил. Азиз и Нурик, тоже молодцы, слышат выстрелы, понимают: что-то не так – а прибежать на помощь не догадались. Голова-то для чего Аллахом дана?.. Так бы и дежурили, пока не сменил... Прибежал к уездному – пыль в конце улицы и конский топот. Я затвор передёрнул и с колена в последних всадников. Один взмахнул руками и слетел с лошади. Я начал было, постреливая, к нему приближаться, но они, повернувшись, такую стрельбу открыли, что я и головы поднять не мог. Раненого, конечно, забрали. Увезли и Ахмеда...

Балуч поставил перед Моборакшахом пиалу, небольшой пузатый чайник, рядом лепёшку и початую пачку сахара.

Балуч, наполняя пиалы – свою он держал в руках, – продолжал рассказывать:

– Прошло не более получаса, слышу шум под окном. Выглянул: сосед с семьёй куда-то направляется. За ним ещё один аксакал и ещё... Весь кишлак точно в Мекку собрался. «Куда вы?» – спрашиваю. «Мы скоро вернёмся», – отвечают. Только мулла и сказал что-то вразумительное: сюда, мол,

идут люди Наджиба. Адам-хан передал, если мы их встретим, они уничтожат всех до одного.

– Как у вас с боеприпасами, Балуч?

– Пока есть. Гранат бы, правда, не помешало. Только разве этим поможешь Ахмеду? – Он задумчиво посмотрел в окно на далёкие заснеженные вершины гор, точно надеялся, что они подскажут ему ответ. – Может, его уже и в живых нет. Хотя навряд ли. Он один знает выход из ущелья.

– Они не должны далеко уйти. Для них очень важно знать, что мы делаем в кишлаке, – сказал Моборакшах. – Если Ахмед жив, мы спасём его.

Балуч поставил пиалу на стол, налил в неё из тёмного от заварки чайника.

– Они поскакали в сторону ущелья... Может, ещё чаю?

– Нет, спасибо, – остановил его Моборакшах и благодарно приложил руку к груди. – Нам, как я понял, нельзя здесь долго засиживаться. И надо как-то сбить их со следа. Своего человека здесь Адам-хан наверняка оставил. Скорее всего, мы вернёмся в свой последний лагерь. Пусть думают, что мы испугались. А вечером... – Моборакшах стукнул кулаком в ладонь. – Ты же поговори, когда вернутся, со старейшиной, с муллой, с народом. Помощь нам не нужна, хотя и это не помешало бы. Плохо, если они пригреют врагов, которые схватили их односельчанина.

– После всего этого – навряд ли. Бедная жена Ахмеда, она сейчас, наверное, сходит с ума от горя. Она уже второй день с лежанки не встаёт, так что разговор о том, где сейчас её муж, придётся отложить, – сочувственно покачал головой Балуч.

– Что с ней? – спросил майор, снимая с гвоздя свой автомат.

– После родов. Старая Хатра сказала, что до следующего Рамазана едва ли дотянет.

– Жаль... – Моборакшах повесил автомат на плечо. – Нура бы сюда, но в последнем бою его ранило. Пришлось вызывать врача шурави и отправлять в госпиталь в Кабул. Если улучшения не наступит, найдёшь меня, и будем выходить на советских товарищей.

Моборакшах подошёл к окну и, облокотившись свободной рукой, выглянул на залитую солнцем улицу. Бойцы, спрятавшись в тени шелковицы возле арыка, курили по очереди одну сигарету. Голубой дымок от неё терялся в зеленеющей пыльной кроне.

– Ну ладно, засиделся я у тебя. Командир, наверное, уже волнуется. – Он поправил на плече автомат и серьёзно добавил:

– Ты сейчас здесь самый главный представитель власти. От тебя зависит, за кем потянется народ. Если что, мы поблизости. – И Моборакшах назвал урочище.

– Будьте спокойны, Хафиз-ака, не подведу. Мне не привыкать... Так вы поделитесь гранатами?

– Да, да. Идём...

Солдаты неохотно вставали, бросив окурки на землю, лениво полезли на броню. БТР тронулся.

7. В ЛАГЕРЕ. САИД, ИБРАГИМ

Саид Фатах чинил жилетку, когда к лагерю Адам-хана приблизился отряд вооружённых всадников. Заслышав стук копыт, Саид на мгновение замер и крепко сжал тёплое цевьё лежащей рядом винтовки, но тут же успокоился, разглядев знакомые лица: свои.

Моджахеды спешили в тени деревьев, привязав к стволам лошадей, и начали сгружать какие-то тюки, узлы. Один из тюков оказался связанным человеком. Упав на каменистую землю, он застонал от боли. Судя по бедной одежде, это был дехканин.

К нему подошёл Ибрагим, один из помощников Адам-хана, главаря банды. Держа в руке автомат, он пнул пленника в плечо, повернул на спину.

– Живой! Он думает, ему повезло, если мы не убили его сразу. Наивный глупец! Это твоим «бракровцам» нужен проводник, чтоб пройти это ущелье, а мы у себя дома.

Сплюнув, он крикнул Саиду:

– Эй, Фатах! Иди посмотри, какого активиста мы поймали. Может, это и есть виновник смерти твоего отца?

Саид равнодушно поднял голову, некоторое время смотрел на лежащего на солнцепёке пленника. Ничего не сказав, вновь склонился над жилетом. Конечно, он узнал Ахмеда, соседа, которого искал, когда погиб отец.

Саида тоже агитировали в уездный комитет, приводили в пример брата в Кабуле, который в то время уже работал там. Но Саид отказался. До брата было далеко, как до Мекки, и потом, уметь считать деньги и стрелять ещё не значит уметь руководить народом.

Рядом остановился Ибрагим, довольно ощерился:

– Брось эти лохмотья... Смотри, что я тебе привёз, – сказал он и бросил к ногам Саида серый пиджак. – Хозяину он уже не пригодится.

Саид испытующе посмотрел на Ибрагима: тот и не думал шутить. Воткнув иголку, Саид осмотрел ещё добротный пиджак, примерил, обнаружив в карманах горстку хлебных зёрен и баночку с насваем. Пригодится, тем более что у него уже кончается.

Ибрагим присел рядом на корточки.

– Чего молчишь? Шёл бы ко мне в отряд. Мне нужны такие стрелки, как ты... А?

Так же не спеша Саид снял пиджак, положил рядом. Опершись на автомат, Ибрагим нарочито медленно встал.

– Смотри, Саид. Больно ты гордый. Не прогневи Аллаха...

Глядя в сторону, Саид обещал подумать.

– Пойду к Адам-хану, пускай раскошелится за активиста... Русские совсем рядом летают, точно ищут кого-то. Не нас ли? Уходить надо.

Саид провожал взглядом Ибрагима, пока тот не скрылся в палатке Адам-хана. Потом встал, надел жилет, взял в руки карабин и пиджак, подошёл к пленному и внимательно посмотрел на него, точно хотел ещё раз удостовериться, что не обознался.

Морщинистое лицо Ахмеда было искажено от боли, он испуганно смотрел на Саида, и тот, боясь, что его узнают, быстро отвернулся и зашагал прочь.

Раньше Саид думал, что активисты – это особенные, богато одетые люди. У каждого свой дуكان. Дети ходят в лучший лицей, а после занятий помогают родителям торговать. И как же он был удивлён и разочарован, когда узнал, что его бывший сосед Ахмед – сейчас председатель уездного комитета. «Жил, еле концы с концами сводил, за свои идеи и речи в тюрьме чаще, чем дома, бывал. Дети то и дело бегали к отцу Саида что-нибудь занимать: то немного муки, то гороха, а теперь гляди – начальник, власть! Точнее, бывший начальник, – подумал Саид, – и власть его сейчас бессильна перед его оружием».

Саид остановился и огляделся: никому не было дела до пленника. Он быстро вернулся и, подняв Ахмеда за плечи, усадил в крохотной тени тутов-

ника. Вынул изо рта кляп. Губы у пленника задрожали, глаза наполнились слезами...

– Хорошо! – Адам-хан властно хлопнул себя по колену, не сводя глаз с почтительно склонившегося моджахеда. – Я доволен тобой, Ибрагим! – Тот склонил голову ещё ниже. – Деньги за пленного партийца получишь в Пешаваре. Здесь они тебе всё равно не нужны...

– Но, мой господин...

– Ты недоволен?

– О нет, господин. Да продлит Аллах твои годы до бесконечности.

– И ещё Ибрагим, – голос главаря стал мягче, – мне нужен человек. Верный человек. Я думаю, у тебя есть кто-нибудь на примете?

Ибрагим вопросительно посмотрел на Адам-хана.

– Нужно проводить нашего друга... – Адам-хан почтительно указал на Мэрфи, и Ибрагим скосил взгляд на иностранца в чалме, – ... в то место, где ты видел сегодня вертолёты.

– Есть такой человек. – Ибрагим тут же вспомнил про Саида, его гордый взгляд: «Кто не со мной, тот против меня». – Саид, мой господин. Саид Фатах. Он знает эти места лучше любого из нашего отряда.

– Саид Фатах, говоришь? – Адам-хан задумчиво теревил чётки. – А он случайно не сбежит?

– Как можно, мой господин. Ведь он дал обет мщения. Да и родные его здесь недалеко. – Ибрагим выскользнул из палатки.

Лицо его сразу приобрело надменное выражение, он поправил на груди патронташ, свысока поглядывая на телохранителей.

...Перед входом в шатёр один из телохранителей молча показал Саиду на кинжал, болтающийся на поясе, другой – заглянул в шатёр. Саид вынул кинжал из ножен, протянул телохранителю. До него донёлся жалобный вопль, и, прежде чем войти, Саид приостановился, посмотрел туда, где копошились возле пленного моджахеды...

– Ну что? – Ибрагим сладострастно провёл лезвием ножа по худой небритой шее Ахмеда. – Сразу тебя кончать, гяур, или ещё землицы напоследок попробуешь? Вкусная она, чужая землица?

Убрав нож с горла, Ибрагим выпрямился, с наслаждением наблюдая, как подчинённый моджахед пытался запихнуть землю в рот активиста. Тот извивался, отворачивался, мычал, сцепив зубы. Сильный удар ботинка в поясницу остановил Ахмеда, он затих, глаза его были закрыты, а в уголке измазанного землёй рта проступила кровь.

Ибрагим сделал знак – и на голову активиста полилась тоненькая струйка жёлтой мочи, смывая землю и кровь.

Раздался дружный хохот подвыпивших душманов. Ахмед открыл и тотчас же закрыл глаза, сморщившись, заплакал.

– Ну что? – глаза Ибрагима азартно горели, он наклонился над активистом. – Вот тебе и земля, и вода... – Ибрагим подмигнул своему подчинённому.

Тот понимающе кивнул, присел на корточки, второй моджахед упал на ноги Ахмеда и, прижав их мёртво к земле, начал стягивать выгоревшие на солнце шаровары. Но Ахмед этого уже не чувствовал...

8. МЭРФИ, САИД

Саид вёл за уздечку ишака, навьюченного двумя зелёными продолговатыми ящиками. Когда лагерь скрылся из виду, Мэрфи вспомнил про серебряный доллар. Он полез в карман безрукавки и, не найдя там монеты, очень расстроился. Он остановился, оглянулся на лагерь. Они отошли не так уж и далеко, но возвращаться значит потерять время. Другого такого случая не будет. И потом возвращение – к неудаче. И Мэрфи бросился догонять Саида.

Из досье агента Центрального разведывательного управления США, регистрационный номер М-3208:

«...Родился в 1949 г. в семье южноамериканского бизнесмена, проживающего в США. (...) Образование получил в Париже («Востоковедение»). Обучался в Нью-Йоркской школе бизнеса... Участвовал в проведении тайных операций в Иране, Ливане... Специализация: нелегальная поставка оружия...»

Тихо в горах... Саид Фатах насторожился: чуткий слух уловил далёкий ещё рокот машин. Саид по откосу стал карабкаться к гребню. Мэрфи, выйдя из-за валуна, беспокойно наблюдал за проводником. Рука его машинально расстегнула кобуру.

Быстро достигнув гребня, Саид увидел, как далеко внизу, в долине клубилась дорожка пыли. Наконец он смог различить головную бронемашину и несколько грузовых.

Колонна остановилась, пыль медленно поплыла вперёд, и стало видно, как из машин соскакивали на землю крошечные люди. Саид стянул с плеча винтовку. Оптический прицел приблизил колонну. В перекрестие попал офицер в афганской форме майора. Были видны даже скрещенные сабли на погонах. Подошли другие военные, и он показал им что-то на карте, а потом в сторону перевала...

Саид стремительно сбежал по обратному склону. Мелкие камни выкатывались из-под ног, сыпались вниз к Мэрфи.

– Что там? – обеспокоенно спросил тот, пряча пистолет в кобуру.

Саид бросил на чужеземца равнодушный взгляд, молча повёл ишака по тропе.

– Чёртов афганец, немой, что ли? – бормотал обозлённый Рональд.

Лицо Саида ничего не выражало. Тропа начала сужаться, и они пошли друг за другом. Животное тащилось тяжело, но покорно, осторожно ступая по неровностям.

Саид равнодушно оглянулся на иностранца, потом на солнце. Оно краешком уже коснулось перевала. Розовели верхушки гор. В ущелье сгущались сумерки. Мэрфи и Саид были почти у цели.

– Эй, Саид, ты уверен, что мы идём правильной дорогой?

Саид обернулся, кивнул, снова пошёл впереди. Через полчаса он остановился, осматривая местность. Молча отвёл животное в расщелину, заросшую кустарником, начал сгружать ящики.

Длинный зелёный ящик в иностранных надписях был неудобен, и Саид выжидательно посмотрел на Мэрфи. Тот нехотя подошёл, придержал груз. Чьё-то неверное движение – ящик выскользнул, с хрустом упал на камни. Мэрфи едва успел отскочить, взбешённый кинулся к Саиду.

– Идиот! – шипел он, хватая его за патронташ. – Ты специально это сделал? А? – от злости он путал английский и пушту.

Саид никак не среагировал даже на приставленный к подбородку ствол пистолета.

Тропинка над пропастью узка, и им пришлось идти медленно, осторожно переставляя ноги. Спереди Саид, согнувшись под тяжестью большого ящика. Винтовка свисала на грудь. Мэрфи нёс небольшой плоский ящик и фонарик. Неожиданно тропинка расширилась, и они оказались на сравнительно широком карнизе. Слева чернел вход в пещеру. Мэрфи осветил внутрь, луч коснулся боковых стенок, но конца пещеры видно не было. Луч опустился и высветил сложенный из камней очаг.

– О'кей, – сказал Мэрфи, отстёгивая от пояса фляжку, поразмыслив, протянул Саиду фонарик. – Принеси второй ящик, да побыстрее...

...Из пещеры доносилось похрапывание Мэрфи, но Саид не спал. Лицо его было освещено призрачным светом луны. Сидя у входа в пещеру, он смотрел на звёзды, точно надеялся найти в них ответ на свои мысли...

9. НАТАША. АРТАМОНОВ

– Наташа? – удивлённо воскликнул Артамонов, увидев в полумраке вертолётного салона знакомое лицо.

Неторопливо поднимаясь по трапу, он старался разглядеть в девушке то, что должно было выдать её положение – её живот. Но белый халат поверх лёгкого платья мешал этому. Наташа всё так же была стройна и привлекательна, разве что лицо её с лёгкими следами косметики выглядело немного усталым.

Металлический чемодан с красным крестом стоял на рифлёном полу у её ног.

– А я всю дорогу голову ломал: кто же это с нами полетит?..

Артамонов снял солнцезащитные очки.

– А мы только что из Файзабада. Команду НПСК туда возили. Выключились, а нам новую вводную: возвращайтесь обратно, заберёте на борт доктора, потом у «демократов» проводника – и в какой-то кишлак к больной. Ты об этом знаешь?

Наташа кивнула, расправляя халат на коленях.

Она уже заканчивала выполнение процедур в своей палате, когда её вызвали к заведующей Юлии Павловне.

Женщина не спеша закурила, точно взвешивая слова, сказала:

– Полетишь на вертолёте в кишлак. Это не опасно – ты будешь там не одна. Предполагаемый диагноз – послеродовый сепсис. Точнее сориентируешься на месте. Будут предлагать бакшиш, – на слове «бакшиш» заведующей сделала ударение, – не отказывайся. У них это принято, могут обидеться.

Бакшиш был слабостью Юлии Павловны. Она приехала в этот гарнизон с чемоданами, доверху набитыми дефицитом, который пользовался у афганцев особым спросом: чайники из нержавеющей стали, расписные подносы, новенький «Зенит», водка и многое другое. Откуда она была так информирована, как ей удалось протащить всё это через таможню, остаётся загадкой. Не получив ещё ни одной зарплаты, Юлия Павловна тем не менее уже через месяц ходила вся в «фирме», от которой ломались полки местных дуканов.

Заметив ожидающего его в кабине Лесняка, Артамонов шагнул через сиденье с парашютом бортового техника, бросил тому как бы невзначай:

– Найди шлемофон для врача.

Егоров, понимая состояние командира, опередил Лесняка, протянул девушке свой.

– Это надень. А это, – он показал на медицинский халат, – можно снять. В этих местах проблема с химчистками...

То, что Наташа в положении, Артамонов узнал совсем случайно.

Покидая после полёта вертолёт, Артамонов чуть не столкнулся в проёме двери с начальником Лесняка – инженером эскадрильи. Тот поднимался по трапу.

– Как матчасть? – спросил инженер.

– Всё хорошо.

– Коломиец звонил, просил, как прилетишь, зайти к нему.

– И зачем я понадобился замполиту? – Артамонов, сдвинув панаму на затылок, склонился над журналом подготовки вертолёта.

– Не знаю.

В эскадрильском домике Артамонов снял трубку полевого телефона, покрутил за маленькую неудобную ручку. Замполит оказался у себя.

– Ты сейчас что делаешь? – спросил он.

– Пообедать бы надо. А после обеда «кичкалдаки»* до Хайратона сопровождаем...

– После столовой заскочи ко мне. Есть разговор.

По дороге в городок, потом в столовой, рассеянно жуя душистый хлеб местной выпечки, Артамонов пытался угадать, зачем его вызывает замполит. Операция сорвалась? С семьёй что-нибудь? Но так ни на чём и не остановился.

Всё стало ясно, когда он переступил знакомый порог комнаты Коломийца и сел на предложенный стул.

Майор сначала поинтересовался какими-то мелочами по службе, точно пудрил мозги, а потом неожиданно спросил:

– Ты Наташу из медсанбата знаешь?

– Женщины тоже компетенция замполитов? – ухмыльнулся Артамонов.

– Ты не ершись. Я серьёзно спрашиваю...

– Ну, знаю.

– Давно?

– Товарищ майор, а можно без загадок?

– Дело в том, что... – замполит сделал паузу, подыскивая нужное слово, – она беременна, ждёт ребёнка.

Панама в руках Артамонова замерла.

– А я здесь при чём?

– А при том, что всё, что ты заслужил здесь потом и кровью, может полететь к чёрту! – Замполит встал и нервно заходил по комнате. – Увидите женский подол, и – сердце останавливается... Орден на тебя со дня на день должен прийти, на старшего лётчика документы готовим, а он два месяца потерпеть не мог...

– Кто вам это сказал? – Артамонов понял, что сопротивляться бесполезно и глупо.

– Какое это имеет значение?

– Значит, имеет.

Замполит зачем-то провёл рукой по волосам, бросил:

– Кирпичников, чёрт бы его побрал.

* «Кичкалдак» по-узбекски «утка» – так называли вертолёт Ми-6.

– Мерзавец, – процедил Артамонов, ребром ладони легонько стукнув по верху панамы. – Решил избавиться от конкурента другим способом?

– Что-что? – не понял замполит.

– Да так, ничего, – поднялся Артамонов. – Должность одна, а кандидатов двое. – Он направился к двери.

На выходе из модуля столкнулся с Егоровым. Куртка расстёгнута, в руке письма.

– Мне есть? – Артамонов потянулся за письмами, забыв о неприятном разговоре.

Одно было Егорову, два других Лесняку.

– Часик подремать можно, – объявил Егоров своё желание командиру, взглядываясь в лицо. – Что-нибудь случилось?

Артамонов вернул письма.

– Да так, ничего...

Но когда Артамонов спросил Егорова, не видел ли тот Кирпичникова, штурман понял, в чём дело. Взял командира за локоть, отвёл в сторону.

– Это всё моя Людка виновата. Трепло! Когда вы поссорились с Наташей из-за подаренных ей Кирпичом серёжек, он подвалил к ней в кино. Наташа отшила его, и он, конечно, расхрабрился. Когда пошли провожать, Наташа вдруг сказала ему что-то резкое и хлопнула перед носом дверь. А тут моя возьми и брякни ему: «Смотри, а то как бы чужого ребёнка не пришлось воспитывать...» Я ей, конечно, потом сделал внушение, но было уже поздно. Он, видимо, и заложил тебя замполиту. Решил, что цель оправдывает средства.

– Что же ты раньше молчал? – Артамонов осуждающе посмотрел на штурмана.

– Думал, всё образуется...

– Думал... Что же делать теперь? – Артамонов посмотрел себе под ноги. – Надо бы с Наташей объяснить. Кирпича-то я всегда увижу. Но и с ним надо потолковать.

– Да что с этим козлом разговаривать? Дать по рогам – вот и весь разговор.

– Дурное дело не хитрое. – Артамонов застегнул карман на куртке Егорова. – Увидишь у Людки Наташу – дашь знать.

Он и не думал, что случай сведёт их с Наташей так быстро...

– 017-й, запуск парой? – нажал кнопку радиостанции Артамонов.

– 017-й, разрешаю.

В тишину аэродрома ворвался свистящий гул вспомогательной силовой установки.

– Работает, – сказал Артамонов, видя, как открыл рот, прислушиваясь, Лесняк.

– 017-й, разрешите выруть! – открыв блистер, Андрей посмотрел на вертолёт ведомого.

На месте винтов – прозрачные диски, исчезла лесенка под днищем машины, в пилотской кабине мелькнула тень бортового техника. Штурман ведомого тоже открыл свой блистер с брошенным на него бронежилетом, махнул по-деловому рукой: «Слышали... Давайте!»

Ушёл под вертолёт конец бетонки с площадкой в конце взлётной полосы для разворота тяжёлых транспортных самолётов, заставленный бомбами в деревянных намордниках бомботары, стопками железок аэродромно-

го покрытия, саманный пост ВАИ* с опущенным полосатым шлагбаумом. Открылись глазам уходящая к темнеющим горам просторная долина с редкими высокими сосенками по берегам извилистой речки и пустые хижинки небольших кишлаков на излучине.

Артамонов счастливо улыбнулся. Чувствуя, как послушна ему машина, оглянулся в блистер назад. Второй вертолёт, блеснув на солнце капотом, тоже выполнил разворот, но по отношению к его машине будто замер на месте и висел ниже.

Беззвучно то слева, то справа от него распарывали афганское небо тепловые ловушки АСО*, и вертолёт, точно конькобежец, скользил по прозрачному льду раскалённого воздуха.

Артамонов бросил взгляд на приборы. До этого летали «на пределе» – на предельно малой высоте. Но начались потери: вертолёт часто становился добычей ДШК*, а то и гранатомёта. Не спасала и броня. Вскоре пришёл приказ: от «точки» до «точки» идти на максимальной высоте. Пришлось перенимать науку у транспортников, терпеливо ввинчиваясь в небо над аэродромом взлёта.

Морщины гор пересёк шрам глубокого ущелья.

– Здесь нас никто не ждёт? – Артамонова интересовала огневая оценка района.

Егоров воткнулся в карту.

– На постановке задачи сказали: «Чисто».

– Ты бы всё же не расслаблялся...

10. МЭРФИ, САИД. ОСЕЧКА

Мэрфи, сидя у входа в пещеру, мучился оттого, что не на чем было остановить свой взгляд: камни и небо. Хотя бы тучки бежали, и он бы, наблюдая за ними, хоть как-то коротал своё время, вспоминал небо над своим штатом. А здесь всё чужое. Не за что зацепиться глазам, как будто отрезан от внешнего мира.

Саида поблизости не было. Мэрфи прислушался. Лёгкое завывание ветра не доносило звука шагов.

– Саид! – крикнул он негромко в одну и другую сторону.

Только эхо повторило невнятно: «...ид...» – и снова тишина. Мэрфи растегнул кобуру, положил пистолет на колени.

Саид слышал крик Мэрфи, но даже не подумал спешить обратно. Покричит и успокоится. Перевязав ишака на другое место, где корма было больше, он собрался уже возвращаться. Его внимание привлекли далёкие фигурки людей. Он присел и выглянул из-за скалы.

Это был отряд солдат во главе с офицером. Вот передние остановились, оглянулись назад, ожидая, когда подтянутся остальные. Стоящий рядом с офицером сарбоз был очень похож на брата и, жестикулируя, что-то обеспокоенно говорил...

Нет, это не брат, хотя похож. Брат Саида тоже сейчас в царандое*, но в Кабуле. Учёба дала хорошую специальность – инженер-строитель,

* ВАИ – военная автоинспекция.

* АСО – автоматическая система отстрела тепловых ловушек.

* ДШК – крупнокалиберный пулемёт.

* Царандой – народная милиция.

но его революционная активность была замечена, и теперь он возглавляет отряд народной милиции. Сюда он никак не может попасть. Мало кто знает о его брате, а то сколько бы сот афганы недодал ему Адам-хан..

Саид медленно опустил винтовку, стоял, прислонившись спиной к скале.

Заметил отряд и Мэрфи. Когда у тебя в руках сильный бинокль, это не проблема. Мэрфи невольно отступил назад, зацепился за ящик, едва не упал. Пещера – это ловушка, она глубока – он проверял. Но имеет ли она другой выход? Нет, дёшево его не возьмёшь. Он быстрыми уверенными движениями собрал переносную ракету, присоединив к герметичному контейнеру пусковой механизм.

В проёме пещеры появилась фигура. Мэрфи схватился за пистолет, замер. По свисающему концу чалмы и винтовке узнал Саида. Не обращая внимания на направленное на него дуло, тот спокойно и невозмутимо прошёл в глубь пещеры и сел, прислонив к стене винтовку.

– Ты где шатался? – зашипел Мэрфи. – Ты хочешь, чтобы нас обнаружили?.. Что это?

Мэрфи бросился к выходу из пещеры, осторожно выглянул. Такой звук только у вертолёт. Эхо мешало определить, откуда летели машины, хотя в это утреннее время они могли лететь только в одну сторону – к базе на советской границе.

Рокот машин слышался всё ближе и ближе. Мэрфи поочерёдно вытер вспотевшие ладони о куртку, бросил взгляд на Саида. Тот, обхватив колени руками, равнодушно смотрел перед собой.

Мэрфи вскинул комплекс на плечо и навёл оптический прицел на последний вертолёт, который выплыл из-за скалы. Пока ведущий обнаружит его после выстрела – ищи ветра в поле. Конечно, придётся затаиться, но пещера защитит его.

Машины медленно приближались, проплывая в вышине, уже можно было разобрать звёзды и номера на фюзеляже.

Звуковой сигнал и вибрация оптического прицела извещали: есть захват! Мэрфи выждал момент, когда задний вертолёт прошёл траверзу и, напрягшись, плавно нажал пусковую скобу дальше, включая пиропатрон стартового двигателя ракеты.

Выстрела не было... Не было привычного толчка назад и облака выхлопных газов от ушедшей к цели ракеты.

Мэрфи нажал на скобу ещё раз. Безрезультатно. Иностранец быстро снял с плеча полутораметровую трубу комплекса, ощупал правой рукой пусковой механизм и опять прицелился с упреждением, целясь в двигатели вертолёт. Нервно нажал скобу. Ракета внутри не ожила. Вертолёты удалялись.

Мэрфи недоумённо посмотрел на установку, на Саида, который по-прежнему, точно ничего не произошло, задумчиво смотрел перед собой.

Мэрфи жёстко положил комплекс на контейнер, резво подскочил к Саиду и рывком за безрукавку и распахнутую рубашку поднял его.

– Свинья! – закричал он. – Что ты с ним сделал?

Некоторое время они смотрели друг на друга, оба задрав подбородки: Мэрфи – от злобы, Саид – от рук, сжимавших его за грудки.

Первым не выдержал Мэрфи – отвёл глаза. Саид мешком свалился на своё место, испуганно поглядывая на руку иностранца, достающую из кобуры пистолет. Потом резко попытался встать и кинуться к винтовке, но тотчас же упал лицом на камни, подкошенный сильным ударом в живот. Остальных ударов он уже не считал..

Саид лежал неподвижно, кровь засыхала на его разбитых губах.

Мэрфи закурил, сделал несколько быстрых, нервных затяжек, потом, бросив окурок, приподнял Саида за плечи, прислонил головой к валуну.

– Живой, – проговорил Мэрфи, видя, как двинулись и заметались зрачки в глазах Саида. – Ничего, очухаешься! В другой раз будешь осторожнее с чужими вещами, а не бросать их на камни, как мотыгу...

11. МАЙОР МОБОРАКШАХ

Батальон «зелёных» Артамонов заметил ещё до того, как Егоров показал пальцем вниз. Несколько палаток в окружении бронетранспортёра и пяти грузовых машин походили с высоты на небольшой кишлак. Автомашины привлекали взгляд разрисованными бортами, а пулемётный ствол БТРа таращился на безлюдные горы.

Место показалось тихим, и Артамонов решил не оставлять ведомого патрулировать. Да и керосин целее будет. Лётчик отдал управление Егорову: «Сажай!». Егоров приземлил вертолёт недалеко от лагеря, пригибая винтом жидкую траву в красных маковых веснушках.

С посадкой вертолётов работа в лагере приостановилась. Там, видимо, решили, что привезли груз. Афганские солдаты стояли, придерживая серые суконные фуражки с прямым козырьком, с интересом наблюдали за посадкой вертолётов шурави.

Выключив двигатели, Артамонов с борттехником выскочили из кабины. Толпа афганцев робко подошла поближе. Сквозь неё, поправляя на голове полевую фуражку с цветной кокардой в виде герба республики, к вертолёту пробрался афганский офицер. На его погонах блестели большая звезда и две скрещенные сабли.

Винты, останавливаясь, вращались всё медленнее. Видя, как опасливо посматривает на них афганский майор, Егоров взял ручку тормоза до упора, и они замерли, качнув вертолёт.

– Майор Моборакшах, – представился майор Лесняку.

Но тот, поздоровавшись за руку, показал на Артамонова.

– Он командир.

– Капитан Артамонов, – чисто символически козырнул лётчик, понимая, что это не так уж и важно.

Представился и афганец.

– Моборакшах? – переспросил Артамонов и заглянул в планшет, который держал в руке. Там было написано: «Боров-шах» – и знак вопроса.

– Моборакшах, – ещё раз повторил майор, тоже заглядывая в записи лётчика.

– Вы-то мне и нужны... С нами врач, мы летим сейчас к больной, о которой вы сообщили. Кишлак покажете?

– Да, да, – засуетился Моборакшах. – Я сейчас.

Толпа солдат расступилась, майор побежал в сторону лагеря. Артамонов и вышедшая развеяться Наташа с интересом осмотрелись.

– Не страшно? – Артамонов кивнул на афганцев, которые, бросив разглядывать и ощущивать вертолёт, устались на женщину в голубом платье.

– А что они со мной сделают? – Наташа пристально посмотрела на Андрея и, заметив, что тот смешался, заметила мягко: – Ты же не дашь меня в обиду?..

Лукаво стрельнув карими глазами, девушка, отойдя от вертолёта, начала собирать маки. Гибко кланяясь цветам и чужой земле, она изредка бросала

в сторону Артамонова насмешливый взгляд. Артамонов заметил это и запоздало отвернулся.

Афганский лагерь готовился к перебазированию. Часть солдат по-прежнему работала, среди них суетились какие-то гражданские. В отличие от «бабраковцев», у них не было оружия. Они грузили какие-то тюки и ящики на непривычно смотревшихся среди боевой техники низкорослых ишаков.

Один из гражданских не работал. Он покрикивал на других. Рядом с ним остановился такой же мужчина, в таких же одеяниях, только на голове его вместо каракулевой папахи высилась светлая чалма, и, прежде чем отойти, он что-то со злостью сказал, размахивая руками. Точно угрожал.

Первый афганец некоторое время с ненавистью смотрел ему в спину, но потом тоже направился к куче матрасов, тюков и ящиков, которую грузили на животных и одну из машин с высокими бортами, которые здесь называли «барбухайки».

– Я готов, – опять появился, тяжело дыша, Моборакшах с автоматом в руке, поправляя сбившийся планшет.

– Душмань? – спросил Артамонов, кивнув на гражданских.

– Басмачи, – ответил майор-афганец, демонстрируя знание русского языка.

– Не убегут?

– Куда?.. Кто хотел, давно убежал.

– Адам-хан? – Артамонов назвал единственное имя главаря, которое знал, и попал в точку.

– Ушёл, собака, – выругался Моборакшах. – Но сегодня он от нас не уйдёт.

Артамонов поинтересовался у майора, полетит ли кто ещё, и, глянув на часы, обратился к афганским солдатам:

– Товарищи, отойдите! Мы сейчас будем взлетать.

– Нахайр. Нет. Я лечу один, – отрицательно покачал головой Моборакшах, отвечая на вопрос лётчика, и оглянулся, точно проверял, не стоит ли кто за спиной.

Лесняк ждал у вертолёт. Ему убирать трап и закрывать дверь. Борттехник дёрнул замок лётной куртки, доставая солнцезащитные очки, из кармана выпало несколько сложенных пополам конвертов. «Отец Артамонова!» – вспомнил вдруг Лесняк.

Улучив момент, он быстро подошёл и взял Артамонова за локоть.

– Командир, извини за склероз, отца твоего звали Михаил?

– Раз я Михайлович, значит, Михаил, – рассеянно улыбнулся лётчик, поглядывая в сторону Наташи, рвущей цветы. – Что это тебя вдруг мой родитель заинтересовал? – И добавил уже серьёзно: – Михаил Афанасьевич Артамонов, гвардии сержант Великой Отечественной. А что?

Лесняк, волнуясь, торопливо достал из кармана письма.

– А то, что наши отцы вместе воевали в дивизии Покрышкина... Идиот, чего же я раньше тебя об этом не спросил? Спасибо, Рафалович подсказал...

Эмоции захлестнули борттехника, он не верил в неожиданное решение проблемы и хотел поведать об этом командиру, но тот неожиданно цепко взял Лесняка за плечи и легонько встряхнул:

– Коля, я тоже рад, отец для меня святое, но давай поговорим об этом вечером. – И лётчик многозначительно посмотрел в сторону девушки.

Когда Наташа с букетом маков подошла к вертолёту, Артамонов, точно случайно, столкнулся с ней, осматривая вертолёт.

– Наташа, – начал он, волнуясь, – это правда?
– О чём это вы, Андрей Михайлович? – девушка попыталась пройти мимо лётчика, но тот легонько придержал её за локоть.
– Сегодня я случайно узнал, что ты.. ждёшь ребёнка.
– Мне от тебя ничего не надо, – Наташа с улыбкой высвободила руку и, разделив букет на две части, одну протянула Артамонову. – Мало ли что люди говорят...

Подойдя к вертолёту, девушка переложила остатки букета в правую руку, а другую руку подала Лесняку, который помог ей подняться в салон.

– Ну что, командир, летим? – вопрос борттехника вывел Артамонова из оцепенения задумчивости. Посмотрев невидящими глазами на букет, он уронил его под колесо вертолёта и уже не видел, как Лесняк бросился поднимать цветы...

12. БОЙ В УЩЕЛЬЕ

Достигнув водопада, караван остановился. Моджахеды набирали в котелки воду, жадно пили сами, поили животных. Адам-хан был задумчив и смотрел, как ставится его палатка. Отряд располагался на ночлег. Некоторые моджахеды, расстелив молитвенные коврики, ложились прямо на землю, подле животных. Ибрагим выставлял вокруг лагеря дозорных.

– Ночью проверю. Смотри у меня, – говорил он каждому из них, и глаза его зло поблёскивали в свете фонаря.

Адам-хан видел, как ниже по течению скачет луч от фонарика Ибрагима. Подошёл телохраниль.

– Всё готово, господин.

Адам-хан, вздрогнув от неожиданности, непонимающе посмотрел на бесстрастное лицо пуштуна, кивнув, приказал:

– Вернётся Ибрагим, пришлешь ко мне.

Адам-хан лёг на подушки, рядом оцинкованный сундук, автомат, сумка с запасными рожками, гранатами... Вскоре пришёл Ибрагим, склонился в почтительном поклоне. Адам-хан выжидающе смотрел на него.

– Как дозоры?

– Выставил самых надёжных и верных людей.

– После полуночи лично проверишь посты.

– Слушаюсь, мой господин! – Ибрагим усмехнулся.

– До утра, во всяком случае, можно не беспокоиться: солдаты Наджиба любят поспать...

– А утром?

– Утром, если они не разгадают наш «сюрприз», мы встретим их как надо.

– Здесь, по-моему, самое удобное место. – Адам-хан склонился над картой. Ибрагим бесшумно подошёл и остановился сбоку. – Сзади к нам не зайти, зато долина как на ладони... Здесь и будем ждать нашего друга. Если, конечно, никто не потревожит. Ты, как и договорились, стоишь в засаде. Пропустишь «бобраковцев» в долину и, как только услышишь первые наши выстрелы, – бей в спину... Ты меня понял?

– Да, мой господин, – приложив руку к груди, Ибрагим ещё ниже согнулся.

– Ступай!

Тихо ночью в горах, но близится утро, и неимоверно яркие звёзды гаснут на небе. Было слышно, как шумела вода водопада и предрассветная тишина

рождала тянущий за душу звук. В далёком Кабуле муэдзин призывал правоверных на первую молитву, но город спал, как уставший за день дехканин...

Майор, командир афганского отряда, посмотрел на светящийся циферблат часов, переглянулся с Гулямом Расулом, начальником штаба. Тот посмотрел на отряд, который неторопливо втягивался в ущелье, с досадой стукнул кулаком по пыльной броне:

– Меня беспокоит связь!

– А меня – это ущелье, – сказал командир отряда и проверил на автомате предохранитель. – Идеальное место для засады.

После того, как вертолётыв увезли Моборакшаха, отряд разделился на две группы. Одна, в которой были пленные душманы, под охраной направилась в центр ближайшей провинции, где находилась тюрьма. Вторая группа под руководством командира отряда получила из Кабула приказ уничтожить наконец банду Адам-хана. Она направлялась к пакистанской границе. По словам верного человека, путь её пролегал через ущелье. В нём и планировалось сделать засаду.

– Вот здесь, – командир отряда включил фонарик и показал место на карте, – в ущелье что-то вроде «мёртвой зоны». Здесь мы высадим группу с пулемётом. Возглавишь её ты.

– Понял, командир, – коротко ответил начштаба. – Только боюсь, как бы эта перестраховка не ослабила наш тыл.

Командир отряда выключил фонарик и положил руку на плечо заместителя:

– Осторожность никогда не помешает. Поэтому захвати побольше гранат. Мы же пойдём дальше, вглубь, и создадим шум. Засада басмачей, если она есть, выкажет себя, попытается ударить нам в спину. Тогда вы скажете своё слово...

Спрятав карту в планшет, майор громко скомандовал:

– Всем спешиться!

Солдаты неуклюже поползли с брони. Замелькали фигуры между машинами и бронетранспортёром, захлопали дверцы.

– Возле машин оставить по одному часовому, остальные за мной – шагом марш!

Беспросветная тьма в ущелье. Спят чутким сном, привалившись к скале, часовые в лагере душманов. Кажется, слышно их дыхание там, где залегли разведчики Гуляма.

Ибрагим посмотрел на высокое небо, потом на солдат, и они, понимая, что от них требуется, бесшумно растворились во мраке... Прошла одна минута, другая, и донёсся шум короткой схватки, чей-то сдавленный стон. Снова тишина...

Светает. Ещё темно, и горит на небе яркая утренняя звезда, но забрезжило на востоке.

Ибрагим сидел на тюках, когда послышался шум со стороны кустов. Он насторожился и прислушался. Нет, показалось. Тяжело поднявшись, он пошёл по лагерю, расталкивая моджахедов. Лагерь просыпался...

Адам-хан тоже проснулся, но продолжал лежать, ожидая прихода Ибрагима. С ним и пойдёт на утренний намаз.

Утренняя тишина раскололась от грохота стрельбы.

– Шайтан! – прохрипел Адам-хан, хватая оружие.

Он выскочил наружу и спрятался за валун, из-за которого уже отстреливался один из его телохранителей. Руки у Адам-хана тряслись, когда он передёрнул затвор автомата. Мозг лихорадочно соображал: что предпринять?

Афганские солдаты, стреляя из-за камней, короткими перебежками продвигались к участку, где скрывала душманов передовая группа отряда. Один из разведчиков короткими очередями вёл огонь из автомата. Вокруг, повизгивая, крошили камень пули. Вдруг он дёрнулся и осел. Командир отряда оттащил его назад, в более безопасное место. Крикнул санитар.

Подоспела группа начальника штаба, которая находилась в засаде. Масированный огонь обрушился на душманов. С горного склона, утыканного валунами, наступающим было видно, что в лагере начинается паника: метались люди, истошно кричали животные...

Ибрагим, лежа за валуном, вёл прицельный огонь из автомата. Лицо его было спокойно и сосредоточенно, точно он в учебном тире в Пешаваре. Вот выстрел поразил солдата – Ибрагим улыбнулся: что ж, всё не так скучно будет на том свете...

В воздух метнулась красная ракета, разбавляя утренние сумерки мертвенным светом: ударившись о выступ узкого ущелья, рассыпалась на сотни искр.

Огонь со стороны наступающих сразу прекратился. Но из лагеря душманов продолжали доноситься отдельные выстрелы...

– Братья! – крикнул в мегафон командир отряда, и эхо продублировало его голос. – Прекратите огонь!

Стрельба стихла, и только одна винтовка продолжала стрелять с короткими равномерными промежутками. Это стрелял Ибрагим, отобрав у одного из подчинённых снайперскую винтовку.

Его остановившиеся глаза ничего не выражали. Указательный палец методично нажимал курок. Кончился магазин, и Ибрагим не спеша достал новую обойму.

В наступившей временной тишине было отчётливо слышно, как шумит далёкий водопад.

– Братья! – Майор, командир отряда, встал во весь рост. – Сложите оружие! Я обещаю вам жизнь! Ваши жизни нужны родине...

Резко ударил выстрел, отозвался эхом в горах. Ибрагим увидел, как исчез афганский офицер, усмехнулся, но в то же время раздался другой выстрел. Ибрагим вздрогнул, захрипел, уткнулся лицом в землю...

Один из душманов передёрнул затвор. Потом, точно сообразив, что теперь это ни к чему, отбросил винтовку в сторону, продолжая лежать за убитой лошадьё.

– Братья! – снова поднялся командир отряда. Его поддерживали начальник штаба и молоденький санитар. Рукой майор прижимал неумело наложенную повязку, сквозь которую проступало красное пятно. – Я обещаю вам жизнь...

Командир отряда медленно шёл вдоль шеренги обезоруженных душманов, поддерживая перебинтованную руку.

Одни смотрели прямо, другие, словно чувствуя за собой вину, сверлили взглядом землю...

– Где Адам-хан? – строго спросил майор, закончив осмотр и встав так, чтобы видна была вся шеренга.

Она ответила ему молчанием.

– Среди убитых нет, – подбежал запыхавшийся младший командир.

– Где Адам-хан? – обращаясь к пленным, повторил командир отряда.

Молчание бандитов и боль в плече начинали выводить его из себя. Некоторые моджахеды удивлённо переглянулись: разве могли они поверить в то, что их главарь бросил их. Хотя в этом мире всё возможно...

– Ушёл, шакал! – начальник штаба раздосадованно хлопнул себя по бедру. – В который раз ушёл!

13. В КИШЛАКЕ

– Здесь? – Артамонов вопросительно посмотрел на Моборакшаха.

Тот приподнялся с сиденья и заглянул через его плечо в прозрачный проём блистера.

– Да, здесь! – крикнул он.

– Прилетели, – передал Артамонов на борт второго вертолётa и, взяв ручку управления на себя, начал гасить скорость.

– Я – 017, нахожусь над точкой. Разрешите посадку, – запросил он землю и она, перебивая шумы эфира, тотчас ответила:

– Разрешаю. Будьте внимательны!

– Понял. Я пошёл, – передал он ведомому.

– Лады... Будешь скучать – пиши письма. – Артамонов отдал ручку управления от себя, и вертолёт, клюнув носом, понёсся к земле по замысловатой спирали. Вскоре он завис и мягко ткнулся колёсами в землю.

Выждав, когда сквозь поднятую винтами пыль проглянули сначала клочки выгоревшей травы на пересохшей земле, а затем и обманчиво близкие в голубой дымке пики хребта, Артамонов приоткрыл блистер. В кабину ворвалась струя жаркого, пыльного воздуха.

Ещё раз осмотревшись и не заметив ничего подозрительного ни за глиняными дувалами кишлака, ни в стороне невидимого сейчас арыка, он, отвечая на вопросительный взгляд борттехника, махнул рукой:

– Вырубай!

Лесняк дёрнул две красные ручки под потолком кабины, и двигатели, выключаясь, издали короткий, обречённый стон.

– Значит так: ты сидишь на радиосвязи с КП, – сказал Артамонов Егорову. – Николай, – Артамонов указал пальцем на Лесняка, – тоже остаёшься здесь. Мы с майором и врачом идём в кишлак. Если что – галопом к нам.

– Понял, – отозвался Лесняк.

Артамонов затолкал защитный шлем за спинку сиденья и надел выгоревшую на солнце панаму. Увидел в полумраке грузовой кабины лоснящееся от пота лицо Наташи.

– С лёгким паром, Наташа!

Из пилотской выглянул Егоров:

– Командир, кто-то к нам идёт.

Человек маленького роста почти бежал, изредка останавливаясь, чтобы отогнать увязавшуюся за ним ребятню. За спиной у мужчины болталась длинновольная винтовка.

– Это Балуч, – сказал Моборакшах и тяжело спустился по трапу на землю. – Боец отряда самообороны этого кишлака.

Улыбка не сходила с лица бойца, когда он пожимал протянутые руки.

Сверху доносился рокот кружившегося над кишлаком вертолётa. Артамонов постучал по циферблату часов:

– Дорого время, пошли.

Во дворе дома, куда привёл их Балуч, пожилая женщина на корточках мыла в большом медном тазу посуду. Завидев незнакомых людей, она испуганно запахнулась чёрным платком.

Узнав Балуча, поднялась навстречу. Пока Балуч говорил, она лишь кивала, выжидающе глядя на односельчанина чёрными в кругу морщин глазами, и лишь быстро и, как показалось Артамонову, с интересом посмотрела в их сторону.

Переговоры, судя по всему, кончились благополучно, и они прошли в дом, на кухню – небольшую комнату, стены которой потемнели от дыма. Их встретила другая старуха и провела Наташу на женскую половину дома. Оттуда донёлся стон, потом невнятная женская речь.

Наташа вскоре вышла.

– Где тут руки помыть? – спросила она.

Моборакшах направился во двор и тотчас вернулся с кувшином. Наташа достала из кармана халата пластмассовую мыльницу с кусочком карболового мыла, подставила руки под тонкую струю льющейся воды.

– Ташакор, – поблагодарила она по-афгански Моборакшаха.

Стараясь не запачкать руки, девушка, точно фокусник, за уголок вытащила из чемоданчика белоснежную вафельную салфетку.

– Может, какая помощь нужна? – спросил Артамонов.

Экзотики за год он насмотрелся вволю и теперь умирал со скуки.

– В другой раз, – серьёзно ответила Наташа и пристально посмотрела ему в глаза.

Сгибаясь под притолокой, ушла в комнату, где лежала больная.

Осматривая женщину, девушка почти физически ощущала на себе тяжёлый взгляд старухи-знахарки.

– Дар микина? (Болит?) – спросила Наташа единственное, что знала по-афгански, и лежащая на подстилке женщина, открыв глаза, едва заметно кивнула.

Она с надеждой и страхом смотрела на врача-шурави, потом веки её лихорадочно блеснувших глаз опустились.

Наташа открыла хромированный чемоданчик с красным крестом и, покопавшись в нём, достала баночку со стерилизованными шприцами и плоскую картонную коробочку с ампулами. Она почувствовала, что взгляд старухи-знахарки стал насторожённым.

– Всё будет хорошо, мадар, – сказала она мягко.

После укола напряжённое лицо больной немного успокоилось. Наташа прощупала пульс на запястье и удовлетворённо отметила: пока неплохо.

– Ну что? – спросил Артамонов, когда Наташа снова вернулась на кухню.

– Вроде бы уснула. Я сделала ей укол.

– А таблетки здесь не помогут?

– Ты что-о, – протянула девушка. – Если бы не мы – готовь красную ленточку на кладбище.

– Ну и что дальше? Надо везти в медсанбат? – Артамонов нетерпеливо посмотрел на часы. – Думай, времени в обрез.

– Вот именно, что надо, – нерешительно сказала Наташа, – а что завотделением скажет? Её разрешение требуется...

Артамонов чертыхнулся:

– Дожили! Чтоб человека спасти, уже разрешение надо... Ну и лекари!..

– А у вас лучше? То-то я посмотрю: вольный сокол – куда захотел, туда и полетел...

К ним подошёл Моборакшах.

– Всё хорошо?

– Почти, – вздохнула Наташа, холодно посмотрев на Артамонова. – Нужно сказать матери: роженицу увозим. Пусть соберёт всё необходимое. Да, вот ещё: где ребёнок? Я бы хотела осмотреть его...

– Здесь какая-то крутилась девчонка...

– Это старшая, – пояснила Наташа и вошла в спальню.

Артамонов, изнывая от духоты, вышел во двор и прошёл под навес. Люди за глиняным дувалом любопытно заглядывали во двор. Балуч время от времени осаждал их.

– Балуч! – негромко позвал Артамонов и, когда боец, захлопнув калитку, подошёл, как смог объяснил жестами, что тот остаётся сторожить врача, а он, Артамонов, идёт за носилками.

Толпа у калитки, стихнув, расступилась, пропуская и с интересом рассматривая Артамонова.

Из хижины вышла Наташа с Моборакшахом.

– Хороший мальчуган, – сказала она, щурясь от яркого солнца. – Вырастет – настоящий боец будет. Богатырь. А отец где?

– Пока вырастет, бойцы не нужны будут, – сказал Моборакшах. – А про отца лучше у Балуча спросить – он всё-таки местный.

Видя, что народ вот-вот заполнит двор, Моборакшах выступил вперёд и сказал несколько слов на своём языке. В толпе возникло оживление, люди задвигались. Вперёд вышел старик и что-то произнёс, показывая на дом. Моборакшах громко ответил и, глядя, как кивает в такт его словам выделившийся из толпы старик, видимо, старейшина, понял, что проблема вывоза женщины улажена. И всё же Наташа про себя отметила, что большинство лиц по-прежнему остаётся настороженным.

– Всё будет хорошо, – сказал ей Моборакшах. – Просто они никогда не видели, чтобы военные лечили женщин.

– Ещё бы, – оживилась Наташа, – «духи» им, видно, хорошо мозги прочистили: шурави прилетели жён забирать, детей убивать.

– В это мало кто верит. Хотя кишлак, конечно, у чёрта на куличках, и граница рядом. Без агитации, конечно, не обошлось...

Слова афганского майора прервала появившаяся на пороге хижины старуха-знахарка. Она обратила ладони к небу и сказала торжественно:

– Аллах акбар!

По толпе прошёл возбуждённо-радостный шумок, она расступилась, пропуская Артамонова и Лесняка с носилками. К Наташе подошла мать больной и, передав какой-то свёрток, стала что-то быстро говорить.

– Что она говорит? – обратилась Наташа к Моборакшаху, когда женщина замолчала.

Афганский офицер прищёлкнул языком.

– Это бакшиш, – кивнул он на свёрток. – Подарок, значит. А сейчас она приглашает всех на чай.

Поймав на себе осуждающий взгляд Артамонова, Наташа стыдливо вернула свёрток матери больной. Она успела заглянуть в него: толстая пачка перехваченных чёрной резинкой разноцветных замусоленных «афошек».

– Спасибо, но у нас времени в обрез...

Уже сидя в вертолёте и поглядывая на спящую на носилках женщину-афганку, Наташа подумала, что Юлия Павловна не простит ей, если узнает, что она отказалась от бакшиша. Там минимум на японский кофейный сервис

с музыкой было. Она видела такой в дукане. А если пополам, то «монтавская» вельветовая юбка с лейблом ей и заведующей отделением.

Впрочем, жалеть уже поздно. «Что будет, то будет, – подумала Наташа, – главное, что всё позади. Дай Бог, чтоб всё...»

Артамонов, оказавшись в привычной обстановке пилотской кабины, перестал волноваться. Они порядком задержались, и горячее у кружившегося над ними ведомого было на исходе. Но теперь, если не случится ничего непредвиденного, на обратный путь его должно хватить.

Лесняк один за другим запустил двигатели. Лопасты всё быстрее побежали по кругу.

Артамонов видел, как отскочил в сторону провожавший их Балуч, потом фигуру бойца, других жителей и детей закрыла пелена пыли. Нетерпеливо дрожа, вертолёт на короткое мгновение присел, затем, оторвавшись от земли и оставляя под собой песчаное облако, устремился вверх, туда, где их поджидала машина ведомого.

14. «НАСЕКОМОЕ», КОТОРОЕ ЖАЛИТ...

Мэрфи, сидя на ящике, колдовал над ракетным комплексом. Он прозвонил электронику и, не выявив неисправности, просто поменял контейнер с ракетой. Прозрачный «глаз» её блеснул на солнце, точно подмигнул ему. Закончив работу, американец, довольно насвистывая, аккуратно уложил установку в транспортировочный ящик, не спеша поднялся.

Засунув руки в карманы, посмотрел на неподвижно лежащего Саида. Глаза афганца по-прежнему были закрыты, но он дышал, по разбитому лицу ползала муха.

Мэрфи достал фотоснимок двух советских вертолётов в полёте, полученный в Пешаваре. Так шурави летают сейчас. И это то, что ему нужно. Эта фотография была своего рода карманным «тренажёром». Если ему придётся столкнуться с вертолётами ещё раз, он «сфотографирует» их лучше...

Мэрфи последний раз взглянул на снимок, потом спрятал его в карман куртки. Посмотрел на часы.

Саид по-прежнему лежал неподвижно. Мэрфи толкнул его ботинком:

– Всё, подъём! Отдохнул, и будет, – сказал он, когда глаза у проводника открылись. – Сматываемся...

Вдруг Мэрфи услышал вертолётный рокот. Он замер на месте, наострил уши. Быстро достал и собрал установку, опять прислушался. Шум двигателей, отражаясь от скал, то нарастал, то стихал, и было не ясно, приближались вертолёты или удалялись.

Саид попытался приподняться, сделал вид, что не хочет быть безучастным, но ему с трудом удалось это, и он остался сидеть, привалившись спиной к прохладной стенке, и, откинув голову, снова устало закрыл глаза. Лоб его покрылся холодным потом.

В дальнем конце ущелья, с той стороны, куда ушла утром «пара», показались два вертолёта. Мэрфи усмехнулся. Это как раз то, что нужно. Самый раз! А он уже хотел возвращаться. Терпение – сколько раз он напоминал себе об этом. Сейчас он спокоен. Он должен сбить вертолёт. На карту поставлены честь его и фирмы.

Мэрфи навёл прицел на далёкий ещё вертолёт ведомого, и оптика тотчас же приблизила машину. Она упрямо пыталась выскользнуть из кружка прицела.

Саид открыл глаза. Он тоже слышал нарастающий шум, но он показался ему пульсирующим, точно источник его находился в голове, в висках, где стучит обжигающая кровь.

Тыш-бух... Тыш-бух... Тыш-бух... Вот вертолёт застыл в прицеле комплекса. Он совсем близко, и за стёклами кабины угадываются люди. Они, кажется, улыбаются...

Улыбнулся и Мэрфи, предчувствуя удачу... Довольная улыбка – всё, что видел Саид в проёме пещеры. Всё остальное закрыла широкая спина Мэрфи. Спина, как дувал, закрывала от него свет. Он всю жизнь видел перед собой чью-нибудь спину, а когда однажды захотелось выйти вперёд, его грубо остановили...

Но почему он всегда должен смотреть через плечо другого? Неужели для этого он, рискуя жизнью, оставил дома мать, беременную жену и дочь? Ведь солнце на небе светит и для него...

Собрав последние силы, Саид выдернул кинжал и, став на колени, пополз к выходу.

Он уже замахнулся, когда струя отработанных газов стартового двигателя ракеты на мгновение ослепила его, и он почти на ощупь, по инерции поймал плечо Мэрфи и, сцепив зубы, вложил все свои силы в удар кинжала...

Тёмный силуэт Мэрфи осел на узкой площадке перед пещерой. В лицо Саида ударил свет. И он устало откинулся на спину и уже не видел, как огненный шар вспучился на обшивке ведомого вертолётта там, куда беспощадно вонзилось серебристо-глазастое жало ракеты.

– Командир, справа ракета! – отпрянув от блистера, почти крикнул Егоров, и руки его инстинктивно метнулись к рычагам управления.

Но Артамонов был готов ко всему. Быстрым, отработанным до автоматизма движением он бросил машину вниз, уходя от коварной ракеты, и какое-то мгновение внутренне ликовав от удачного манёвра, пока вертолёт не вздрогнул, точно налетел на опору.

Лётчик только на секунду бросил взгляд на притихшего Егорова, который ждал любой его команды. Но чем он мог сейчас помочь, этот весельчак и бабник Егоров, когда машина стала почти неуправляемой. И, работая рычагами управления, он попытался замедлить падение вертолётта, который продолжал «сыпаться»...

Понял неладное и Лесняк, который сидел между лётчиками. Он непривычно вздрогнул от визга Наташи и резко оглянулся на салон. От манёвра вертолётта Наташа с майором слетели на рифлёный пол, точно в воду, и теперь беспомощно барахтались, пытаясь удержаться самим, а также помочь больной, которую инерция смахнула с носилок и тащила в сторону грузовых створок.

Только на секунду в голове у Лесняка мелькнула мысль о том, что сегодняшний долгожданный разговор с Артамоновым относительно родителей может быть испорчен. В отличие от Наташи и Моборакшаха, он понимал, что посадка будет жёсткой, и дай Бог, чтоб все остались живы. В другой ситуации он давно бы выполнил команду командира: «Прыгай!» Но сегодня они были не одни. С безучастной больной, с растерянным, потерявшим фуражку Моборакшахом и медсестрой – они давно стали одним целым, и то, что им приготовила судьба, предстояло всем разделить поровну...

Со стороны они не могли видеть, как вертолёт стремительно приближался к скалам, как жадное пламя рождало смолянистую струю удушливого дыма, обозначая линию полёта. Эта линия вскоре круто изогнулась к земле,

и она с оглушительным стоном навечно приняла тех, кто так неожиданно дорого заплатил за свои и чужие ошибки..

«Здравствуй, Андрей!

Мы с Настюшей сейчас в селе у родителей. Живём здесь уже неделю. Маму положили в больницу с радикулитом. Дядя Петя ездит к ней каждый день. Как ты понял, мы здесь потому, что оставлять дядю Петю в такую минуту нельзя. Кто-то ведь должен готовить ему?

Завтра дядя Петя поедет в Сызрань с отчётом, заберёт твои письма. Сколько их там за неделю накопилось? Мы не боеем, беспокоюсь только: когда я сумею пройти все процедуры у врача?

Как ты там поживаешь? Скоро год, как мы тебя проводили, ещё немножко, и ты будешь дома. Скучаешь о нас или так себе, уже привык? Я всё никак не привыкну, часто вижу тебя во сне. Возможно, я редко тебе пишу, но думаю очень часто, ты знай об этом.

Береги себя и веди себя хорошо. Ладно? Знай, что больше я тебя никуда не отпущу. Сколько мне хлопот свалилось на голову, а помощника нет! Помощник отдыхает на юге. Приедешь поджарый и копчёный, высушенный, как вобла. Солнышко головку не бо-бо? Ну, ничего, оно вас ещё приласкает, научит, как от жён убежать!

А вот и Настенька проснулась, тебе от неё привет. Она у всех нас стала спрашивать: «Как дела?» К тебе этот вопрос тоже относится.

Целуем. До свидания! Галя».

В уголке листка была обведена детская ладошка...

Боль немного стихла, и Саид перестал раскачиваться, отнял руки от головы, огляделся вокруг. Полумрак, тишина. В проёме пещеры мерцал дневной свет.

Саид пытался сообразить, что же произошло только что. Быть может, ему лишь приснился кошмарный сон? У его ног лежали рюкзак и бинокль. Это не его рюкзак и не его бинокль. Потом он увидел кинжал, который валялся рядом, тускло отсвечивая костяной ручкой. Это был его кинжал. Саид взял его и провёл безразлично пальцем по лезвию. Кровь давно засохла, а потому не пачкалась. Он всё вспомнил.

Саид встал на колени и разжал холодные пальцы чужеземца на пластмассовой рукоятке пускового устройства со щелястыми щитками и оптическим прицелом. Затем не раздумывая столкнул его под откос.

Расписанный цифрами контейнер со второй оставшейся ракетой магически притягивал к себе. Саид понимал, что он стоит больших денег, если продать его с умом. Но он тут же вспомнил отца, который однажды погнался за лёгкими деньгами и что из этого вышло... Теперь его очередь? Нет уж... Зелёный, похожий на длинный чемодан ящик с пустым уютным гнездом для пусковой трубы, с ракетой тоже полетел вниз. Некоторое время Саид ждал взрыва, но его не последовало.

Саид убрал кинжал в ножны и перевернул американца на спину. Глаза чужеземца были мутны и неподвижны, а к искажённому гримасой лицу припечаталась гранитная крошка. Из расстёгнутого кармана рубашки выпал серебряный доллар. Покойнику он ни к чему, и Саид спрятал его в карман пиджака.

Саид, закашлявшись, сплюнул. Его тошнило от усталости и боли в голове. Он уже не испытывал к Мэрфи ненависти. Но и жалости тоже. На всё воля Аллаха. Лишь он вправе судить о том, кто прав, кто виноват. И если Саид сделал что-то не так, то Аллах найдёт способ покарать его за это. При мысли о Всевышнем Саиду стало спокойнее.

Затащив труп в нишу пещеры, он прислонил его к стенке, неторопливо, часто отдыхая, аккуратно заложил нишу камнями, чтобы ни шакал, ни беркут не могли потревожить тело чужеземца. Ведь даже неверный имеет право на покой после смерти.

Закончив работу, Саид напился воды из фляги. Вода была тёплой и не утолила жажду. Ему хотелось лечь и уснуть, но он мог позволить себе лишь короткий отдых.

Саид сидел, сжимая виски руками, с губ его срывались невнятные звуки. Наконец он встал, нашёл винтовку. Вышел из пещеры и, неверно ступая босыми ногами по узкому карнизу, побрёл прочь. Теперь он знал, что ему делать. Главное – добраться до ишака, а уж тот вывезет. Хороший ишак. Такое животное в хозяйстве незаменимо. В горах от ишака куда больше пользы, чем даже от лошади...

Воздух наполнился гулом, и Саид, прислонившись к скале, посмотрел вверх.

Гул нарастал, приближался. Спустя некоторое время два вертолёт пронеслись в бездонном небе. Саиду показалось, что это те же вертолётчики. Значит, подумал он, Мэрфи промахнулся?..

Если бы они сбили хотя бы один из них, за это заплатили бы много афгани. Очень много! Саид тоже бы получил свою долю. Этих денег хватило бы на всю жизнь, подумал Саид, но это грязные деньги. Они не угодны Аллаху. А потому ракета прошла мимо.

Раньше Саид так не думал, но теперь многое изменилось. Если братья протягивают руки и говорят: «Хватит проливать кровь», то тот, кто не откликается на их призыв, достоин самой суровой кары. Разве не так говорит их Учитель? Так...

Спустившись в котловину, Саид устало опустился на траву, и ишак, завидев хозяина, радостно прокричал своё извечное «и-а».

15. САИД И БАЛУЧ

Беспокойство шевельнулось в душе Саида Фатаха, когда из-за поворота показался кишлак. У арыка ишак остановился. Саид, спешившись, опустился на колени. Черпая пригоршнями воду, напился, умыл лицо, пристально посмотрел в сторону кишлака.

Полуденное солнце ярко освещало безлюдные улочки, дувалы, плоские крыши домов. Одинокая птица щебетала высоко в небе. Мир и покой. На земле и в небе.

Но не было покоя на душе у Саида. Он смотрел на кишлак. Там его дом. Там его жена, которая, возможно, уже подарила ему сына, там его дочь и мать... Живы ли они? Сердце Саида болезненно сжалось.

Он стёр со лба выступивший пот. Ждут ли его? Или уже прокляли за то горе, что он вольно или невольно принёс им. Нет, он никому не хотел зла. Теперь-то он хорошо знает, кто истинный враг. Да, теперь... Не поздно ли? Не слишком ли дорогой ценой далось ему познание истины? Кто он теперь?

Саид поднялся. Он точно знал, что должен идти. Идти домой, идти на суд людей, идти, а там будь что будет...

На площади, в тени от стены мечети, толпились мужчины, на все лады обсуждавшие прилёт шурави к Фатиме, когда их внимание привлекла одинокая мужская фигура, неожиданно появившаяся с северной стороны кишлака.

Разговоры стихли. Все с интересом наблюдали за медленно приближающимся незнакомцем. Очень скоро стало видно, что человек этот вооружён, но его пыльный и оборванный вид был настолько жалок, что даже Балуч не счёл нужным снять винтовку с плеча.

Метрах в тридцати от мечети Саид остановился. Лицо его ярко освещено встречным солнцем, разбитое, в кровавых подтёках было неузнаваемо.

На площадь стали собираться дети, женщины.

– Эй, ты кто? – выступив вперёд, строго спросил Балуч.

– Я – Саид, – прохрипели отвыкшие от слов губы.

Балуч не расслышал. Он взял винтовку наперевес. Лицо Саида оставалось бесстрастным, зловеще качнулся от дуновения ветра конец полосатой чалмы. Старуха-мать, прищутив старческие глаза, узнала в окровавленном человеке сына. Зажав уголок чёрного платка рот, она с ужасом следила за происходящим.

Саид сделал шаг, другой. Приклад винтовки прочертил в пыли заметную борозду.

– Да это Саид! – прокричал Балуч и, направив свою винтовку в сторону пришельца, дёрнул затвор. Лицо его налилось кровью.

– Ата! Ата! Отец! – пронзительно закричала маленькая девочка в тёмном простеньком платьице, бросилась к Саиду, подбежала, обняла за ноги, стараясь заглянуть в его усталое, окаменевшее лицо, затеребила полу выглядывающей из-под пиджака рубашки.

– Ата! Ата! У нас братик родился! Фатах!

Что-то изменилось на застывшем лице Саида, в его немигающих глазах. Пальцы, державшие винтовку, разжались, и она упала к ногам, взметнув пыль.

Прижав дочь, Саид посмотрел на Балуча.

– Ты убил моего брата! – глаза Балуча наполнились гневом. – Я убью тебя, Саид! Отпусти ребёнка! – И он поднял винтовку.

Саид опустил руки с плеч дочери, но та не уходила. По смуглому счастливому лицу девочки текли слёзы.

Саид замер.

– Постой, Балуч! – окликнул бойца старейшина. – Ты поступишь неверно. Разве Саид убил твоего брата?

– Не знаю! Мне всё равно! Они убили! Я поклялся над могилой брата отомстить, и, видит Аллах, я сдержу своё слово. Саид, убери ребёнка!

– Стой, Балуч! – приблизившись, старейшина отвёл дуло винтовки вверх. – Разве ты не знаешь, что правительство Наджиба объявило примирение и прощение для тех, кто добровольно сложит оружие?

– Я поклялся отомстить! – вырвав винтовку, Балуч вновь прицелился. – Саид, отпусти ребёнка!

Саид, обливав спёкшиеся губы, попытался оттолкнуть дочь, но она крепко вцепилась в полы рубахи.

– Ата-а!

– Саид! – взвился над площадью крик старухи-матери.

По толпе прошёлся громкий ропот.

– Пстой, Балуч! – сказал старейшина. – Ты не сделаешь детей Саида сиротами.. Не надо проливать кровь, Балуч. На нашу землю и так пролито много крови. Земля от неё стала солёной. Нашей земле нужна вода, а не новая кровь.. Убери оружие, Балуч!

Винтовка в цепких руках вздрогнула, но не опустилась.

– Убери девочку, Саид, – едва слышно прошептал Балуч.

Саид всё же разжал руки дочери, оттолкнул её, и она, споткнувшись, упала. Все затихли. Стало слышно, как высоко в небе под монотонный аккомпанемент далёкого самолёта беззаботно поёт жаворонок.

Саид разлепил спёкшиеся губы.

– Стреляй, Балуч, – сказал он хрипло. – Я не убивал твоего брата, но и на мне есть его кровь. Стреляй, Аллах будет доволен: ты выполнил данный ему обет..

Скрипнув зубами, Балуч дёрнул винтовку, выстрелил.. Пуля со свистом ушла вверх. Балуч опустил голову на грудь. Закинув винтовку за плечо и не глядя на людей, он пошёл вдоль улицы..

**Александр
ДИВЕЕВ**

ЦВЕТЫ И ВОДА

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА

Пыля, спешат к загонам агрегаты.
Мне из кабины машет кепкой друг,
И я – рукой, мол, тормозни.
Куда там!
Ему, увы, конечно, недосуг.

И, взглядом хлебобобов провожая,
Ловлю себя на том я, что всегда
И у меня в деревне посевная –
Истоки творчества.
А в городе – страда.

ЦВЕТЫ И ВОДА

Много есть цветов на белом свете –
Хризантем, фиалок, лилий, роз...
Но тебе ни осенью, ни летом
Я ни лепесточка не принёс...

Мы с тобою встретимся едва ли.
А слова – вода, в ней прок иной:
Ей ромашки в клумбе поливали,
А их кто-то вырвал... для другой...

-
- Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Составитель и редактор сборников стихов ртищевских авторов «Цветы и пепел» и «Эхо Души» (Саратов). Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов), в альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Песни Серебряного моря» (Симферополь), «Земляки» (Нижний Новгород), на сайте «Российский писатель». Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви», «Журавлиный романс». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014», дипломант Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» (2022) за книгу «Журавлиный романс». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ртищево.

ЧУДЕН У МОРЯ...

*Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки её погляжу.*

Анна Ахматова

Чуден у моря прощальный закат.
В волны монеты тихонько летят.
Сердце сжигают объятья твои...
Чёрное море, Чёрное море,
Чёрное море светлой любви.

*Чёрное море – как светлая грусть.
С ним я душою не расстаюсь.
Белые чайки в дали голубой,
Слышишь, разлуку пророчат?
Ты мне ответишь: «Постой, не спеши.
Это не чайки – две светлых души,
Видишь, до них бирюзовой волной
Море дотронуться хочет?!»*

Я без печали тебя провожу.
В сумку ракушку тебе положу,
Чтобы и летом, и белой зимой –
Чёрное море, Чёрное море,
Чёрное море было с тобой.

...Если порой навернётся слеза –
Дочке смотрю я украдкой в глаза,
Светятся нежной они бирюзой...
Чёрное море, Чёрное море,
Чёрное море вечно со мной.

*Чёрное море – как светлая грусть.
С ним я душою не расстаюсь.
Белые чайки в дали голубой,
Слышишь, разлуку пророчат?
Ты мне ответишь: «Постой, не спеши.
Это не чайки – две светлых души,
Видишь, до них бирюзовой волной
Море дотронуться хочет?!»*

КОНВЕРТ

Марки созвездий. Полуночный свет.
Кажется: небо ночное –
Это чудесный, безмерный конверт,
В коем письмо... непростое.

Строки теплом иль прохладой полны?
В них назидания нотки?..
На сургуче золотистой луны
Оттиск печати – нечёткий...

ИКАРКА

С волнением в сердце –
Ну, да вряд ли, –
Открыла старенький альбом.
В нём фотки – словно кинокадры
О днях беспечных, о былом:

Подруг застенчивые лица,
Мальчишек вредных и – Бог мой! –
Почти на каждой на странице –
Её кумир! Её герой!

Светил светло. Горел он ярко.
Летела, бойкая, к нему.
Жар крылья подпалил икарке,
Чтоб не досталась никому...

Сегодня страсти женской ради
Порхала б около? Уволь!
Ночь – до утра, любовь – до свадьбы,
А после – сумерки: люболь.

Тропа судьбы – ложбинки, кручи,
И нет дороженьки иной.
И жизнь-киномеханик крутит
Сапожником онлайн-кино...

МЫ

Земля...
Подустанок? Обитель?
К Полярной звезде наклонясь,
Юлою скользит по орбите
С растущей тревогой о нас –

Кто всё ещё с совестью дружит,
Кто добр, нищете вопреки...
Но множатся люди, чьи души
Мутнее вод Жёлтой реки*,

Чьи речи пусты и вульгарны,
Кто «бабки» возвёл в абсолют...
И огненной лавой вулканы,
На свет серый глядя, плюют.

Убийства... продажность... аборт...
Ну что ж, распишитесь – вам счёт:
Пожаров несметные орды
И бунты безбрежные вод.

* Жёлтая река – Хуанхэ (Китай), самая мутная река в мире.

Мы – жадные дети-вампиры!..
Отец на людей осерчал.
И кружатся смерчи над миром,
И косит хлеба саранча.

Земля..
Полустанок? Реприза?
Так было, увы, испокон:
Адам с Евой в кожаных ризах
На свалке пугают ворон..

ВРЕМЯ

Время испуганной лошадью мчит.
Шоры! Где шоры? О, Боже мой!
И отлетают подковы с копыт.
Эй, осторожно, прохожие!

Пух тополиный как перья от кур.
О, кобылица – красавица!
Бабы собачатся, а на ветру
Ветви деревьев бодаются.

Видимо, так, с ярим блеском в глазах,
Ей в мире Дольнем положено
Мчатся туда, где в зелёных лугах
Можно пасть нестреноженной..

В Храме Души – благодатней огонь.
Боль и обиды – терпимее.
И обнимаю старушку-гармонь,
Словно девчонку любимую..

ФРОНТОВИК

Праздник Победы – 9 Мая,
Словно атака накатит.
Голову склонит к наградам, вздыхая,
Выпьет сто грамм – и заплачет.

Сердцем усталым, рукою беспалой
Памяти тронет гашетку.
Верит: погибшие вовсе не пали –
В вечность ушли, как в разведку.

Годы остатные..
А ветерану
Снятся друзья молодые,
И не по графику старые раны
Шлют им свои позывные:

«Звезда»*, «Звезда»,
Я – «Земля»,
Я – «Земля»*...

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Людям в белых халатах

Солнце – чёрным вороном.
Дичь нужна ему.
Прилетела скорая
К дому моему.

Сёстры словно ангелы.
Внешность скрыта за
Белыми скафандрами.
Но глаза... глаза!..

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Памяти бабушки Поли

Преклонюсь перед избою.
Холодок из всех щелей.
На погосте жизнь порою
Веселее и живей.

Тут раздумьям нет поблажки:
Тонут в грусти с головой,
И гадают на ромашках
Только ветер полевой...

* «Звезда», «Земля» – позывные разведгруппы и дивизии в повести Э. Казакевича «Звезда».

**Валерий
РЫЖЕНКО**

ДВА РАССКАЗА

ГИМНАЗИСТКА

Вспоминаю тебя, когда слышу песню «Гимназистки румяные...» Нет. Это неправда. Не только тогда. Моя душа всегда рвётся к тебе. Не знаю, где ты сейчас. Помнишь меня или забыла, но не это тревожит. Не могу смириться с тем, что никогда уже не увижу твои глаза, руки... Это так. Это правда, но почему я тогда веду бесполезную борьбу с собой? Кто толкает сердце, мысли к этому? Надежда? Вера? Но я же не верю во встречу.

Воспоминания.

Я прилетел из Москвы в командировку в Киев. Лето. Очень захотелось искупаться. Днепр! Конечно же, Днепр! Все дороги ведут к нему.

Уверен: это была не случайная встреча, а неизбежная. И если бы мы не познакомились, то ничего не изменилось бы в этом мире, но он переменялся, потому что в нём два человека превратились в Одно.

В этот день вечером мы гуляли по Киеву. Великолепный, величавый Крещатик. Пробивалась полнотелая Луна, нагоняя на город бледный свет, который к полуночи превратился в яркожгучий, постепенно угасающий. К утру он схлынул, уступив место рассветным, туманным и зыбким солнечным лучам.

Ты была грустной и в отличие от меня уже предвидела, что в нашей судьбе было заложено то, что должно было свершиться и свершилось...

Ты вскоре улетела в Ленинград, а я остался в Киеве.

Аэропорт Борисполь. Вечер и исчезающий в ночном небе мигающий зелёный огонёк. Это было красиво. Вечная борьба света и тьмы. Тогда я не думал об этом и не знал, что она коснётся нас.

Мы созванивались каждый день. Слышали голоса друг друга, хотя расстояние пыталось их заглушить, как память пытается у меня отобрать твой образ, но душа не отдаёт.

● Валерий Андреевич Рыженко окончил Высшую Краснознамённую школу КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Автор около 300 книг различной тематики. Публиковался в журналах «Наш современник», «Новая литература», в «Невском альманахе» и др. Живёт в г. Домодедово Московской области.

Слова. Они прорывались сквозь время, и тогда я чувствовал, что достаточно протянуть руку, чтобы ощутить тепло твоей ладони. Меня и сейчас не оставляет это наваждение, но действительность убивает чувства, и чем больше она убивает, тем больше возрастает моё сопротивление.

После Киева мне нужно было возвращаться в Москву, но я вырвался в Ленинград.

Ты помнишь, что первые три дня я жил в гостинице (забыл название), в номере, из окна которого было видно окно твоей квартиры в доме на Невском проспекте, а через три дня ты сказала: переезжай ко мне. Почему мне запомнились эти слова? Потому что они больше никогда не повторятся.

Каждое утро я провожал тебя на работу и подолгу простаивал возле окна музыкального училища, слушая, как ты играешь на рояле.

– Уходи ради Бога, – настаивала ты, открыв форточку. – У меня всё путается в голове, когда ты стоишь под окном.

А я не уходил, не хотел даже тогда, когда шёл дождь. Ты распахивала окно и напевала: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...». И мне хотелось быть пешеходом и бежать с тобой по лужам...

В Ленинграде часто лило с неба. Я называл этот город городом дождей.

Пришлось купить зонт. Ты помнишь, как ветер вырвал его из моих рук, когда мы шли по мосту через Фонтанку, и зашвырнул в воду.

– Первый раз вижу, как плавают зонты, – сказала ты. – Раскрытые не тонут...

Долго тянулось время до вечера. Я осторожно заходил в твою квартиру. Там был твой запах. Я выходил и шатался по Невскому проспекту. Рядом звучала твоя музыка. Мы шли с нею в такт.

Фонтанка, Финский залив с холодным, порывистым ветром. Исаакиевский собор со смотровой площадкой. Как красив был город с высоты!

Глядя на тебя, мне иногда казалось, что ты родилась прежде, чем родился этот мир. Ты смеялась и спрашивала, как это может быть. Это нереально. Я настаивал на своём, потому что это говорил не мой разум – разум всегда полон сомнений, – это говорило что-то сверхчувственное во мне к тебе.

Ты помнишь свою соседку? Открытая улыбка на лице, когда встречала нас на лестничной площадке.

– Вы таки должны скоро иметь свадьбу! – восклицала она. – Ей-ей!

А цветы. Мы покупали их огромными охапками, и ты ставила их в большие вазы. Не помню названия цветов, но это были необыкновенные создания. Они светились ночью. А может быть, уже и путаю – сияли не цветы, а твои глаза. А когда ты играла на пианино и пела: «Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные...» – я присаживался рядом и смотрел, как стремительно бегали твои длинные пальцы по чёрным и белым клавишам.

Гимназистка! Мне пришлось уехать в Москву, из которой меня послали в Афганистан. Я выжил, потому что воевал не со смертью, а с людьми, у которых была такая же плоть и кровь, как у меня. Я видел их лица, они тоже были такими, как и моё. А ты боролась с той, что не имеет ни плоти, ни крови, чьё лицо никто и никогда не видел и не увидит.

Стремительно пронеслась твоя жизнь. Польшнула, промчалась, блеснула озаряющим, жгучим светом и расплескалась по Вселенной, из которой, как мне кажется, я часто слышу твой голос: поживи, порадуйся на этом свете, а потом приходи ко мне. Я жду.

В Питере много кладбищ, но я знаю только одно.

ВСЁ ПРОХОДИТ, НО НЕ ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ

Не отгони Сергей Вадимович (сорок лет назад Сергей – тридцатилетний парень) в тот августовский вечер на берегу Днепра в Киеве лохмача с заквашенными водкой глазами от девушки в синем с белыми полосками купальнике, которая сидела на песке, обхватив руками ноги и уткнувшись головой в колени, было бы на одно грустное воспоминание меньше.

Не познакомился бы с Никой и не думал бы все годы о ней.

Сергей Вадимович готов был бы поверить, что это был розыгрыш, шутка, обман, месть... со стороны Ники, если бы не пожелтевшая фотография с худощавой стройной женщиной в красном платочке, концы которого были завязаны на узелок под подбородком, и мальчишкой лет двух-трёх в матросском костюмчике. Вылитый Сергей Вадимович, каким он был в детстве, и с надписью на обратной стороне фотографии: «Узнаёшь?».

В тот год (сорок лет назад) Сергея, поменявшего лейтенантские звёздочки на звёздочки старшего лейтенанта, командировали по службе из Москвы в Киев.

Стояли палящие августовские дни с зависающей дымкой, и Сергей в свободное время, которое изредка выпадало в воскресенье, уходил на Днепр. Пляж в дневное время всегда был забит отдыхающими, скучными и весёлыми разговорами, разноголосым смехом, пьяными возгласами... Словом, всем тем, на что способны горожане, вырвавшиеся из раскалённых квартир на отдых.

Сергею не хотелось втискиваться в гущу блестящих от пота и распаренных солнцем тел. Он уходил вверх по течению Днепра, где меньше было песка, отсыпался часа два, а после купался до одури.

Волюшка! Без высоких погон, приказов, длительных поездок в деревню Выпозово, возле которой стояла пехотная дивизия с сержантской школой, где Сергей отбирал кандидатов для поступления в Высшую школу КГБ.

В одно из воскресений он и познакомился с Никой.

– Спасибо, – сказала девушка, когда лохмач, грозясь убить и Сергея, и её, загребая по-пластунски песок, отполз.

– Ника.

Тёплая, вздрагивающая, влажная узкая ладошка. Каштановый, коротко стриженный волос и переливающиеся испугом тёмные глаза.

– Проводите меня, пожалуйста.

Она надела серые брюки, попрыгав на одной ноге, накинула на слегка округлившиеся плечи мужскую белую рубашку, закатав рукава выше локтей с двумя ямочками на каждом.

– А то он действительно убьёт ещё. А я драться не умею, – виновато добавила она. – Убегать могу.

– Он больше приставать не станет.

Как она была похожа на мальчишку! Даже разговором.

– Нормальный мужик. Малость перебрал, – сказал Сергей.

– Малость не малость, – глуховато пробормотала она, бросая косые взгляды из-под слегка выгоревших черноватых бровей то на Сергея, то на захрапавшего лохмача, – а тукнет, и... – Ника развела руками, прижав локти к бокам и разбросав ладони в сторону, как бы предлагая Сергею додумывать последствия.

Переходя от одного берега Днепра на другой по перекидному мосту, Сергей узнал, что живёт Ника в Ленинграде (тогда ещё был Ленинград),

работает воспитательницей в детском саду, а в Киев приехала в гости к родной сестре Наташе.

В тот вечер Сергей познакомился и с Наташей, которая оглушила Сергея и Нику восклицаниями из украинских и русских слов:

– О, наконец-то не одна! А то совсим-таки от мужиков отбилась! А от мужиков не надо тикать!

– Перестань, Наташа, – приглушённый, словно сдавленный голос, – Бог знает что говоришь!

– Чуешь? – на «ты», как к давнему знакомому, повернувшись к Сергею, сказала Наташа. – Почему я должна переставать? Женихи гурьбой прут. Задолбали: «А где Ника?» А я молчу, таки не знаю, дэ Ника.

– Да никто мне не нужен!

– Выходит, что брэшишь, – подловила Наташа, – если пришла не одна.

– Просто провожатый. Женат он. Кольцо с руки не успел сдёрнуть.

Прокатила.

Сергей хотел повернуться и уйти: начнут полоскать да ещё как о тряпку ноги станут вытирать, две родные сестры друг за дружку станут, но ладошка Ники захватила его ладонь. Маленькая, а ждала так, что у Сергея пальцы хрустнули.

– Не обижайся, – тихо сказала Ника. – Разве это главное – женат не женат...

– О це дуже добре сказано, – выдавливая из голоса басовитые звуки, сказала Наташа. – Жизнь из женатых делает неженатых, а из незамужних – замужних. И наоборот. Сидайте, щас дуже доброго домашнього виноградного вина жажнем.

Сергей Вадимович уже и не помнил, о чём они ещё разговаривали. В памяти остались летняя, деревянная, решётчатая, с куполообразной крышей кухня, увитая диким (девичьим) виноградом с мелкими чёрно-синими ягодами, терпкий вкус вина, осветлённая лампой темнота, певучий и хлёсткий говор Наташки и Ника, которая подпирала порозовевшую щеку кулачком правой руки, согнутой в локте.

Днём Сергей изучал характеристики, агентурные донесения.. Всё то, что в своё время писали на него.

После знакомства с Никой Сергей возненавидел дневное время. Стрелки часов двигались словно сонные, и разогнать их до нужной скорости не было никакой возможности.

На встречу с Никой он вырывался в десять-одиннадцать часов вечера. Ника ждала его на том же месте, где они познакомились.

На предложения Сергея встречаться в другом месте, где светло, люди, а здесь могут обидеть, отвечала:

– Я плохо знаю Киев и могу заблудиться. И мы не встретимся.

До следующего признания Сергею было рукой подать, но... Сергей Вадимович, будучи ещё Сергеем, не принимал слово «люблю». Его сильное воображение при слове «люблю» доходило до мельчайших деталей, которые как бы даже раздавливали его душу. А ещё больше отвлечься от этого слова помогла преподавательница немецкого языка Нина Евгеньевна.

– Русский скажет, – говорила она, – «Я люблю тебя!». В тоже время он может сказать: «Я люблю картошку». Немец – никогда. У них оттенки. Ich liebe dich (я люблю тебя). Ich liebe Kartoffel (я люблю картошку) – никогда не скажет. Ich habe gern Kartoffel).

Вспоминая об этом, Сергей Вадимович приходил к мысли, что в нынешнее время слово «люблю» сделало гигантский шаг. Открыто и шумно, во весь

голос шагнуло на ступеньку «секс», а там, глядишь, стараниями уличных умов вытянет на поверхность и весь любовный физиологический процесс.

В Нике Сергея поражало молчание во время бесцельных шатаний по выложенным брусчаткой улицам.

– Как ты можешь так долго молчать? – спрашивал он.

– А что говорить, – в тёмных глазах Ники проскальзывало удивление. – И так всё ясно. Мы же на прогулке...

Молчание Ника прерывала в гостинице, где остановился Сергей.

– Ты не свободен, Серёжа. Дети.

Повторяющаяся каждое утро фраза для Сергея, за которой следовала другая фраза, но уже для себя:

– А я, – она выплёскивала темноту из своих глаз в глаза Сергея и подталкивала к слову, – ну, ну, говори, как называют тех, которые гуляют с женатыми мужиками? Распущенная девка я, хотя до тебя ни с кем не встречалась. Жила в закрытой раковине, а потом раскрыла свои створки. Влипла в женатого.

Время срезало августовские дни. Месяц спешил к своему концу. Подходило первое сентября, и Ника стала собираться в Ленинград.

– Мне ещё две недельки нужно поработать в Киеве, и я приеду к тебе в Ленинград, – сказал Сергей.

– Навсегда?

Улыбка с горчинкой.

– А жена и дети? Оставишь?

Не отнять у Ники умения заменять «горчинки» на насмешку.

Первые годы Сергей жену любил, но её вопросы: «Когда мы наконец уедем за границу, ты обещал, я здесь уже жить не могу?!» – убили его чувство.

Так думал Сергей. А у Сергея Вадимовича были другие думки: не любил, а женился из-за юношеского неокрепшего и задорного чувства, из-за желания, а не из-за созревшего чувства мужчины.

– Да, дети, – отвечал Сергей. – Ты свободна.

– Была, – отвечала Ника.

Однажды Ника в ресторане «Метро» спросила Сергея о его профессии.

– Военный офицер, – брякнул подвыпивший Сергей.

– А разве бывают гражданские офицеры?

– Пошутил. – Сергей попытался заклеить прокол. – Окончил Сумское артиллерийское училище.

– Понятно, – улыбка пробежала по лицу Ники. – Поэтому ты не в военной форме, а в «гражданке» на Владимировку ходишь. Случайно увидела. Там же украинский КГБ.

– Вызывали. А что, офицер не может ходить в «гражданке»?

– Может. Наверное, спрашивали, как пушки в сумской дивизии чистят. Только врать тебе не к лицу. Ладно. Оставим эту тему. Она ничего не изменит в наших отношениях. Артиллерист ты, или какой-нибудь ещё атеист, или «ист», для меня всё равно.

В Ленинград Сергей провожал Нику с аэропорта «Борисполь».

Замкнуло память Сергея Вадимовича или он сознательно подавляет её? Ему бы вспомнить руки Ники, её глаза, ладошку, да всё забывают слова.

– Я приеду, Ник, через две недели. Я приеду...

– Приезжай, – словно чужому ответила Ника, когда они входили в здание аэропорта.

А когда она садилась в автобус, подвозивший пассажиров к трапу самолёта, сказала:

– Езжай в Москву. Дети.

После отъезда Ники Сергей стал заглядывать чуть ли не каждый день вечером в винно-водочные магазины и отсиживать в гостиничном номере до слипания глаз.

«Это не выход, – говорил он, простаивая утром под холодным душем до дрожи, – а где выход? Нужно ехать в Ленинград».

В Ленинграде он остановился в гостинице «Астория».

Утром Ника спешила на работу, Сергей часами бродил по Невскому проспекту, уходил к Финскому заливу. Исаакиевский собор, Дворцовая площадь его не интересовали. Чужой, холодный, дождливый город без Ники.

Через две недели Сергей уехал в Москву. Провожала его Ника с Московского вокзала.

День был сумрачный. Пронизывающий, холодный ветер бил в лицо.

– Ника. Я могу самолётом улететь. Побудем ещё вместе.

– Какая разница. – Ника пожалала плечами. – Самолётом, поездом – всё равно улетишь или уедешь...

Планы Сергея сбила служба. Ежемесячные командировки. Он часто звонил Нике, но намечавшуюся поездку к ней отодвигала очередная командировка.

Заграница поставила точку на поездках Сергея в Ленинград. Двадцать четыре часа на сборы, подписка и – никому ни слова, куда. Просто – очередная командировка без звонков и переписки, растянувшаяся почти на два года.

«Вот тогда я и умер для Ники», – так думал Сергей Вадимович.

Несколько секунд понимания и оправдания Ники и ворох минут обвинений: ведь знала, по крайней мере, догадывалась, могла же подождать...

Подводит память Сергея Вадимовича. Ускользают главные детали. Некоторые воспоминания точные, пробивают душу, а некоторые вызывают ненависть, горечь и злость к себе: «А я? Ведь мог дать восточку! Не в бронированной камере жил...»

«Кипяток» в душе остывает, и Сергей Вадимович смотрит куда-то вдаль. Это так, но он смотрит не просто вдаль, а вдаль прошедших годов.

«Что, Сергей, – думает он, – если бы тебе тогда в твои годы показали и сказали: вот такое будущее может быть у тебя – что бы ты сказал? Отказался бы?» Он ищет ответ и как бы находит его. «В твоём возрасте тебе тогда трудно было что-то решать. А в моём: командировки, командировки, погоня за карьерой?.. И в этой погоне я прошагал мимо самого дорогого в жизни. Разница между нами в том, что ты стремился к будущему, не зная его. А я сейчас живу в нём».

Вернувшись из-за границы, Сергей в тот же день уехал в Ленинград.

В Ленинграде Ники не оказалось. Её родители, Павел Иванович – сухонький старичок с запавшими глазами, и Евдокия Филипповна, под стать своему мужу, на вопрос Сергея, где Ника, развели руками.

– Уехала она от нас давно. Забрала свои вещи и уехала. А куда – не сказала. Вот фотографию тебе оставила. С сыном. И письмо: «Не ищи меня, не найдёшь ни меня, ни сына, так лучше для нас троих».

Вздёрнулись нервы Сергея. Задохнулся, словно раскалённой железной болванкой врезали под дых. Из Ленинграда в Киев сорвался. У «тушки» (самолёт «Ту») своя скорость, а у Сергея своя – в мыслях. Проломил бы стенку салона и по воздуху помчался бы. Да ведь сказки в детстве были.

Возле остановки такси в «Борисполе» очередь. Благо, что иностранный паспорт оказался. Он к милиционеру: посади, браток, без очереди, на поезд опаздываю, заграница... Отрывисто, бессвязно, словно из сумасшедшего дома вырвался.

Доехал. Выскочил, словно ошпаренный.

Летняя, ажурная, с куполообразной крышей кухня, увитая диким (девичьим) виноградом с мелкими чёрно-синими ягодами и Наташа. Только седые волосы одолели белокурые.

– Оце дуже добре! – радостно сказала Наташа. – А Ники у меня нет.

– Так почему: оце дуже добре? – сорвался Сергей, не понимая радости Наташи.

– Шукаешь, значит любишь. Не знаю, где она. Не пытай-таки.

– Вы все врѐте! Я не верю вам.

– Це твоє дило: верить чи не верить.

– Но ведь где-то же она должна быть?

– Должна. А дэ, не видаю. Шукай.

Год Сергей, не предупреждая ни родителей Ники, ни Наташу, приезжал несколько раз в Ленинград и Киев, но Нику не находил. После очередного возвращения из-за границы развѐлся с женой. Омертвила она его душу шмотѐм да тряпѐм. Потом его снова направили за границу. Вернувшись, опять начал поиски. Подключал своих друзей по Ленинграду, Киеву... но безрезультатно. Ника словно канула в воду.

Кто же такая ты, Ника?

Она искала точку опоры, чтобы успокоиться, так как считала себя виноватой, что встречалась с мужчиной, который отвечал ей взаимностью, но у которого была семья: жена, дети. Она нашла точку опоры, поняв, что она, любящая женщина, ушла от него, чтобы сберечь счастье его детей, оставив и в своей душе, и в его горечь разлуки.

Вечерами Сергей Вадимович достаёт фотографию, смотрит на сына и Нику, читает: «Не ищи меня, не найдѐшь, ни меня, ни сына, так лучше для нас троих».

– Всѐ проходит, – говорит он, – но не всѐ возвращается на круги своя...

**Сергей
АНТИПОВ**

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

ПОД ШУМ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Под шум осеннего дождя
Я задремал с любимой книгой.
Кап, кап... фантазия, интрига,
Кап, кап... и строчки для тебя.
Мне улыбался мой герой,
Он обнимал свою подругу.
Кап, кап... ни капельки испуга,
Кап, кап... и крылья за спиной.
Глаза, я видел их глаза,
Влюблённый взгляд длиною в вечность.
Кап, кап... виденья быстротечность,
Кап, кап... засохшая слеза.
Очнулся. Дождь почти прошёл,
И между туч мелькнуло солнце.
Кап, кап... любовь моя проснётся,
Кап, кап... всё будет хорошо!

МИГ

Утонуть в тебе, раствориться,
Позабыв тотчас обо всём,
Чтобы ни единой границы,
Чтобы безраздельно вдвоём.
Чтобы, задыхаясь в объятьях,
Всю тебя вдохнуть в жаркий миг,
Миг одновременного счастья
И Любви – одной на двоих.

-
- Сергей Сергеевич Антипов родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И. А. Бунина. Доктор философских наук. Автор более двадцати книг. Заместитель председателя Московской областной организации Союза писателей России. Руководитель секции литературы и пропаганды знаний РАЕН. Действительный член Академии российской словесности и Европейской академии естественных наук, член Союза журналистов России. Лауреат премии Международного информационного Нобелевского центра (МИНЦ) в области философии и гуманистики. Лауреат Московской областной премии имени Ярослава Смелякова, дипломант Московской областной губернаторской премии имени Роберта Рождественского.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Так тихо, что мне кажется, я слышу,
Как сыплется песок в моих часах –
Секундами разменивая «тыщи»,
И нет всем этим тысячам числа.
Я жду, но те часы – моя ловушка,
Попытка бесконечность сосчитать,
А Время прячет формулы в игрушки –
Я их краду, вскрывая, словно тать...
Но ветер из мгновений торопливых
Стирает знаки формул на песке,
И лишь часы, как бабочкины крылья,
Средь линий прорастают на руке...

МАЙ В МЫТИЦАХ

Отцветают каштаны в Мытицах,
И пьянит ароматом сирень,
Сладко дремлет ленивый котище,
Отыскав вожделенную тень.
Вязнут ноги в горячем асфальте –
Всюду жарит неистовый май,
Жаль, что денег негусто на карте:
Овердрафт – не тропический рай!
Белым дымом подёрнулись вишни,
Седину расплескав по траве,
И шумят вместо моря Мытищи
В поседевшей моей голове...

ВЕЧЕРНЕЕ

Растаял день, в окно клетушки
Ловлю вечерние огни,
Зачем-то снова был игрушкой
В руках, похожих на мои...
А был рассвет, глоток свободы –
Пьянящий кофе поутру,
Лазурный купол небосвода
И зов в игру – свою игру...
И рёв японского мотора
Нам что-то страстно обещал,
Акселератор до упора:
Немой восторг в простых вещах!
Игра, игра... Но вот под вечер,
Итожа смыслы бытия,
Устало дрогнув, сжались плечи –
Играл-то, собственно, не я...

К ПОЛНОЛУНИЮ

Всё длиннее становятся тени:
Выползает из бездны Луна –
Полный ноль всех ночных уравнений,
Беспокойство больного ума...
Хладный свет и мурашки по коже,
Грешный зов в обнажённую высь,
И вчерашнее время итожит
В темноте оплывающий диск...
Ночь без сна, но неважно всё это:
В уравнениях добавился икс –
Где ж ответ? Лишь летит сигарета,
Метеором врезаясь в карниз...

**Глеб
РУБАШКИН**

ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ

Познакомился я с ним в школе во время урока физкультуры. То есть занятий у меня как раз и не было – детей с такой бледной кожей к кузнице спортивных достижений не допускали. Урок был не последним – идти домой было без толку. Бесцельно послонявшись по коридорам и не найдя ни одной свободной классной комнаты, я притулился на лавочке в раздевалке и раскрыл заранее припасённую книжку.

– Эй, очкарик, а ты что тут делаешь, почему не на уроке? – окрик невысокого старшекласника с красной повязкой на рукаве быстро возвратил меня в суровую действительность.

У него было узкое смуглое лицо с острым носом и тёмно-кариыми глазами, а его чёрные волосы отросли гораздо больше той длины, которая приветствовалась школьной администрацией. Из форменной одежды на нём были только брюки. Вместо белой рубашки и школьного костюма на нём была спортивная куртка с тремя знакомыми всем полосками.

– Я? Ничего такого. Книгу читаю. У меня от физкультуры освобождение.

Богатая практика давно научила меня в таких случаях сразу готовиться к худшему.

– Понятно всё с тобой – халявишь, – дежурный понимающе мотнул головой и, ловко проворачивая между пальцами сигарету, приблизился на довольно опасное расстояние. – А читаешь-то что? Ого, «Три мушкетёра»! Не мал ещё для такого? Что ты тут понимаешь?

– Да всё понимаю! – Во мне неожиданно проснулась смелость. – Я уже давно просил родителей её купить. А мы тут недавно ездили в Москву и нашли недорогой экземпляр на распродаже. Я и фильм смотрел с Боярским, но в книжке всё ещё интересней.

– Ну ты крут, ботаник! – усмешливо резюмировал мой собеседник. – А ты знаешь, что у неё ещё продолжение есть – «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»?

– Нет, а ты читал? – любопытство взяло верх над страхом.

-
- Глеб Владимирович Рубашкин родился в 1979 году в городе Выкса Горьковской области. Окончил Выксунский металлургический техникум и финансовый факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Кандидат экономических наук. Работает в объединённой металлургической компании руководителем экономических подразделений. Пишет прозу. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Приокские зори», «День и ночь». Живёт в Выксе.

– Прочитал только «Двадцать лет спустя». «Виконт де Бражелон» слишком толстая – неинтересно стало. Вообще у нас дома все эти книги есть. И не только эти. Батя собирает. А я беру – какие нравятся. Слушай, чего тебе здесь сидеть? Пойдём в коридор, подежуришь со мной на вахте, а то у меня напарник не пришёл – скучно одному. Ты что ещё читать любишь?

Этим дежурным был Вадик Королёв. Он был старше меня на два года и жил в одной из двух единственных в нашем районе пятиэтажек. Как оказалось, Вадик очень много читал и интересно рассказывал. У местных пацанов он был свой – также бухал, ходил на разборки, воровал по-мелкому, зажимал по углам девчонок, жёг покрышки на Пасху, собирал мопед, ловил рыбу бреднем. Пока мы с ним дежурили, он не умолкал. Видимо, просто нашёл себе благодарного слушателя для непопулярных во дворе тем. Мы успели обсудить с ним все любимые книги, среди которых оказалось много общих – «Дети капитана Гранта», «Последний из могикан», «Зверобой», «Всадник без головы» и даже вся серия книг про волшебника Изумрудного города.

– Эй, профессор, чё торчишь на проходе? Проваливай!

Неожиданно на горизонте нарисовался долговязый Гоша из параллельного класса. Он пользовался любой возможностью, чтобы меня подоставать.

– А то, если плохо видно, куда идти, я тебе по фонарю зажгу под каждым глазом, хочешь?

– Длинный, отвянь от него! – повествовательный тон и литературная речь Вадика резко изменились на привычное в нашем районе наречие. – Вали отсюда, не мешай! Не видишь – разговариваем.

– Джаник, ты чего? – голос у Гоши приобрёл заискивающий оттенок. – О чём с ним можно разговаривать?

– Да уж побольше, чем с тобой, колхозная душа! Вали давай! Постой! Сигаретка есть? Давай сюда! Давай, давай! Теперь вали!

От такого неожиданного заступничества я совсем осмелел.

– Вадик, а почему он тебя Джаником назвал? Ты же русский.

– Меня все так называют. Я просто в траве хорошо разбираюсь.

– В какой траве?

– А этого тебе знать не надо. Читай лучше книжки, – обрезал Джаник.

Оказалось, что отношение дворовых пацанов может постепенно поменяться, если ты не задираешь нос, помогаешь с «домашкой», играешь вместе со всеми в футбол, не убегаешь и стараешься дать сдачи, когда тебя бьют, не жалуешься родителям и учителям.

Я часто приходил во двор между пятиэтажек, общался с пацанами, в том числе и с Джаником, но в общи авантюры не ввязывался. Никто меня за это прилюдно не осуждал. Мы даже с Гошей примирились. Он стал здороваться со мной за руку и называть по имени. Как-то под Новый год я пересёкся с ним в магазине в очереди за хлебом – его тогда по талонам продавали.

– Слышал, что из лесхоза голубые ёлки спёрли? – ехидно усмехаясь, спросил он у меня.

– Нет, не слышал.

– А я думал – знаешь. Вы же там постоянно со своими ошиваетесь. Видел, какие там ёлки растут. Голубые ели... – Гоша с загадочным видом взял паузу почти по Станиславскому. – ...И пили... – Он громоподобно заржал, как любой другой человек, для которого свои шутки – самые смешные. – Знаешь, какие они дорогие? Их даже посадили так, чтобы сторожу

из окна было видно. А ёлки взяли и спилили все за ночь! Менты наутро все дороги рядом облазили – следы от протекторов изучали. Так и не нашли ничего. Ну тупые!

– Почему тупые?

– Потому что следы надо было искать не от покрышек. Это Джаник ушлый их наколол – привязал к санкам две лыжи, подъехал ночью тихонько, ручной пилой ёлки спилил и увёз. А по следам получилось – лыжник проезжал.

– Ну он даёт! А зачем они ему?

– Как зачем? Одну домой, наверное, поставит – батю порадует. А другие на базар отвезёт – бабосы нужны. Работы нет. Он же из путяги выпустился, а на всех заводах сокращение – не берут никого. Джаник учился хорошо. Он головастый. Движок в батиной машине сам перебирал. Только куда сейчас устроишься?.. Сейчас с Ванюковыми трётся. Ну, знаешь, у которых уже полсемьи пересидело. Гуляют вместе, бухают. Может, не только бухают... – Гошино лицо приобрело многозначительное выражение. – Втянут они его во что-нибудь серьёзное... Ромашку знаешь? Кореш его – ходит за ним, вытянуть оттуда пытается. Да все без толку.

Через пару месяцев от ребят я узнал, что Джаника посадили. Нет, не за ёлки. Они с Ванюковыми и ещё парой пацанов ограбили два киоска и несколько человек раздели – шапки, кошельки, часы. Восемнадцать ему ещё не исполнилось, и он вместе с младшим Ванюковым загребел в одну из областных колоний для несовершеннолетних. Отец от него как бы отрёкся – на свидания не ездил и не писал. Только верный друг детства – Ромашка – почти каждые две недели мотался на перекладных и возил ему передачи.

В это время я уже учился в техникуме. Появились новые друзья, и времени на общение с нашей районной братвой оставалось мало. Осенью меня свалил грипп. Как-то раз, маясь от безделья дома на диване, я бесцельно щёлкал пультом от телевизора. Вариантов что посмотреть тогда было немного – три федеральных канала и один областной. Не знаю, действовал ли тогда закон о защите авторских прав, но как раз на областном канале время от времени показывали голливудские фильмы и мультики с гнусавым пиратским переводом. На это я и надеялся.

Но в этот раз вместо фильма показывали какую-то передачу о молодых заключённых. Я уже хотел машинально переключиться на другой канал, но моё внимание на мгновение приковал к себе парень, который давал интервью – выбритая «под ноль» голова, огромные карие глаза, оттопыренные уши, распахнутая тюремная роба. А на груди – увесистый православный крест из непонятого металла. Речь у парня была непривычно культурная и грамотная для зека.

– Это большое испытание. Тяжёлое испытание для меня. Здесь я решил пересмотреть все свои прошлые поступки и готовиться к другой, новой жизни. Я обучаюсь здесь на токаря и плотника. Когда выйду, то смогу строить дома или работать на станке. В этом мне очень помогает вера в Бога, которую я здесь обрёл. – При этих словах парень слегка прикоснулся кончиками пальцев к нагрудному кресту. – К нам часто приезжает батюшка из ближайшего прихода, и мы много беседуем с ним о добре и спасении души.

Господи, это же Джаник! Лысый, худющий – я не смог узнать его с первого взгляда. Сюжет очень быстро закончился, а у меня в памяти ещё долго оставались его глаза – глаза побитой, жалобно скулящей собаки. Что-то

в его взгляде совсем не вязалось с теми красивыми и «правильными» словами, которые он произносил.

Следующей зимой он вышел.

Я изредка видел Джаника в нашем районе. То одного, куда-то угрюмо спешащего не поднимая головы, то с Ромашкой – улыбчивого и приветливого, то в компании странных бледно-зелёных доходяг в больших кепках и с грубыми наколками на руках – напряжённого и настороженного. Пацаны говорили, что это его «приятели» с зоны.

– Шмаль они через него толкают, – по привычке прищутив левый глаз, как всегда уверенно выдвигал свою версию Гоша, – а может, что и посерьёзней. И называют они его не Джаником, а Крысой. Знаешь, что такое «крыса» на фене? Это значит, что он у своих что-то спёр, а они его за это, скорее всего, очень серьёзно наказали. Представляешь, как на зоне наказывают? Ну и хорошо, что не представляешь. Вот и бегает перед ними, булками месит. Ромашка всё бьётся за него. Да только тухлое это дело, по-моему...

Весной я встретил Джаника по дороге из техникума. Он шёл, пошатываясь и ничего не замечая, по противоположной стороне дороги, весь промокший и грязный, без шапки и в драных ботинках. Куртку он снял и остался в непонятного цвета кофте, разрисованной масляными пятнами и жжёнными дырками. В руках Джаник нёс ту самую куртку, из которой выглядывал щенок – белая дворняжка месяцев пяти-шести с большим чёрным пятном на левом глазу. Щенок дрожал мелкой дрожью, хаотично подёргивая крупной, усыпанной колючками и наростами грязи головой. А Джаник, казалось, механически гладил его, бормоча какие-то несвязные слова – наверное, успокаивал.

Через месяц весенняя распутица подсохла, и поводов появляться на улице стало больше. В один из прохладных, но уже солнечных дней я увиделся на городском рынке с Ромашкой – невысоким крепышом с широкими скулами и глубоко посаженными зелёными глазами. На обычные «Привет, как дела?» – он разразился совсем необычной для него эмоциональной речью.

– Да лучше всех! Ботинки вот нам с Джаником ишу утеплённые и пуховики. Уговорил его наконец на Север податься, калымить. К середине мая как раз один знакомый мужик бригаду собирает – крыши крыть в Норильске. Деньги хорошие обещает. Да и вообще... Он бывший спецназовец. Порядок у него, дисциплина в бригаде. В рабочие дни пить нельзя, а то не допустит. Бабки никогда не зажимает, с заказчиками хорошо умеет толковать.

– А Джаник разве умеет крыши крыть?

– Научим! Он быстро учится. Ты же знаешь, какой он головастый. Да и руками много чего может. Надо только, чтобы упыри эти его до отъезда не доставали. – При этих словах крупные руки Ромашки со сбитыми костяшками на пальцах сжались в кулаки.

– Ну вот и увози его поскорей! Удачи вам!

– Спасибо, брат! – Ромашка весь буквально светился.

Попрощавшись, он сразу же погрузился в лоно торговых рядов, наполненных разного рода обувью и хваткими бабёнками из средней и тяжёлой весовой категории.

Дней через пять после этого я надолго задержался после уроков в техникуме – мы готовили номер к смотру художественной самодеятельности. У дома меня поджидал отец, явно чем-то обеспокоенный.

– Тут твои друзья заходили местные. Сказали, что у них там что-то случилось. Помощь нужна. Если сможешь, ждут тебя во дворе у пятиэтажек.

Тут папа не удержался и выдал:

– Ты смотри! Драться позовут – не ходи! Это у них моча в голове играет и здоровье девать некуда, а тебе с твоими проблемами там делать нечего!

– Пап, у меня своя голова на плечах, ты чего?! – обиженно отпарировал я.

– Ну ладно, ладно... – Папа сразу же отступил, хоть волноваться и не перестал. – Поешь и иди, если уж так нужно.

В сквере у пятиэтажек собралась почти вся наша местная братва. Многие что-то шумно обсуждали. Кто-то разливал по стаканам самогон и нарезал ножом-бабочкой бутерброды. Несколько человек уже не держались на ногах и просто дремали за столиком для домино или на лавках у подъездов.

– Что случилось? – спросил я Гошу, который, как всегда, с высоты своего роста беспристрастно взирал на происходящее.

– Джаник повесился. Поминаем вот. Ну и деньги собираем его родителям. – Гоша сплюнул сквозь зубы. – На похороны. Есть что с собой? Давай мне. Вот, хорошо, – одобрительно буркнул он, пересчитывая купюры.

– А как?.. – банальный вопрос комом застрял у меня в горле.

– Как-как... Петлю из верёвки сделал, на балке в подвале закрепил и удавился. Или тебя не это интересует? – Гоша в очередной раз проверял меня на прочность.

– Он ведь с Ромашкой калымить собирался уезжать... Что случилось-то?

– Собирался. Да, видно, что-то у него произошло недавно. Он как с Ромашкой ехать согласился, две недели не пил, вещи собирал в поездку, плитку вот взял у меня на газу. А дня три назад опять вроде эти, с наколками, к нему приезжали. О чём толковали – не знаю. Он никому не сказал. Даже Ромашке. Три дня ходил как потерянный. А утром его в подвале наши. В морг увезли – вскрывать. Ромашка с ним поехал. Скоро уже вернётся.

– Смотрите, опять эти блатные нарисовались! – крикнул кто-то из пацанов, указывая на дорогу во двор.

Из припаркованной на обочине бело-ржавого цвета «семёрки» с повсеместными сколами и вмятинами вылезли четверо похожих друг на друга типов в кепках, спортивных штанах и кожаных куртках. Их туго обтянутые кожей черепа и впалые щёки сразу же навеяли мысли о вполне определённых героях фильмов ужасов. Не хватало только длинных, высовывающихся изо рта клыков. С руки одного из них свисали массивные чёрные чётки.

– Чё-то будет сейчас... – совершенно спокойным тоном заключил Гоша и вдруг резко обернулся на шум, доносившийся за нашими спинами. – Держи его! Держи скорее! – изменив своему обычному флегматизму, закричал он пацанам, указывая на Ромашку, который приближался к нам бешеными скачками. В правой руке Ромашка держал топор.

– Ромашка, ты куда?

– Да я урою сейчас этих сук поганых! – Его желваки на скулах ходили ходуном, а костяшки пальцев побелели.

Гоша резко вскочил и повис у Ромашки на плечах, другие пацаны выхватили из рук топор.

– Остынь! Это урки! Они тебя потом на ножи посадят. Или уработай сейчас кого-нибудь из них и на зону загремишь, а из тебя там такое же домашнее животное сделают. Держи его крепче, пацаны!

Гоша был выше и тяжелее Ромашки, но одному ему было с ним не справиться.

Ромашку повалили на землю. К уркам пошёл Афанасий – он сам только недавно вышел. Минут десять они о чём-то тихо и без эмоций разговаривали. Потом тот, который с чётками, смачно сплюнул себе под ноги и полез в машину. Остальные не заставили себя ждать. Тарахча и отфыркиваясь, «семёрка» медленно развернулась и выехала со двора.

Ромашку ещё удерживали некоторое время, пока он трепыхался и ревел, как бешеный медведь. Потом затих.

– Пустите меня! Пустите, я сказал! Всё, проехали...

Он сам отряхнул с себя налипшую грязь, поднял и нахлобучил на голову смятую кепку и нетвёрдой походкой двинулся назад – в сторону своего дома.

– Куда он теперь? Может, надо с ним пойти? – робко спросил я.

– Не надо. Пить он пошёл. В подвал... Пусть лучше пьёт. Так хоть забудется. А то натворит дел. Я ему передачи возить не буду, – с деланным безразличием ответил Гоша.

Вечерело. Холодный ветер и мелкий противный дождь быстро растолкали всех пацанов по квартирам, подвалам и подъездам. Только белый щенок с чёрным пятном на левом глазу, мелко дрожа, жалобно скулил, забившись под лавку.

**Борис
ИВАНОВ**

НЕВА, ГРАНИТ И ВЕЧНОСТЬ...

УДВОЕНИЕ ЛИЧНОГО

Мы рядом, так близко, что трудно дышать –
Как странно друг в друге себя узнавать!
Как больно и радостно одновременно
Сердца раздвигать до масштабов вселенной!

И знать то, что чуда не «будет», не «было»,
А ровно в тот миг, как двенадцать пробило,
Свершается.

Всё для тебя одного.

И в мире большом больше нет ничего.

Лишь звон колокольный да куполом небо,
Где вся наша быль превращается в небыль,
Где небыль ещё сплетена воедино
И точно известно, кто чья половина.

Придвинься чуть ближе – услышишь стук сердца.
Там, в сердце, душа бьёт в закрытую дверцу,
Как вечная пленница, плачет и молится...

Придвинься чуть ближе –
И вечность удвоится!

Приди ко мне дорогой трудной,
Приди, когда надежды нет –
В окне судьбы моей беспутной
Пусть будет свет!

-
- Борис Викторович Иванов родился в 1967 году в г. Пенза-19 (ныне г. Заречный) Пензенской области. Окончил Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А. С. Попова (г. Петродворец) в 1990 году. Службу проходил на кораблях Черноморского флота, затем на командных и преподавательских должностях Военно-морского политехнического института. Окончил службу в 2017 году, капитан 1-го ранга в запасе. В настоящее время – профессор Военного учебно-научного центра ВМФ, кандидат технических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов: «Удвоение личного», «Отражение», «Корнями – вглубь», «Считая дни».

Пусть мне приснится взгляд печальный
Любимых глаз, лица овал,
Пусть всё вернётся, что случайно
Я растерял.

Что будет «за» – мне не расскажут,
Что было «до» – я помню сам,
А весь мой скарб, который нажит, –
Ненужный хлам.

Вернись забытым вдохновеньем,
Почтовым голубем в окне,
Не прозой, но стихотвореньем
Звучи во мне.

В каком краю искать спасенья?
В какой стране найти покой?
Хотя б на миг дай просветленье –
Побудь со мной.

И тайным жестом посвященья
Смахни с души всю пыль рукой,
Приди за прошлое прощеньем –
Возьми с собой!

Ну вот и выпал первый снег
Пушисто-белым настроеньем,
И льётся свет сквозь тяжесть век –
Любви, надежды и прощенья.

Нет грязи прожитого дня,
Нет тлена листьев омертвелых,
И обновлённого себя
Младенцем зрю в одеждах белых.

Безгрешен только первый шаг,
Любовь – лишь к матери невинна.
Мой возраст – друг мой или враг? –
С твоих высот начал не видно!

Всё сыплет снежная крупа,
И каша варится густая..
Зима на краски так скупа,
Пространству белому нет края!

Я вижу тысячи дорог,
Идти по ним – не спотыкаться,
Не портить фальшью первый слог,
Дышать, любить и восхищаться!

Всё это будет. Где-то там.
Красиво,
 Празднично
 И звонко...
А по оставленным следам
Метёт январская позёмка.

ПЕТРОДВОРЕЦ. ЗЙХЕНСКАЯ, 21

Я считал, что закон параллельных прямых
Неизменен, но что-то в умах изменилось.
И не вспомнить уже ни твой взгляд, ни ночных
Разговоров, ни что накануне приснилось,
Ни причину тоски – в занавесках герань –
Ни то самое-самое главное слово...
Если бритвой секунд время режет гортань,
Мир бессмысленным кажется мне и бредовым!

Не ищу виноватых – приму всю вину:
Мы оставлены кем-то в таинственном мире,
Где пространство меняет свою кривизну
Только ради любви. В коммунальной квартире
С иностранным названьем всё свилось в спираль –
Даже сам себе кажешься в ней сумасшедшим.
Достоверно лишь то, что исчезла вуаль
Между будущим годом и годом прошедшим.

Пусть заводы, как прежде, штампуют часы,
Нарушая гармонию жизни в природе –
Только в сторону счастья качнулись весы
Вопреки неприветливой, хмурой погоде.
А укутавший память декабрьский снег
Стал прологом к великой и вечной поэме,
Называемой словом «судьба». Человек
Поднимается вверх по скрипучим ступеням...

Я повстречался с прошлой жизнью
Там, где Нева, гранит и вечность,
И долго брёл за нею следом –
Без дальних планов, просто так.
Она дошла до перекрёстка,
Спугнула голубя беспечно,
Лишь на секунду задержалась
И вновь ускорила свой шаг.

Потом я видел: кто-то в чёрном
К ней подошёл и взял за плечи,
Щекой к щеке её прижавшись,
Своих желаний не тая...
Мелькнула мысль, что этим парнем

**Ирина
ВОСТРИКОВА**

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Нет, никому из нынешних писателей, да, думаю, и никому из будущих не дотянуться до той пронзительной, щемящей ноты русской прозы, когда она читается как молитва. Таким даром от Господа был награждён единственный из нас – Виктор Лихоносов». Так отзывался о прозаике, с творчеством которого мы сегодня хотим поближе познакомить читателей нашего журнала, писатель Владимир Крупин. И добавлял: «Проза Лихоносова – камертон, по которому можно безошибочно настраивать свой художественный вкус».

30 апреля 2022 года писателю исполнилось бы 86 лет. В прошлом году Виктор Иванович отошёл в вечность, оставив после себя богатейшее творческое наследие, которое признано критиками, отмечено высокими наградами, в том числе и Патриаршей премией, но которое, увы, мало знакомо широкому кругу читателей. И это хотелось бы исправить. Когда мы встретились с родственником Виктора Ивановича – Виктором Григорьевичем Гайворонским, мне хотелось узнать не только о том, каким Виктор Лихоносов был писателем – об этом красноречиво свидетельствуют его книги, – но и о том, каким он был человеком.

Имя Виктора Лихоносова стоит в истории русской литературы XX–XXI веков рядом с именами Валентина Распутина, Василия Белова, Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Фёдора Абрамова, но я не была знакома с его творчеством. Благодаря племяннику писателя, Виктору Гайворонскому, сотруднику Саратовской епархии, у меня в руках оказалась книга «Люблю тебя светло», изданная в 2021 году. В неё вошли рассказы, повести, публицистика Лихоносова, а также воспоминания о писателе и статьи о его творчестве. Автором-составителем издания, Татьяной Василевской, этот сборник был задуман как книга памяти.

Книга читалась легко, и сразу что-то внутри меня откликнулось на то, как автор называет «рассердечной» бабушку Марию

-
- Ирина Вячеславовна Вострикова родилась в 1972 году в г. Балаково Саратовской области. Живёт в Саратове. Окончила Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, факультет истории и международных отношений. Работала индивидуальным предпринимателем, организатором гуманитарно-просветительской работы в ЗНБ СГУ, библиотекарем НОУ «Свято-Покровская православная классическая гимназия г. Саратова», менеджером. Публиковалась в газете «Православная вера», на сайте «Православное Поволжье».

Матвеевну в рассказе «Брянские», как «чувствует сердце вдалеке родные тени» в повести «Осень в Тамани». На страницах книги «Люблю тебя светло» мне открылись чистый, нежный и мелодичный мир русской природы, русской старины, русской души и необыкновенный пример человеческого мужества, силы духа и веры. Я удивилась, как точно назвал Виктора Лихоносова «последним рыцарем русской литературы» писатель Валентин Распутин.

И при всём при этом прозу Лихоносова не изучают в рамках школьной программы – отрывки из его произведений включены только в школьное пособие по истории Краснодарского края. Современные вузы, кроме родного ему Кубанского государственного университета, тоже не затрагивают тему его творчества.

Наследие писателя включает в себя множество рассказов, самые известные из них – «Брянские» (он включён в хрестоматию «Шедевры русской литературы XX века», изданную ЮНЕСКО), «И хорошо, и грустно», «Что-то будет», «Родные»; повести «Чалдонки», «Тоска-кручина», «На долгую память». Известны также цикл повестей – путешествий по есенинским, лермонтовским и пушкинским местам «Люблю тебя светло», повести «Осень в Тамани», «Элегия», роман «Когда же мы встретимся?». И, конечно, большой роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

Творчество писателя удостоено многих высоких премий и дипломов, орденов и медалей. Виктор Иванович Лихоносов награждён Государственной премией РСФСР имени А. Горького (1988) за роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж». Позже, уже в 2017 году, за этот же роман Виктор Лихоносов удостоен Патриаршей литературной премии имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «за значительный вклад в развитие русской литературы». Кроме этого, Виктор Иванович награждён премией Союза писателей СССР, Международной литературной премией имени М. А. Шолохова, премией «Ясная поляна» (2003), дипломом конкурса «Культура и искусство» (2010), проводимого ЮНЕСКО и Оксфордской образовательной сетью (его рассказ «Брянские» включён в хрестоматию «Шедевры русской литературы XX века, изданную ЮНЕСКО). Виктор Лихоносов – лауреат Большой литературной премии России (2010) в номинации «На благо России» за выдающийся вклад в развитие русской литературы. Лауреат Бунинской премии (2013). 23 июня 2016 года получил благодарность Президента Российской Федерации – за заслуги в развитии культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность. Виктор Иванович Лихоносов награждён медалью «Герой труда Кубани», орденом «Знак Почёта» (1984) и «Орденом Дружбы» (1996) за заслуги перед государством и многолетний добросовестный труд, является почётным гражданином города Краснодара. Основал журнал «Родная Кубань» и 18 лет был его главным редактором.

Когда я держала в руках литературно-исторические журналы «Родная Кубань», переданные мне Виктором Григорьевичем Гайворонским, перелистывала страницы, вчитывалась в публикации, было тепло на душе от искренности, которой были насыщены эмоциональные статьи и литературные работы авторов. Чувствовалось, как тщательно отобран и скомпонован Виктором Ивановичем каждый выпуск «Родной Кубани».

Журнал «Родная Кубань» выходит в Краснодарском крае с 1998 года по инициативе писателя. «Настало время развернуть наши книжные святцы, достать с пыльных полок, из сундуков все сокровища и просто родные листочки. Принять всё нам завещанное в сердце своё, чтобы оно прошло неспешно «сквозь жар души, сквозь хлад ума», донося людям самое ценное,

живое, искреннее и непременно родное», – обращался к читателям со страниц первого номера главный редактор Виктор Лихоносов. Журнал задумывался им как разговор о проблемах культуры, как духовное и культурное просвещение жителей Краснодарского края. Племянник писателя Виктор Григорьевич Гайворонский подчеркнул в рамках нашей беседы, что это православный журнал и, к сожалению, почти незнаком читателю.

Поделюсь с вами своими впечатлениями о произведениях писателя. Самый известный рассказ Виктора Ивановича Лихоносова – «Брянские». Перечитываю его несколько раз и знаю, что буду ещё перечитывать.

О чём рассказ «Брянские»?

С одной стороны, это рассказ о самой обыкновенной русской семье. С другой стороны – это лирический дневник, где Лихоносов пишет с огромной искренностью и о самом себе, и о том, что чувствуют сердце и душа. Главные герои, Терентий Кузьмич и Мария Матвеевна, живут на Кубани, радуются и печалются о детях и внуках, и вроде бы ничего особенного не происходит.

Но почему мне хочется перечитывать «Брянских»? Почему так сжимается душа, когда автор рассказывает эту простую, но глубокую историю об обычной русской семье? Что-то трогательное, доброе присутствует во всех рассказах, повестях и романах Виктора Лихоносова, требующее соучастия и моей души. Сердце чувствует, как в них звучат живая боль за человека и сострадание к нему. А в ответ на красоту природы и лиричность моя душа замирает и восхищается.

Читая прозу Виктора Лихоносова, я понимаю, что разговор автора с нами идёт о самом главном – о необходимости сохранять русские духовные традиции, народно-духовный опыт, передаваемый из поколения в поколение, чтобы каждый из нас смог почувствовать святость родной стороны.

Одна из повестей писателя, «Осень в Тамани», заканчивается так: «Душа моя отозвалась на самое колыбельное, и, значит, не высохла она, значит, не умерла она в нас и в урочные минуты всё та же русская, памятливая. А уж что в душе, то и свято».

Интересно, что автор вовсе не был уроженцем кубанской земли, о которой он так много писал в своих произведениях. Виктор Иванович родился в 1936 году на станции Топки (ныне Кемеровской области), в Сибири. Двадцатилетним юношей переехал на Кубань, где учился на историко-филологическом факультете Краснодарского педагогического института, позже несколько лет учительствовал в Анапском районе. В 1963 году молодой учитель написал и отправил в журнал «Новый мир» свой первый рассказ «Брянские». С этого момента и начался литературный путь Виктора Лихоносова. Твардовский одобрил рассказ и предложил печататься в журнале. «Проза у него светится, как у Бунина», – так оценил главный редактор молодого писателя.

Вся дальнейшая жизнь Лихоносова была связана с Кубанью. Здесь он писал статьи, рассказы, повести и романы о русских людях, о старине, о России.

Подробнее хочется остановиться на самом центральном произведении Виктора Ивановича Лихоносова – романе-эпопее «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» (1986), над которым писатель работал восемь лет. Роман построен на большом историческом материале: изучалась документация в архивах, Виктор Иванович много беседовал с казаками, записывая устные потомственные предания, люди делились с ним болью своих судеб. Писатель общался с местными краеведами, переписывался с представителя-

ми русской эмиграции. Роман охватывает события с 1908 по 1982 год, действие происходит на Кубани, в Петрограде, в Париже, на фронтах нескольких войн. Так писатель попытался соединить прошлое и настоящее, историю царской России, русского казачества и его столицы Екатеринодара (Краснодара). Мы узнаём, что одной из самых важных составляющих культуры казачества является такая ценность, как православная вера. Это фундамент всей казачьей жизни: «Казак без веры – не казак».

Роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» восставил подлинную историю казачества, показал его роль и значение. Виктор Иванович Лихоносов от лица всего казачества с горечью спрашивает: «Зачем ты приехал на нашу землю и молчишь?.. Чем мы так провинились? Зачем же мы переселялись в стародубовских кибитках из Сечи Запорожской, мёрзли на Ейской косе, разбивали вдоль Кубани сорок куреней? Наши дети, внуки и правнуки мокли под ливнями, кормили своей кровью полчища насекомых, лежали на холодной земле в секрете. А кто рубил первую просеку в Екатеринодаре? Кого посылали в конвое в Персию? А турок кто бил? А сады разводил? Церкви и хаты строил, корчевал терновник? То-то! Так что же вы забыли нас, прокляли и ни единой доброй строкой не помянули столько десятилетий? Хотя бы чей-то слабенький голосок раздался!..»

Вековые традиции и устои были разрушены, и этот роман был написан автором, чтобы мы, современные люди, смогли погрузиться в историческую атмосферу, быт и нравы людей старинного города Екатеринодара, а самое главное – сохранить память о настоящем казачестве, о его истоках. На страницах произведения мы видим страшную трагедию пострадавшей от большевистского террора кубанской земли и её народа. Этот роман – отражение той душевной боли, которую испытывал писатель за землю, ставшую ему родной.

В своих произведениях, интервью, письмах и заметках этот художник слова подчёркивает, что он очень переживает о русском человеке и о его душе:

«Меня сейчас волнует прежде всего русская тема: что стало с нами, русскими? Что так засорилось в нашей коренной среде? Почему среди этнически русских всё меньше и реже вижу... русских по духу? Почему они как бы иностранцы? Что-то в самом деле случилось с нами, и первое всего – с нашей интеллигенцией. На Кубани это заметно особенно. Сорок лет живу в Краснодаре в томлении, спрашиваю: «Почему здесь нет того, что так сладко грело меня в Пскове, в Вологде?». Юг России особенно растерзан безродным кокетством и какой-то базарно-курортной сутолокой на скрижалях истории. Как много стало пустых русских людей! Русские потихоньку, помаленьку от всего своего отреклись. От намоленного веками русского духа и самоуважения, которые наблюдаешь в глазах и осанках людей на старых фотографиях. Померкло родовое сознание, историческое – тоже».

Виктор Иванович, как он сам рассказывал, «к религии пришёл благодаря любви к русской старине. Читал, впитывал, покорялся вере праотцов». Был прихожанином краснодарского храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

«Чтобы одолеть враждебные цели разрушения вековых достояний Руси-России, надо <...> с усилием преклониться перед нашей заветной древностью. Все основы, все соки и главные устои – там. Русские потеряли свои предания. Но наша Церковь стерегла их душою и подвигами во все периоды невзгод», – так объясняет свой взгляд на события русской истории Виктор Иванович Лихоносов в своём интервью писателю Александру Сегеню.

Виктора Ивановича не стало 9 августа 2021 года, в праздник великомученика Пантелеимона. К сороковому дню по кончине профессор Кубанского государственного университета Алексей Татаринов написал слова, смысл которых может подтвердить любой человек, который соприкоснулся с творчеством писателя: «Мы ещё не слишком ясно понимаем, что подарил нам Виктор Лихоносов...».

Книги Лихоносова переведены на все европейские языки. В Краснодаре благодаря Кубанскому государственному университету с 2017 года проходят Лихоносовские чтения.

О писателе снят небольшой документальный фильм «Одинокое лето». Режиссёр Николай Рогожин считает, что только Божий Промысл помог организовать съёмки и выпустить фильм. Кроме этого, актёр Пётр Мамонов записал рассказ «Брянские» в собственном исполнении, с тщательно подобранным музыкальным сопровождением. Растревожит душу, если найдёте и послушаете.

Несколько лет назад, к праздничным событиям, посвящённым 80-летию образования Краснодарского края, Музыкальный театр ТО «Премьера» имени А. Гатова поставил музыкально-драматический спектакль по мотивам романа «Наш маленький Париж», в котором зрители смогли увидеть многоцветье жизни казачьей столицы Екатеринодара и вновь вместе с кубанским казачеством пережить трагедию Гражданской войны. И это очень важно для восстановления культурно-исторической памяти и связи поколений.

Почувствуйте, как помогает открыть сердце и наполнить душу светом проза Виктора Ивановича Лихоносова, в ней звучат чистота и мелодичность русской природы, русской старины, русской души, русский дух и православная вера. Всё это даёт нам крепость, осознание того, что мы – русские, и мы любим свою родную землю. Русская литература помогает нам в этом, показывая движение к свету. Помните знаменитую цитату о борьбе света и тьмы в душе человека Фёдора Михайловича Достоевского, где «поле битвы – сердца людей»? Мы с вами знаем, что сохранение русской культуры и русских духовных традиций зависит от того, чем наполнены сердца русских людей.

(Автор сердечно благодарит Виктора Григорьевича Гайворонского за помощь в подготовке публикации.)

**Алексей
ГЕРАСИМОВ**

«ДОБРЫЕ, ЯРКИЕ, ТАЛАНТЛИВЫЕ ЛЮДИ...»

Памяти В.В. Лисина

В июне 2019 года не стало известного саратовского врача и педагога, замечательного человека светлой, доброй души Виктора Владимировича Лисина.

О его профессиональной деятельности говорить не буду – это дело его коллег по работе на кафедре. Хочу рассказать о встречах и многолетнем общении с этим ярким, скромным и многогранным, интеллигентным человеком.

Мои мама и папа были приятелями его родителей, Валентины Ивановны Баландиной и Владимира Васильевича Лисина. Нередко бывали они друг у друга в домах. Так я, ещё школьником начальных классов, познакомился с Витусей, как называла его моя мама. Когда впервые пришёл к Вите домой, был поражён замечательной моделью волжского парохода «Спартак». Витя мечтал стать капитаном волжского парохода.

В детстве и юности неоднократно бывал я у Вити. Давал даже «выездные» спектакли моего домашнего кукольного театра. Конечно, всю жизнь были мы в общении между собой – Витя и Алёша.

Валентина Ивановна (мама Вити) была замечательным терапевтом и педагогом на кафедрах медицинских институтов Саратова, Владивостока и других городов. Виктор тоже стал прекрасным терапевтом и воспитателем будущих врачей в мединституте.

Он очень любил литературу, искусство, занимался историей нашего города. Неоднократно встречались мы на спектаклях и концертах, делились впечатлениями, интересно беседовали. Много раз Витя приходил на мои выступления и просветительские вечера об актёрах и певцах в Доме работников искусств (бывшем Доме учёных).

Наступили двухтысячные годы. Я перешёл на работу в медико-социальную службу. Вскоре оказался во 2-й клинической больнице, в кардиологическом бюро экспертом-неврологом.

-
- Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

В больнице мы встречались с Виктором Владимировичем, решали различные экспертные вопросы.

Проходя по коридору клиники, видел порой, с каким вниманием и уважением студенты-медики слушают своего педагога В. В. Лисина – его спокойный, негромкий, выразительный голос. Однажды пришлось наблюдать издали, как Виктор Владимирович отчитывал студентку, накопившую много необоснованных пропусков занятий. Так что при всей своей мягкости и доброжелательности он мог быть при необходимости и строгим.

Как-то пригласил Витю на мой концерт в музей Н. Г. Чернышевского. С тех пор Виктор стал завсегдатаем моих выступлений: приходили всей семьёй – с женой Людмилой Григорьевной и дочерью Таней.

Когда исполняешь со сцены сложное психологическое произведение, стараешься избегать прямых контактов со слушателями, быть сосредоточенно погружённым в свои «видения», стараешься передать их зрителям. А реакцию публики ощущаешь каким-то «шестым» чувством.

Почти все мои концерты в музее записал на видеодиски Ю. И. Поляков. Просматривая потом эти записи, пытался не только отметить, что было не так, не получилось, но проследить и реакцию зрителей. Всегда поражался сосредоточенному вниманию Виктора Владимировича, его готовности воспринять исполнение (плёнка запечатлела эту дорогую для меня реакцию Вити-зрителя).

Ещё больше сблизил нас журнал «Интегральная медицина и жизнь». Галина Георгиевна Орлова предложила мне приготовить для публикации в электронном виде главы книги «Знакомцы давние мои». Таня Лисина стала редактором Поволжского филиала журнала. Готовя для публикации главы книги, неоднократно бывал в доме Лисиных. Неизменно встречал радушный

Виктор Лисин с женой и дочерью среди зрителей на концерте в музее Чернышевского в 2011 году

приём хозяев. Узнал, что в их семье есть замечательные традиции: слушать вместе любимую радиопередачу В. В. Татарского «Встреча с песней», сообщать по телевизору «Романтику романса» и т. д. Невольно у меня возникло желание сделать для Вити аудиодиск с редкими записями из моей фонотеки его любимых исполнителей романсов и песен – А. Н. Баяновой, Ю. С. Морфесси и А. Н. Вертинского. Виктор Владимирович с наслаждением слушал эти записи, благодарил меня.

В одну из наших встреч Витя рассказал мне, как вместе со своими и моими родителями был на концерте А. Н. Вертинского, когда великий исполнитель единственный раз приезжал в Саратов. Так, в одной из глав моей книги «Знакомцы давние мои» (в моём пересказе) появилась крохотная «новелла» «Н. В. Герасимов на концерте А. Н. Вертинского):

«В марте 2012 года мой приятель Виктор Лисин рассказал мне, что был на единственном концерте А. Н. Вертинского в Саратове в начале пятидесятых годов. Родители Вити дружили с моими папой и мамой. Валентина Ивановна узнала о предстоящем выступлении Вертинского и сказала об этом папе. Он весьма скептически воспринял предложение пойти на этот концерт, полагая, что Вертинский «уже глубокий старик». Но Валентина Ивановна уговорила моих родителей. Витя был свидетелем меняющегося на его глазах отношения моего папы к Вертинскому. Вначале папа был равнодушным и отстранённым, но с каждым номером великого исполнителя проявлял всё больший интерес. Наконец восторженно аплодировал громче всех, а после окончания выступления артиста сказал, что если бы знать, где А. Н. Вертинский даёт свой следующий концерт, то непременно поехал бы в этот город.

А вот меня не взяли на этот концерт – всю жизнь сожалею об этом».

Однажды Таня Лисина попросила помочь ей при создании диска к юбилейной встрече выпускников физического факультета (записать текст для диска). Тогда я и узнал, что Виктор Владимирович имеет два высших образования: он окончил физический факультет университета им. Н. Г. Чернышевского, а затем уже наш медицинский институт. Несомненно, два высших образования отразились на его научной, врачебной и педагогической деятельности.

В 2019 году Таня попросила меня записать текст для фильма «По Волге плыли пароходы». Этот фильм Татьяна создавала по книге В. М. Цыбина «Пароход на Волге» и воспоминаниям своего отца В. В. Лисина о капитане И. Я. Каперине. В моей памяти сразу возникла модель «Спартака» в доме мальчика Вити. Так я узнал о его детской и юношеской мечте стать капитаном парохода на Волге. В душе ожили собственные впечатления далёких лет о поездках на Вороний остров с папой на лодке под парусом и на вёслах, о волжских и камских пароходах и т. д. Да, любовь к великой русской реке Волге с детских лет объединяла Витю и меня.

Виктор Владимирович был рад, что я стал готовиться к записи, чтобы сделать его воспоминания зримыми в звучащем слове. Увы, услышать эту запись ему не довелось. Документальный фильм был посвящён светлой памяти Виктора Владимировича Лисина. Под руководством Тани Лисиной над созданием фильма работал целый творческий коллектив: Н. Старостин, Н. Пенькевич, А. Голицын, Н. Безбородова, А. Герасимов.

Две первые серии фильма получили дипломы на 17-м Международном кинофестивале «Саратовские страдания» – «За чуткое отношение к истории страны, края, семьи», и на 54-м Всероссийском фестивале некоммерческих фильмов «История и культура» в Санкт-Петербурге.

Татьяна Викторовна Зорина рассказала мне, что вместе с Татьяной Лисиной готовила она к показу третью серию фильма на фестивале «Саратовские страдания» в сентябре 2021 года. Но в августе (за две недели до открытия кинофестиваля) произошло непоправимое: Татьяны Викторовны Лисиной и её матери, Людмилы Григорьевны, не стало – фильм был показан уже без них.

Таня была не только прекрасным педагогом нашего областного медицинского училища, но и журналистом: писала статьи, выступала с интересными радиопередачами, писала стихи. К проведению занятий со студентами училища Таня также подходила творчески. Как-то она дала мне почитать свою необычную, наполненную юмором и элементами психологического детектива пьесу о Зигмунде Фрейде и других выдающихся психиатрах и психологах. Студенты на занятиях читали пьесу по ролям, чтобы легче усвоить необходимый материал. Сразу вспомнил, что в молодости, читая лекции в том же училище, я цитировал страницы романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Поразительно точно в романе описаны различные проявления эпилепсии у Мышкина на фоне надвигающейся на город грозы.

В старенькой квартире на улице Яблочкова проводила Таня замечательные встречи «под оранжевым абажуром». Она готовилась к открытию там домашнего музея семьи Лисиных и интеллигенции города Саратова. Завершить это прекрасное дело – увы – ей было не суждено.

Светлая память замечательной саратовской семье Лисиных. Не мог не рассказать читателям нашего журнала об этих добрых, ярких, талантливых и таких простых и скромных людях.

Татьяна Лисина

«...ПИСАТЬ О ТОМ, ЧТО ВОЛНОВАЛО БЫ МНОГИХ»

Ирина Китова

Беседа с лауреатом
Международного литературного конкурса
«Русский Гофман – 2022»
Ириной Китовой

С 15 по 22 мая в городе Калининграде седьмой раз принимал гостей Международный литературный фестиваль-конкурс «Русский Гофман». Его финал принёс на саратовскую землю радостную весть: лауреатом этого самого западного из российских литературных форумов стала наша землячка, победительница всероссийских и областных литературных конкурсов, участница литературной студии «Голоса поколений» при Саратовском отделении Союза писателей России Ирина Китова.

О конкурсе, о Балтике и калининградской земле, о современной поэзии, поэтах и литературном процессе с Ириной Китовой беседует заместитель председателя правления Саратовской писательской организации Алексей Бусс.

А.Б.: Ирина, расскажите, как вы узнали о конкурсе, кто или что подтолкнуло вас к участию в нём?

И.К.: В этом году Международный литературный фестиваль-конкурс «Русский Гофман» проводился в седьмой раз и был организован региональным отделением Союза российских писателей при участии членов Союза писателей России и Черняховским муниципалитетом, при поддержке министерства культуры и туризма правительства Калининградской области, «Литературной газеты», литературных журналов «Нева» (Санкт-Петербург) и «Балтика» (Калининград).

О конкурсе я узнала на литературных курсах Челябинского государственного института культуры, где прошла обучение в этом году (руководитель программы – Н.А. Ягодинцева). Я стараюсь принимать участие в литературных конкурсах, где есть профессиональное жюри, для меня это возможность оценить свои силы, узнать современных авторов и новое в литературе.

А.Б.: *По какому принципу вы отбирали стихи на конкурс?*

И.К.: Поскольку на конкурс принимались работы, написанные не ранее 2019 года, учитывая, что сам Э.Т.А. Гофман являлся писателем-романтиком, в конкурсную подборку я включила лирические стихотворения, написанные за последний год.

А.Б.: *Удивило ли вас выдвижение в шорт-лист?*

И.К.: Да, и удивило, и обрадовало, конечно. Приятной неожиданностью оказался также выход в финал вместе с моей подругой по литературным курсам, детским автором Ирой Даниловой из Санкт-Петербурга, с которой мы на протяжении полугода общались в рамках обучения и впервые встретились на защите диплома в апреле этого года в Челябинске. В итоге «Русский Гофман» принёс нам обоим не только дипломы лауреатов, но и чувство гордости за нашу победу, как выпускниц литературных курсов, а также радость общения и дружбу, я надеюсь.

А.Б.: *Место проведения конкурса показалось вам интересным? Я знаю, что с Балтикой у вас связано много воспоминаний...*

И.К.: Калининградская область – удивительна и природным ландшафтом, и географической обособленностью от российских земель, где до чужих границ рукой подать, и древней архитектурой, и своими людьми, бережно сохраняющими культурное наследие региона. За семь дней фестиваля кроме самого Калининграда мы посетили Куршскую косу, Светлогорск, Гвардейск, Черняховск, Советск, Неман, слушали лекции, доклады и выступали в музеях, библиотеках города и Калининградском зоопарке (который много больше, чем собственнo зоопарк!). И везде нас радушно принимали открытые люди, мастера своего дела, хранители культуры и истории. А многовековые полуразрушенные стены замков Инстербург и Рагнит теперь помнят наши голоса и поэзию, которая осталась звучать в камне...

Открытие фестиваля, официальное представление участников и членов жюри происходило в Калининградском областном историко-художественном музее, где мы погрузились в волшебную атмосферу мира Гофмана, созданную тематической выставкой музея и спектаклем Калининградского областного театра кукол. Торжественная церемония награждения лауреатов и дипломантов конкурса состоялась в городе Черняховске, в историческом замке Инстербург, в седьмой раз традиционно принимающем участников фестиваля.

Пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвела встреча с природным миром Куршской косы и Балтийским морем. Дело в том, что я родилась в семье военнослужащего и по долгу службы отца всё своё школьное детство провела в Латвии. С тех пор как в девяностых годах мы переехали в Саратовскую область, я мечтала встретиться с Балтикой. Поэтому вопрос – ехать или не ехать в Калининград – передо мной не стоял. На Куршской косе среди высоких сосен и песчаных дюн я словно вернулась в детство, а море плескалось у ног, радостно брызгало волной и не хотело отпустить...

А.Б.: *Как вы оцениваете общий уровень приехавших на конкурс номинантов? Что характеризует, на ваш взгляд, современную поэзию, каковы её основные стилистические особенности, если судить по этому и другим литературным форумам, в которых вам приходилось участвовать?*

И.К.: Финалисты конкурса, съехавшиеся в Калининград из разных уголков страны, безусловно, люди талантливые и увлечённые литературой, многие являются выпускниками литинститута и уже имеют немалый писатель-

ский опыт, состоят в профессиональных союзах, являются лауреатами многих литературных конкурсов и премий. На протяжении семи дней мы узнавали друг друга, общались, слушали выступления, дышали одним воздухом поэзии. И каждый, на мой взгляд, был достоин награды конкурса. За это время с импровизированных площадок звучала разная поэзия, по большей мере традиционная, с присущими ей лиризмом, созерцательностью, философичностью, самоиронией. Каждый высказывался о чём-то важном для себя.

Сравнивая поэзию разных авторов и, более того, разных масштабов – страны и регионов, – приходишь к пониманию того, что современная жизнь предъявляет требования не только к уровню мастерства и владения словом, но и к глубине смысла. Я понимаю это как необходимость писать о том, что волновало бы многих, не заикливаясь только на собственных переживаниях, суметь подняться над «бытовым» и «сиюминутным», заглянуть за личный горизонт. Для этого нужно состояться как личность прежде всего. Ведь в каком бы стиле автор ни писал, поэзия – это дело глубоко индивидуальное, где главным является созданный особый поэтический мир. И ещё я – за освобождение от инородных англоязычных слов, так популярных у молодых авторов, уход от канцелярита, за чистоту русского языка.

А.Б.: *Как организован «Русский Гофман», что является основными движущими силами фестиваля? Что показалось вам особенно интересным в фестивальной программе?*

И.К.: В этом году в конкурсе приняли участие 1172 автора из 25 стран мира: это Беларусь, Казахстан, Израиль, Украина, Германия, США, Канада, Молдова, Чехия, Латвия, Финляндия, Китай, ОАЭ, Бельгия, Индия, Франция, Армения, Италия, Грузия, Азербайджан, Польша, Норвегия, Таджикистан, Эстония, Россия. Работы принимались в четырёх номинациях: «Поэзия», «Проза», «Сказочная проза», «Публицистика». Кстати, именно «поэзия» традиционно является самой многочисленной по количеству присланных работ.

Основными движущими силами фестиваля-конкурса являются его организаторы: поэт, прозаик, краевед, председатель Калининградской областной писательской организации Союза российских писателей и идейный вдохновитель Борис Нухимович Бартфельд, писатели Дмитрий Павлович Воронин, Игорь Васильевич Ерофеев, Александр Борисович Жданов. Сложно даже представить, какую огромную работу проделали эти люди, чтобы приехавшие финалисты и гости фестиваля не только могли погрузиться в литературу, насладиться местными достопримечательностями, но и все дни чувствовать себя комфортно. Для нас были организованы лекции, круглые столы, экскурсии и поездки по области, интересная культурная программа. Борис Бартфельд, Дмитрий Воронин и Александр Жданов, прекрасно знающие историю края, лично прошли с нами за эти дни немало километров городской брусчатки, были доброжелательны и предельно внимательны к каждому. По вечерам в отеле «Альбертина» для желающих повысить свой профессиональный уровень были организованы семинары, которые вели известные поэты и прозаики: Нина Ягодинцева (Челябинск), Владимир Шемшученко (Всеволожск) (один из авторов нашего журнала. – Прим. А.Б.), Наталья Гранцева (Санкт-Петербург) и Александр Ломтев (Саров).

Мне сложно выделить что-то одно из насыщенной программы фестиваля, каждый день был уникален. А главными были ощущение счастья от пребывания на калининградской земле и чувство праздника от общения с талантливыми творческими людьми.

А.Б.: *Какие примечательные знакомства и встречи принёс вам «Русский Гофман»? Что полезного почерпнули вы из общения с коллегами? Удалось ли вам узнать что-то интересное о литературной жизни других регионов?*

И.К.: Литературные фестивали в первую очередь и ценны живым общением с людьми, близкими по духу, обменом литературным опытом, расширением своих творческих границ. Многие из финалистов принимают участие в фестивале и приезжают в Калининград на очный этап конкурса не первый раз. Действительно, побывав однажды на «Русском Гофмане», трудно отказаться от соблазна поехать туда снова. В этом году финалисты из других стран по известным причинам приехать не смогли, зато список российских регионов расширился. В Калининград съехались участники из Сибири, Урала, Республики Коми, Карелии, Нижегородской, Московской, Калининградской областей, Липецка, Орла, Ярославля, Москвы и Санкт-Петербурга. Каков размах! И во всех уголках страны не только хорошо и активно пишут, но и стараются продвигать свой регион, расширяя литературное пространство.

Так, в Карелии ежегодно проводится фестиваль «Петроглиф», популяризирующий историко-культурное наследие Севера. Его основатель – писатель Владимир Софиенко, презентовав нам документальный фильм о фестивале, подробно рассказал, как приезжающие туда литераторы имеют возможность не только обменяться профессиональным опытом, повысить уровень мастерства на семинарах и лекциях, но и культурно обогатиться, познав жизнь карельской глубинки.

Липецкий писатель Александр Пономарёв рассказал о двух «литературных автопробегах», в которых он, по его словам, «открыл для себя Россию». Первый из них, совершённый на «Жигулях» по маршруту Липецк–Сахалин–Липецк, составил девятнадцать тысяч километров и вошёл в Книгу рекордов России как «самый длинный автопробег литераторов». Прибыть к местам встреч с местными писателями и выступить перед читателями вовремя было одной из задач сложного маршрута.

С особым сопереживанием мы посмотрели документальный фильм «Девичья пушка», снятый по повести орловского журналиста и писателя Геннадия Майорова. Геннадий Николаевич поведал нам о своём расследовании подвига единственного за всю историю Великой Отечественной войны женского артиллерийского расчёта пушки-«сорокапятки».

Ирина Ордынская, писатель из Москвы и главный редактор журнала духовной литературы «Эхо Бога», рассказала пронзительную историю своей семьи времён Великой Отечественной войны, связанную с Калининградом, а также пригласила всех желающих к публикации произведений духовной тематики. Московский писатель Олег Александров предложил поучаствовать в ежегодном заочном фестивале рождественской сказки. Невозможно отметить всех, но всем хочется сказать спасибо – за улыбки, юмор, добрые слова, поддержку, звучащие стихи и незабываемые семь дней, проведённых вместе на радушной калининградской земле.

А.Б.: *Существует ли, на ваш взгляд, «фестивальная литература» по аналогии с «фестивальным кино»? Хорошо это или плохо?*

И.К.: Думаю, что нет. Если говорить о кино, то «фестивальное кино» рассчитано на более взыскательного зрителя, в отличие от кино «массового». В литературе такое деление очень условно. Более привычно разделять собственно литературу и графоманию, то есть говорить о качестве текстов. Сейчас фестивальный литературный процесс активно развивается, особенно в регионах, авторы чувствуют потребность высказаться не толь-

ко у себя «дома», но и на межрегиональном уровне, перенять опыт других писательских групп. Международные и всероссийские литературные фестивали предполагают конкурсный отбор произведений и, конечно, собирают авторов с более высоким уровнем текстов. На областных и особенно муниципальных фестивалях, называющих себя «литературными», зачастую нет никакого жюри и профессионального отбора, и поэтому графомания процветает. И если серьёзное «фестивальное кино» воспитывает эстетический вкус зрителя, то местная «фестивальная литература» вкус читателя только портит.

А.Б.: *Где будут публиковаться работы лауреатов конкурса? Как проходили выступления номинантов в дни фестиваля?*

И.К.: Выступления финалистов были разделены по дням, для этого организаторами были подготовлены различные площадки – в городских библиотеках, актовом зале Калининградского зоопарка, музейном комплексе Куршской косы, Доме писателей в Светлогорске. Мы читали стихи в Калининградском музее янтаря и в древних стенах замка Рагнит в городе Неман. В замке Инстербург города Черняховска для поэтов был организован турнир, по итогам которого жюри определило победителя. Всё это – дух истории, воздух, настоящий поэзией, концентрация творческой энергии на нескольких квадратных метрах и цветущая, солнечная балтийская весна – пробиравало до мурашек, до слёз. И могу сказать, что это не только мои ощущения.

Лучшие произведения лауреатов фестиваля-конкурса будут опубликованы в журналах «Нева» (Санкт-Петербург) и «Балтика» (Калининград), в ежегодном альманахе «Русский Гофман».

А.Б.: *Как работало жюри фестиваля? Удалось ли пообщаться с кем-то из известных писателей – гостей «Русского Гофмана»?*

И.К.: Работы конкурсантов оценивались анонимно и заочно путём выставления и подсчёта баллов. Как было объявлено, никто из жюри, за исключением одного человека, не знал об итоговом распределении мест до самой церемонии награждения победителей. В состав жюри вошло более десятка известных поэтов и прозаиков, которые были представлены публике на церемонии открытия фестиваля-конкурса в Калининградском областном историко-художественном музее. Кроме уже упомянутых, хочется поблагодарить писателя, журналиста Евгения Обухова (Дедовск) и писателя Юрия Егорова (Москва) за их душевность и доброжелательность, писателя Олега Глушкина (Калининград), журналиста, критика Татьяну Крилицкую (Саров), лауреата прошлого года поэта Полину Орынянскую (Балашиха).

Отдельно хочется сказать про семинары, которые вели для поэтов Нина Александровна Ягодинцева и Владимир Иванович Шемшученко, не жалея на это сил и времени, иногда засиживаясь допоздна за разбором наших стихотворений. Владимир Иванович по-отечески, как добрый наставник, и с большим юмором относился к нам, а тонкий профессиональный разбор Нины Александровны запомнился мне ещё с литературных курсов.

А.Б.: *Вдохновила ли вас Восточная Пруссия на новые стихи? Калининград – поэтический город?*

И.К.: Всё, что окружало нас в эти дни в Калининграде, было наполнено поэзией: от уханья невидимой совы в густой зелени внутреннего дворика и почти мистического каждодневного появления «сказочного» кота на мощёной дорожке отеля «Альбертина», где мы жили, до средневекового романтизма в архитектуре бывшей Восточной Пруссии и самой атмосферы гофмановского фестиваля. Накопленное в душе просто не могло не вылиться в стихи.

БАЛТИКА

Вплеталось море в Куршскую косу –
тугой волной, атласной синей лентой,
и отзывалось ветреное лето
на голоса и шорохи в лесу.

Мы шли вдали от пляжей городских.
Там были до небес такие сосны!..
Из детства моего, из девяностых,
из той пристывшей намертво тоски.

Там лодка в берег пенистый вросла,
и души дюн язык познали рыбий,
и мы услышать, кажется, могли бы
глухие тайны старого весла.

А море... море, может, в первый раз
вошло в меня, огромное, живое,
пронзило будто раной ножевою,
слезой солёной брызнуло из глаз...

Не надо мне на память янтаря.
Верни покой в мой сон о Рижском взморье,
чтоб я могла своё лелеять горе –
о нём с любовью детской говоря.

А.Б.: Хотели бы вы ещё раз принять участие в «Русском Гофмане»?

И.К.: Думаю, Калининград и «Русский Гофман» теперь со мной навсегда. Захотелось не только перечитать произведения Эрнста Теодора Амадея Гофмана, но и вернуться на родину великого писателя-романтика, сказочника, композитора и художника, снова приподнять слои истории, замершей в древних стенах орденских замков, вдохнуть сырой воздух Балтики... Благо, диплом лауреата третьей степени фестиваля-конкурса позволяет это сделать – есть куда расти!

**Алексей
МЕЛЬНИКОВ**

ЭЗОТЕРИКА ЧТЕНИЯ

– Нет ничего более снотворного, чем толстая умная книга, – говорит жена современного российского преподавателя литературы и с плохо скрываемой ревностью терпит его любовь к чтению и книгам.

Хотя на самом-то деле мы знаем: нет нечитающих женщин, есть женщины незаинтересованные.

– Как ты умудряешься находить время, чтобы всё это читать? – с искренним соболезнованием спрашивает у преподавателя литературы его друг, удачливый бизнесмен, обводя указующим перстом книжные полки, и сетует на то, что с этим книжечем не о чём поговорить.

Слишком разные интересы. Хотя на самом-то деле мы знаем: нет нечитающих мужчин, есть мужчины, не нашедшие на чтение время.

– Папа, насильно заставлять ребёнка читать стихи непедагогично! – строго выговаривает преподавателю литературы дочь и садится играть в компьютерные игры.

Хотя на самом деле мы знаем: нет нечитающих детей, есть дети, не умеющие читать, и немотивированные дети.

И куда после этих упрёков бедному преподавателю литературы с его нищенской котомкой податься? Можно, конечно, забросить никому не нужное чтение художественной литературы, заняться каким-нибудь прибыльным «делом» и раствориться среди этих модно одетых, компьютеризированных «разумных животных», к чему его ненавязчиво подталкивают жена, дочь и друзья.

-
- Алексей Игоревич Мельников – филолог, литератор, кандидат филологических наук. Родился в 1959 году в городе Ташкенте (Узбекистан). В 1981 году окончил факультет журналистики, а в 1986 году – аспирантуру филологического факультета Ташкентского государственного университета. В разное время публиковался в различных изданиях Ташкента, Москвы и Краснодара. В 1987–2004 годах преподавал литературу на филологическом факультете Кубанского государственного университета (ФГБОУ ВО «КубГУ»). В 1988-м в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую исследованию русской фантастической литературы. В 1990 году был составителем и одним из авторов первого кубанского сборника фантастики «Этюд о взрослом гравилёте». За время работы в Кубанском государственном университете прочёл на филологическом факультете и факультете журналистики спецкурсы, посвящённые истории русской комической литературы, русской фантастической литературы, русской мемуарной эссеистики и литературы постмодернизма. В настоящее время работает главным специалистом в отделе лингвистического анализа правового управления Законодательного собрания Краснодарского края.

А можно пойти в гости к брату по образу жизни – одинокому библиотекарю и, роняя скупую мужскую слезу ему на грудь, вспоминать такой весь из себя тоталитарный, но ужасно милый теперь читающему сердцу «совок», когда не читать книги (и толстые, и тоненькие) считалось неприличным, когда цитировать фразы из книг в разговоре было признаком большого ума, а не «тронутости». И когда книги являлись откровением.

После такого несколько вольного вступления пора перейти к другой тональности и, может быть, лишний раз, но подчеркнуть ту разницу, которая «зияет» сейчас в отношении россиян к художественной литературе по сравнению с прошлым, хотя бы тридцатилетней давности периодом.

Некоторые писатели объясняют такое положение вещей временным перекосом хода маятника в противоположную сторону. Мол, исчез идеологический прессинг, и те несчастные, которые должны были читать по «политическим» соображениям, перестали читать вообще. Дайте им передохнуть, отойти от навязываемого соцреализма, и они все как один начнут читать снова. Но теперь уже то, что нравится и с чем сердце успокоится.

Согласитесь, несколько наивное утверждение, но мы, наивные читатели-мечтатели, готовы ухватиться и за такое, как утопающий за соломинку...

Только не кажется ли вам, что этот «отдых» читателей как-то уж чрезвычайно затягивается? Ведь почти уже целое поколение без особой любви к изящной словесности оформилось, и наша неуверенность в необходимости всеобщего чтения растёт, как компьютерный вирус.

Может быть, причина та же, что указал в своё время французский писатель и библиограф Шарль Нодье: «Есть библиофобы, которым я могу простить их лютую ненависть к книгам – пленительнейшей вещи в мире, если не считать женщин, цветов, бабочек и марионеток; это люди рассудительные, чувствительные и не слишком образованные, невзлюбившие книги из-за шума, который вокруг них поднимают, и вреда, который они приносят. Таков был (...) благородный командор де Вале, который говорил: «...Вот из-за этих-то штук (имеются в виду книги) и началась революция» (1. С. 175).

Если россияне в период нового первичного накопления капитала не читают художественную литературу лишь по причине «как бы чего не вышло», ещё не всё потеряно. Известный писатель и критик В. Ерофеев гораздо более пессимистичен: «Сейчас поглубление читателя становится похожим на потепление климата на Земле – явлением необратимым и неуправляемым. Оно не связано ни с советской властью, ни с рыночной экономикой – оно напрямую связано с тем, что объединяет Россию и Америку – торжеством массового сознания, предсказанного Ортегой... Остывание литературы происходит у меня на глазах. Само слово «литература» начинает звучать одиозно» (2. С. 566).

Несмотря на определённую правоту писателя, нам кажется, что не всё так безнадежно. Свет в конце тоннеля уже виден. Так, например, после опубликованных отечественными издательствами запоминающихся произведений рубежа XX и XXI столетий (Т. Толстая, В. Пелевин, З. Прилепин, П. Санаев, М. Павич, П. Коэльо, Х. Мураками) вполне серьёзно зарекомендовали себя уже в первые десятилетия нового века Е. Водолазкин, А. Иванов, Г. Служитель, Д. Быков, А. Сальников, С. Шаргунов, новые переводы К. Киза, Д. Митчелла, С. Кинга, а также других зарубежных авторов.

Конечно, хотелось бы затмевающую всех прочих популярность отдать другим, известным ещё со школьной программы классикам, хотелось бы с удовольствием следить за сосредоточенностью ума читающих, их почти профессиональным умением обнаруживать и ценить художественные образы и реминисценции.

«Читатели должны плясать и пьянеть от чтения, а недохнуть от скуки. Но для того, чтобы пьянеть от чтения, надо сосредоточиться, а они (...) не сосредотачиваются. Они распустились. Литературе фатально не хватает энергетичности» (2. С. 567).

В том-то и дело, что энергетичность повышается только тогда, когда люди при чтении чувствуют, переживают и размышляют. Ведь чтение и мышление – очень часто сопутствующие ментальные процессы – восприятие и одновременно обработка информации.

«Мировая литература приводит меня в трепет хотя бы потому, что в ней таится бесконечное множество великих мыслей и точнейших наблюдений. (...) Богатство прозы, созданной за шесть десятилетий существования письменности, не в разнообразии сюжетов, число которых как раз конечно, а именно в гениальных фразах, любая из коих может повернуть человеческую жизнь, если только попадётся нужному человеку под нужное настроение в нужное время. Увы, вот это сочетание нужности – слова, личности, настроения и времени – как раз обычно и недостижимо» (3. С. 168).

Полезно от частого чтения, конечно, не только в коллекционировании умных идей. Существует несколько не всегда осознаваемых человеком, но тем не менее почти алгоритмичных психоинтеллектуальных тенденций, которые сильнее всего развиваются именно художественной литературой.

Основными такими тенденциями являются:

- стимулирование творческой энергии;
- катализирование и проявление духовных идеалов;
- социально-профессиональное ориентирование;
- уникальная примерка иной жизни;
- стремление к раскрытию тайны.

Различные книги у разных людей могут стимулировать бесчисленное количество весьма нужных качеств, умений, талантов, знаний. Но все они чаще всего очень субъективны или же регламентируются рамками информационного багажа.

Вышеперечисленные же пять тенденций постепенно развиваются у всех умеющих и желающих читать. Необходимо лишь, как правильно подметил писатель Виталий Бабенко, чтобы определённая книга попала в поле зрения определённого человека в нужное время. И вот с этого момента начинается настоящая мистика.

Благодаря этим тенденциям изящная словесность превращается в нечто большее, чем сенсорно воспринимаемый вид искусства. Сопутствующие чтению интеллектуальные и эмоциональные реакции, факторы сопереживания и сотворчества превращают процесс восприятия художественной литературы в мистическую практику, положительно влияющую на тонкую структуру личности (чем не магическая практика Ч. Вильямса и А. Кроули?). Наука не всегда экспериментальным путём может объяснить все нюансы мистического опыта, но мы всё же попытаемся заглянуть в интересующий нас процесс поглубже.

Сопереживание при чтении предполагает ярко выраженный элемент сотворчества, стимулируя креативность, собственное стремление к творчеству. Заинтересовавший текст вводит читателя в состояние, близкое к вдохновению, способствует микро- и макроозарению.

Недаром многие учёные и художники, заметив эту закономерность, использовали её, предпочитая тот или иной жанр в зависимости от настроения или рода занятий. Это могла быть философская лирика, научная фан-

тастика или даже детектив. В своё время такую особенность литературы упоминали в своей публицистике и воспоминаниях А. Белый, М. Волошин, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, Б. Райнов, А. Азимов, А. Кларк и другие литераторы-учёные.

Любой интеллектуальный поиск, запечатлённый в книге, – процесс коллективный, минимум – парный (автор–читатель), требующий в зависимости от степени интереса определённого продолжения, даже после раскрытия некоей тайны. Это не просто инерция сознания, это креативная энергия сознания, разбуженная художественным нарративом (повествованием) книги.

Конечно, в зависимости от образа жизни и основных занятий человека подобную цепную реакцию творчества может запустить и какое-либо другое явление. Но художественный (а иногда и нехудожественный) текст обладает особыми, ни с чем не сравнимыми преимуществами необременённого лишними эмоциями интеллектуального «разогрева».

Под «лишними эмоциями» мы подразумеваем, например, весь тот комплекс ощущений, формирующийся при непосредственном общении с другими людьми, которые тоже могут как-то подтолкнуть мысль и талант художника. Но сопереживание с нарративом (контентом), момент «инсайта» на основе такого переживания – это нечто иное, чем эмоциональный комплекс отношений с живыми людьми.

Запечатлённая в тексте авторская мысль предстаёт как бы в концентрированном, схематичном плане и является своеобразным трамплином для читательского мышления, сколь угодно колоритного и стремящегося затем в какую угодно область информационного пространства. Причём началу цепной реакции воображения, вдохновения, запущенной интересом и сопереживанием, соответствует почти готовая образно-понятийная форма, а также идейный «задел» для дальнейшего освоения. Что в корне отличается от способа восприятия некоторых иных видов искусства, таких, например, как музыка, абстрактная живопись и др. Здесь мышление отталкивается от других форм выражения и впечатлений.

Чаще всего эмоции сопровождают любое рождение мысли вне зависимости от того, что именно её вызывает: искусство, литература, природа или непосредственное общение с человеком разумным. Но чувства, появляющиеся в подобных случаях, будут переживаться по-разному, ведь эмоциональный фон читательского впечатления кардинально своеобразен.

Воспринимаемые и трансформируемые читателем эмоции литературных героев (а значит, и авторов этих произведений) – сиречь субъективные достижения читателя, его победы в плодотворном сотворчестве, сопровождающие знакомство с идейно-понятийной экспозицией всего произведения. Все эти эмоции составляют целый комплекс читательского восприятия, который на подготовленного читателя-реципиента воздействует весьма креативно и стимулирует интеллектуальную творческую деятельность. Так когда-то труды и стихи В. Соловьёва создали теургические предпосылки для творчества младосимволистов, чья поэзия в свою очередь вдохновила многих поэтов и философов следующих поколений.

Более всего, как мне кажется, стимулируют сотворчество с читателем такие литературные направления, как символизм, модернизм (особенно в поэзии), магический (он же мистический) реализм, а также популярная сейчас фантастико-детективная проза.

Тексты произведений, принадлежащих к упомянутым направлениям, алгоритмами жанров генерируют поиски искомого – духовного, познавательного, информационно-образного, даже конкретно-материального, обладающе-

го особой символикой (Земля Санникова). Вдохновлённому книгой читателю остаётся лишь продолжить начатые автором и его героями идейно-образный поиск и разработку собственного решения.

Кроме того, чтение необходимо для утоления совершенно особого вида жажды – жажды информационной: подспудного желания (сходного с поиском религиозных канонов) познать духовный идеал и антиидеал, проникнуть в суть мироздания и отдельных материализованных вещей и структур. Желания, которое в определённой степени является гносеологическим стержнем процесса познания.

«Психологические корни увлечения фантастикой – будь то простейшие описания конца света (ада, Страшного суда), счастливого мира будущего рая (рая с гуриями или без – по вкусу) или же более серьёзные произведения, склоняющие к размышлениям о вечном и о смысле жизни, – всё равно те же, что и у религиозного мировосприятия» (4. С. 12).

Мы привели эту небольшую выдержку из эссе о фантастике для того, чтобы подчеркнуть важность этой позитивной тенденции, стимулируемой процессом чтения (естественно, не только фантастики).

Духовная жажда, как и тенденция её утоления при чтении, могут быть не вполне осознаны читающим, как не осознаём до поры недостаток витаминов в развивающемся организме. Но как возбуждается порой в здоровом теле мышечная радость при положительном изменении окружающей среды, так и чтение зачастую приносит сознанию читателя яркое локальное удовольствие, особенно когда удовлетворяется подспудная потребность в духовной информации.

В этот момент рождается такое явление, как «интерес». Рождается и нарастает по мере увеличения совпадения авторских и читательских интеллектуальных поисков. Чем не мистическая практика в контексте наложения художественных и реальных тонких вибраций?

А замечали ли вы, как при чтении некоторых книг растёт удовольствие от текста по мере учащения локальных всплесков радости от отдельных фраз, мыслей, идей. Читая и перечитывая тот или иной сюжет, мы как бы жмём и жмём на кнопку хорошего настроения и самоощущения. А стимулирует нас к этому неподдельный интерес к произведению, погружаясь в которое, мы всё более (пусть и опосредованно, через героя) сопереживаем замыслу автора.

В данном случае читательский интерес является как бы ключом к пониманию авторской идеи. По-настоящему понять определённую книгу и разделить с автором его мировоззрение можем только мы или такие, как мы, испытавшие интерес к этому произведению буквально с первых строк. Отсюда яркое переживание своего избранничества, стимулирующее читателя разработать собственную концептуальную картину мира.

Стремящийся читать и сопереживать неопит (постепенно становящийся адептом) достраивает сюжет, стилистику, поэтику нравящейся ему книги в зависимости от собственных нравственных установок, понимая книгу так, как диктует ему его «идеальное» кредо. Но хотя читатель видит и строит в своём сознании авторскую картинку в весьма субъективном (читательском) освещении, он всегда основывается на текстовом материале. Просто по мере чтения читательским восприятием осуществляется творческая достройка (иногда не совсем осознанно) того мира, который предложил автор.

Точно так же, как хорошо знакомые люди, даже плохо слыша, всё равно понимают друг друга в диалоге, «достраивая» в своём сознании плохо различимые слова (считывая артикуляцию, интонацию и др.). Но прежде, чем

подобное креативное восприятие принесёт свои плоды, повествование должно отозваться чем-то положительным, понравиться. Оно должно совпасть в отдельных нюансах с духовным (интеллектуальным) реноме читателя и вызвать интерес, который в свою очередь способствует сопереживанию и концептуальному завершению, сопровождающемуся новыми образными переживаниями.

Подобного рода переживания необходимы людям интеллектуального склада, они насыщают их жизнь недостающими эмоциями, расцветивают её яркими красками. Поэтому среди читателей художественной и специальной литературы много физически ущербных людей, по той или иной причине живущих неполноценной эмоциональной жизнью. Книга предоставляет им уникальную возможность испытать чувства и переживания, недоступные в ежедневной суете. В этом случае очень важно не скатиться в эскапизм, с головой погрузиться в комфортный, но вымышленный мир литературы, спасаясь от серой и порой жестокой действительности, как это делают некоторые геймеры и интернет-зависимые «сталкеры», сбегаящие в виртуальное пространство.

Данный книжный «перформанс» (представление с обратной связью) является замечательной возможностью (иногда неосознанной необходимостью) для развивающегося разума примерить на себя жизнь и судьбу иной личности. Ведь подспудное стремление испытать недоступные прежде эмоции, увидеть мир глазами другого человека, ощутить доселе неизвестное присуще каждому человеку. Разве что у кого-то подобное стремление более развито, а у кого-то – менее.

Без развитого любопытства такого рода невозможна успешная деятельность психоаналитиков и лицедеев. Хоть на короткое время, но перенастроить физическую форму, органолептику и психосоматику, сменить систему чувственного восприятия и ощутить мир иначе. А затем и реагировать на него иначе, как реагируют иные люди и существа, обитающие в литературных произведениях. В безопасной форме такую возможность предоставляет только палитра художественных образов. И чем более образно, ярко, детально, по-новому может писатель дать почувствовать читателю изобразимый мир, тем большее количество читающих захотят не только познакомиться с ним, но и задержаться в этом пространстве. Примером такого побега в «пампасы» художественной литературы является движение почитателей творчества Толкина, которые регулярно устраивают свои сборища и ролевые игры ещё с начала восьмидесятых годов прошлого века.

Двигателем указанной тенденции является извечное человеческое качество интеллекта – любопытство. Качество, подталкивающее разведчиков в опасные экспедиции, а психологов и уфологов – к пониманию иного разума. И конечно, более всего любопытство подстёгивается и сопровождается уже не раз упомянутым творческим интересом.

Здесь берёт начало ещё один удивительный стимул, приобретаемый чтением. Книга может (несмотря на некоторую закомплексованность и эскапизм читателя) точно сориентировать социально и профессионально. Что бы ни говорили догматики-моралисты об относительности художественных образов, признанными классическими шедеврами становятся произведения, вышедшие из-под пера именно Великих гуманистов. Примеры жизни самих писателей и жизни их героев несут в себе важную функцию.

Профессия и социальный статус персонажа, который стал для читателя примером, несомненно будут влиять на его социальные предпочтения. Интерес книжный трансформируется в определённую жизненную позицию.

Желание стать профессионалом в выбранной области постепенно становится доминирующим, и человек находит себя в профессии, которую подсказала ему книга.

Ещё одним важным стремлением, сопровождающим чтение, является результат первых двух тенденций – возможность пережить приключение. Вместе с героями, сопереживая им, находясь в их роли, читатель разгадывает некую важную тайну, находит разгадку преступления, выслеживает преступника, борется с криминалом, отстаивая заявленные автором и в то же время уже свои идеалы – нравственные, социальные, религиозные, эстетические – любые.

Конечно, чаще всего данная тенденция характерна для приключенческой литературы, которая почти всегда несёт в себе этот мотив. Но именно он и придаёт сюжету важную дополнительную составляющую, усиливает читательский интерес. Для читателя начинающего, не привыкшего к регулярному чтению, авантурная посылка может стать привлекательной особо, послужить триггером в предстоящих человеку выборах, связанных с жизненными ситуациями. Такой стимул нельзя недооценивать. Ведь нам – не будем забывать об этом – к чтению необходимо приобщить как можно большее количество читателей-неофитов. Причем всяких, в том числе не слишком любопытных, не очень отягощённых интеллектом и даже не задумывающихся ещё о своих нравственных идеалах.

Подчас именно через приключение, через сюжетную схему-интригу, в которой зашифрована необходимая автору дидактика, писатель культивирует читательский интерес и стимулирует процесс сопереживания герою.

Чаще всего после первой такой понравившейся книги читатель ищет «что-нибудь наподобие». Читает всё больше и больше. Постепенно начинает разбираться в творчестве приключенцев, фантастов, историков-детективов, формируя свои эстетические критерии. Может быть, не бог весть какие научные. Но вполне систематизированные и помогающие ему в выборе текстов на книжных полках.

Почти незаметно, но действительно привычка читать совершенствует его человеческие, креативные и интеллектуальные качества. И далее на первый план его общения с миром, с писателем-собеседником, с внимающим им социумом выходят главные тенденции и мотивы. Читатель-убийца-лишнего-времени постепенно превращается в Читателя-созидателя, абсолютно понимающего Писателя и сопереживающего героям.

Главной задачей современного, заинтересованного в развитии художественной литературы читателя является стремление увеличить популяцию себе подобных. Как в своё время появилась чайка по имени Джонатан Ливингстон, которая вдруг испытала восторг от самого факта полёта и постепенно научила этому остальных, так и восторг от чтения, мы надеемся, станет удивительной прерогативой всех, кто просто берёт книгу в руки (не важно, на каком носителе). И начинает читать...

Литература:

1. Нодье Ш. Читайте старые книги. – М., 1989.
2. Ерофеев В. О виртуальности современной литературы. / В лабиринте проклятых вопросов. – М., 1990.
3. Бабенко В. Нуль. – М., 1996.
4. Филиппов Л. Предисловие / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. В 11 т. Т. 1. – СПб., 2001.

Эдуард
АНАШКИН

«Талант народного мышления»

Василий Кияков. Посылка из Америки. —
М.: НПО «У Никитских ворот», 2019

Её я получил незадолго до начала спецоперации. Не спешите меня осуждать, что в такое непростое время посылки от «санкционеров» получаю. Ведь она пришла из Москвы от русского писателя Василия Васильевича Киякова, назвавшего «Посылкой из Америки» свою новую книгу. Книга вышла до того, как нынешняя многолетняя холодная война перешла в горячую фазу, словно предвидел автор неизбежность такого перехода. И название всей книге, куда входит много рассказов и повесть, он дал по одному рассказу, злободневность которого пройдёт, а актуальность останется надолго. Просто в разные эпохи будут высвечиваться разные художественные грани этого рассказа, ставшего концептуальным для всей книги.

В девяностые годы, про которые сегодня мы вспоминаем частенько, была в моде такая песня, которую пела красивая русская певица: «Я отдала тебе, / Америка-разлучница, / Того, кого люблю, / Храни его, храни!». В непростые годы после крушения советской власти многие русские парни предпочли искать лучшей доли за пределами России, кое-кто и в США — стране, которую тогда мы считали самой передовой и заботливой к своим гражданам. Однако рассказ Василия Киякова вовсе не о том времени, когда Америка стала разлучницей. Рассказ о том, что Америка для русского человека стала разлучницей гораздо раньше. Для бабки Марфы и деда Мити разлучницей поначалу стала Великая Отечественная война, но эта разлучница временная, ведь войны когда-то заканчиваются. А самой что ни на есть заклятой разлучницей молодых тогда Марфы и Мити стала именно Америка, куда после войны попал муж Марфы, к тому времени уже четырежды отец их совместных детей. Вроде и не забыл он русскую жену и деток за океаном, прислал как-то им из Америки посылку с подарками. Это наделало много шума в сельсовете. В те послевоенные времена связи

советских людей с заграницей, мягко говоря, не приветствовались. Но баба Марфа оказалась не пугливой десятка, хоть увещевали её вернуть посылку, она сохранила подарки и даже упаковку от посылки вместе с письмами от мужа из далёкой Америки.

И вот уже герой повествования, которого привела к бабке Марфе непогода, сидит у неё в избе и не может отказать гостеприимной хозяйке в её просьбе почитать ей письма мужа — сама бабка видит плохо... Последнее из пожелтевших от времени писем очень грустное и, по всей вероятности, предсмертное, пронизанное такой тоской по России, что поневоле задумаешься вместе с автором:

«...Что в них, в этих берёзах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заблуждается ностальгией, даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть такая особенная, торжественная грусть в этой срединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути... Эта общая и одновременно частная дорога для каждого и для всех вместе — это именно голгофа России. И песни такие же: долгие, грустные, чаще — острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни — никак не мог. Все народные песни или песни, принятые как народные, грустные необычайно...»

Не зря говорится в народе русском, что «мила сторона, где пуп резан»... И не дай Бог русскому человеку познать всю глубину и неизбывность тоски по родине, ведь она неизлечима и крепнет по мере взросления человека.

...В книге наряду со многими другими есть рассказ «Письмо Сталину» — одно из известных произведений Киякова, навевающее классические ассоциации. Это ассоциации с Чеховым. Но у Антона Павловича Чехова мальчик Ванька Жуков писал письмо на деревню дедушке Кон-

стантину Макаровичу. А у Василия Васильевича Килякова юный колхозник Колька, мечтающий об учёбе в суворовском училище, вознамерился написать письмо вождю народов. Принимая во внимание неуклонно возрастающий интерес к эпохе и личности Сталина, логично предположить, что этот рассказ читатель прочтёт едва ли не в первую очередь. И не прогадает!

Василий Киляков обладает нечастым сегодня талантом объёмного, одного замеса с народным, языка и мышления, из которого проистекает также нечастое ныне качество. Имя ему – народная художественность. А возникает она из обрётённого с младых лет не просто знания, но чувствования русского языка. Знания-то пополняемы книжным путём: словарей диалектных слов хватает, да вот только книжное знание народного наречия не даст писателю того ощущения подлинности, про которое говорят, что не язык – рабочий инструмент писателя, а писатель становится инструментом того яркого, самобытного народного наречия. Его не спутаешь ни с каким другим, и на него сразу и безошибочно отзывается душа русского человека.

Хочу отметить, что лично я с Киляковым не знаком, пока не знаком... И это вроде бы входит в противоречие моему принципу работы над литературными портретами писателей-современников. Но если вздуматься – сколь часто личное поневоле оттесняет собственно творческое. Ведь личность писателя не менее интересна, чем его произведения. Так вот и порой забывается главное: каждый писатель наиболее полной жизнью живёт в своём творчестве. Прочитав того же Пушкина, мы можем понять его не меньше, если не больше, чем понимали знавшие его лично современники.

Василий Киляков – признанный мастер рассказа. И снова вспомню Чехова, сказавшего про краткость – сестру таланта. Но не будем забывать, что рассказ происходит и вытекает из умения автора рассказывать. Испокон веков на Руси умелых рассказчиков уважали и любили, ведь до времени всеобщей грамотности молодое поколение именно через устную традицию общения со старшим поколением набиралось опыта жизни, проходило то нравственно-эстетическое воспитание, которое теперь в идеале призвана давать школа... Призвана-то она призвана, да когда все силы педагогов направлены на то, чтобы ученик сдал единый госэкзамен, то на общение учителя и учеников практически и времени-то в рамках школьной программы не остаётся.

И почему бы не рекомендовать включить хотя бы во внеклассное чтение рассказы того же Василия Килякова? В качестве хотя бы частичной компенсации недостаточности воспитания в детях через литературу, часы которой уменьшаются постоянно. Помнится, в советское время на лето учитель русского языка и литературы давал довольно длинный список произведений внешкольной программы, которые следовало прочесть. Такой список книг для чтения надо вернуть! И почаще включать в него произведения современных русских писателей.

Чем в этом смысле хороши рассказы Килякова? Они компактны по форме, но объёмны по содержанию и воздействию на читателя. Они рассказывают о прошлом, которое актуально и сегодня.

В том же «Письме Сталину» вживе представлен клубок всевозможных противоречий, которые делают жизнь и отношения людей столь непостоянными. К примеру – противостояние поколений отцов и детей. В русской литературе о нём в своё время особенно явственно сказал Тургенев. Но существовало оно в мире с тех пор, как существовал мир: на стенах Древнего Вавилона во время раскопок нашли надпись на стене, мол, не та пошла сегодня молодёжь. Написавший письмо Сталину с просьбой определить его в суворовское училище Колька, школьник послевоенной поры, живущий в разорённой войной сельской глубинке, поневоле становится не раз свидетелем спора родителей. Разговоры отца и матери частенько носят, скажем так, идеологический характер и небезопасны во времена могущества НКВД, пресекающего всякое инакомыслие. Иногда Колькин отец, во время войны тяжело раненный попавший в немецкий плен, вызывается, как говорится, «на ковёр» к уполномоченному в соответствующие органы, которые призваны лучше «переведеть, чем недобдеть».

Вот и на этот раз спящий под тёплым лоскутным одеялом Колька услышал разговор родителей – сердитый полусёпот матери и голос оправдывающегося отца, которого опять вызвали в райцентр для очередного допроса, как не раз вызывали до этого. Отец постеснялся попросить у председателя колхоза лошадей, и в холодную распутицу предпочёл отправиться в райцентр пешком, чем и вызвал нескрываемый гнев жены, матери Кольки:

«Ты ведь молчун, — приставала мать, беспрестанно работая возле печи, временами вытирая лицо подолом фартука. — Ты не выпросишь, не напустишься. А у них надо не просить, а вырывать. Из горла вытаскивать...».

Осекая разгневанную жену, отец Кольки боится не только за то, что вдруг кто услышит гневные выпады жены против Сталина и донесёт. Отец боится и за Кольку, чтобы не услышал и не взял в голову то, что советскому школьнику брать не следует.

«Колька, высвободив голову из-под одеяла, плохо соображал, о чём спорят родители. Всякий раз, когда отца «таскали» к уполномоченному, споры шли часами. Мать нехорошо говорила о Берии, материла Сталина. Как-то осердилась так, что проткнула ухватом портрет вождя. Колька даже хотел пожаловаться на неё в сельсовет, но удержался: он любил мать...»

Когда-то в России во время Гражданской войны Павлик Морозов рассказал про поведение «белых» родственников красным командирам. Но то было ДО Великой Отечественной войны, которая кровавыми штыками фашистов объяснила, что родное не отвергает родное, что недостаток любви к ближнему чреват смертельными последствиями, как и вышло с Павликом Морозовым. Его официальная советская пропаганда прославляла как героя, убитого врагами за то, что его вера в революцию побудила поставить родное после общественного. А вот Колька любил мать, и это чувство удержало его от соблазна пожаловаться на неё за крамольные слова. Тем не менее в случае с Колькой, который порой подумывал пожаловаться на мать, — ясно видим противоречие отцов и детей, в котором нет виноватых, потому что противоречие старого и нового является двигателем жизни.

И вот грамотный (письменный — по выражению матери, гордящейся грамотностью сына) Колька не удержался и написал всё-таки Сталину. Но не про мать, которая ругает вождя народов. А письмо с просьбой устроить его в желанное суворовское училище. С адресом на конверте, правда, как и у чеховского Ваньки Жукова, у Кольки тоже вышли проблемы. Ванька написал «на деревню дедушке Константину Макарычу», сделал на века фразу крылатой. С «письменным» Колькой получилось примерно то же самое:

«...Высунув язык от усердия и слезы-вая набегавшие, как назло, сопли, яростно шмыгая носом, написал: «Москва. Кремль. Вождю всех времён и народов И.В. Сталину». И, подумав, добавил: «Любимому и дорогому». Потом подул на перо, опять пошмыгал носом и вывел в уголке, в самом низу конверта: «Лично в руки. Жду ответа, как соловей лета!».

Письмо, конечно же, дальше сельсовета никуда не ушло и его вернули родителям Кольки, за что отец так осерчал на него, что чуть не избил. И избил бы, если бы не мать, гордящаяся грамотностью сына (письменный, далеко пойдёт). А ведь наверняка так и будет, учитывая, что в советское время, когда не было терминов «социальный лифт», такие лифты всю действовали в обществе. И дети из простых семей становились учёными, писателями, руководителями. Ведь они были «письменные», грамотные благодаря советской власти. И это ещё одно противоречие русской жизни, из которого растёт художественно осмысленная русская литература.

**Эллина
САВЧЕНКО**

СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ...

Иногда хочется посмотреть на мир, отражённый в воде, в которой слабо плещутся редкие солнечные лучи. Этот немного деформированный, слегка искажённый мир так и притягивает взгляд. Пройдёт очень много времени, прежде чем солнце выпьет холодную дождевую воду, а вместе с ней и отражённый, перевёрнутый мир, холодный, колючий, чуждый... Мир, в котором оказываются почти все герои прозы удивительного автора из Москвы – Жени Декиной. Мир, с помощью которого молодая писательница в своём творчестве пытается научить человека не потерять в истории...

Для Жени Декиной литература – это философия наследования: своеобразная передача духовных и интеллектуальных богатств из рук в руки, с твёрдым убеждением, что без этого просто невозможно развитие как каждого человека в отдельности, так и всего человечества в целом. Мастерство настоящего писателя более всего проявляется именно тогда, когда он так или иначе ставит себе целью решать серьёзные вопросы человеческого бытия, общественные, межличностные, социальные, сопровождающиеся глубокими внутренними конфликтами.

Декиной удаётся ненавязчиво увлечь за собой читателя в мир её героев, чьи одежды каждый может примерить на себя и ярко почувствовать жизнь и стремление их душ. Её образы, сформированные из когда-то бесформенной человеческой глины, часто бунтуют против обстоятельств, но бунт, однажды начатый ими, порой приводит к примирению, казалось бы, непримиримых составляющих нашего мира. И если герои Достоевского «мира, созданного Богом (но не самого Бога!), не принимают», то герои прозы Декиной как раз пытаются его принять.

-
- Эллина Сергеевна Савченко родилась в 1982 году на Колыме, в пгт Кадыкчан. Поэт, прозаик, публицист, фотохудожник, член Союза писателей России, почётный наставник молодёжи, руководитель Совета молодых литераторов Кубани, лауреат премии «Российский писатель» в номинации «Позиция», лауреат различных литературных конкурсов, в т.ч. международных. В 2019 году участвовала в совещании молодых писателей Китая и России. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т.ч. газетах «Кубанский писатель», «Горячий Ключ», «День литературы»; журналах «Краснодар литературный», «Перископ», а также в журнале «ГражданинЪ», куда помимо рассказов вошли и авторские фотоработы; в одном из китайских журналов. Живёт в Каснодаре. Работает учителем литературы в школе семейного образования, ведёт творческую мастерскую.

Я нахожу в этом Библейский мотив. Так же, как князь Мышкин в каждом человеке видит хорошее, утверждая, что «...они просто не знают, что хорошие...», герои Декиной оправдывают этот мир. Тем более когда эта святая простота – человек близок к образу Христа – ребёнок. *«Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таких есть Царство Небесное»*. Дети не знают порока, всему верят, что бы ни услышали или ни увидели – *«будьте как дети»*. И если главный герой «романа взросления» Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (а в оригинале – «Ловец во ржи», кстати, тоже аллюзия – «Я сделаю вас ловцами человеков») Холден, прекрасно знающий этот мир, понимает, что неизбежно предстоит смириться с ним, с системой, ненавистной и выворачивающей его, то герои Жени Декиной часто наивны, «не закалены», не понимают, откуда берутся одиночество, страх, боль, но пытаются защитить себя от этого, бесстрашно улыбаясь жестокому миру...

Так складывается лейтмотив рассказа «Перешмыг», в концентрическом сюжете которого образ главной героини поражает своей незащитной правдивостью, перекликающейся с зияющей пустотой и одиночеством, смотрит на читателя пронзительно и смело... Эта смелая девочка, главная героиня произведения, старается смотреть правде жизни в глаза, она носит характерное имя Люба и полна нерастроченной любви. Само имя её – антитеза жестокому, неустойчивому, а в итоге привычно перевёрнутому миру, с его школами, грудями мусора, заборами, улицами, бараками, где почти не встретишь тепла, понимания и человечности.

Вообще же проза Декиной удерживает в себе сильнейшее желание героев вочеловечиться, обрести себя. И герои эти в прямом смысле слова – вечные. Они существовали всегда. Перерождаясь, шли разными путями, но приходили всегда к одной и той же двери, в которую стучали, веря, что за ней найдут они спасение... Эти слабые герои – самые сильные, потому что – настоящие! Потому что, обретая себя, а именно это они и делают, человек обретает Бога, пусть даже не задумываясь об этом...

Читая, а вернее сказать, проживая историю девочки, сокровенным желанием которой было убрать множество стен и окон, отделявших её от самого родного человека, всё больше начинаешь понимать, какое великое дело – быть нужным и любимым, ничего и никому при этом не доказывая...

А доказывать почему-то приходится.

Девочка Люба живёт с мамой и дядей Володей, который «в ответ на все её крики молчал как пень, поэтому иногда мама покупала дяде Володе пива. После пива дядя Володя не молчал, а ругался тоже». Он бежит «на чай» к симпатичной соседке, пока мама на работе «сидит и выдаёт людям важные бумажки. Перед мамой стенки нет, перед ней прозрачное окошечко со щелью». Лишь эта щель как бы отмеряет теперь ту ограниченную толику материнской любви, которая перепадает иногда по отношению к несчастному подростку.

Люба боится оставаться одна и придумывает разные игры, чтобы спастись от этого страха нелюбви и одиночества. Так она приходит посмотреть на дом, в который их должны переселить из барака. «Дом оказался огромной серой трапецией, наплывавшей сверху, как гора, и сначала не понравилась Любе». Но с этим домом девочку связала надежда на то, что с переездом сюда жизнь её должна кардинально измениться, и в одной из верхних квартир, в проёме недоделанного окна Люба обнаружила металлическую трубу, похожую на арматуру. Девочка решила, что здесь когда-нибудь будет её квартира, и стала приходить к трубе «в гости», оживила её своей детской

фантазией и даже стала разговаривать с ней. Висеть на трубе вниз головой было страшно и весело одновременно, и на это секретное место хотелось приходить снова и снова. Здесь ей было хорошо, как нигде больше...

«Кажется, что ты – воздушный шарик, который вот-вот оторвётся и упадёт далеко в небо, прямо в пушистые, ласковые облака. Наверное, по облакам можно бегать, уходя по колено в ватную мягкость, обнимать их, а может быть, даже есть». Труба стала для Любы единственным настоящим другом и тренером, научила многим гимнастическим, почти цирковым трюкам, помогла избавиться от преследовавшего её одиночества.

Теперь Люба умела показывать фокусы на стадионе – кувыркалась, висела на одной руке и вертелась вокруг турника, собирая вокруг себя кучу народа, и все восхищались её умением. А потом начались тренировки во Дворце творчества. С тренершей, грузной, грубой, неповоротливой бабкой, у Любы сразу не заладилось. К тому же она каждый раз выпытывала у юной подопечной, кто же ещё тренирует девочку, потому что не верила, что можно так быстро всё схватывать и выполнить программу кандидата в мастера спорта. И никогда бы не поверила, что лучше всего одинокую спортсменку понимает обыкновенная металлическая перекладина.

С этой подружкой-грубой девочка творила настоящие чудеса. Это на ней главная героиня научилась проделывать труднейшие цирковые трюки! «Подружка» притягивала к себе Любу словно магнит. Уверенность в собственных силах постепенно вытеснила детские страхи и острое желание родительской ласки. Особенно часто девочка любила выполнять на трубе перешмыг – это когда на лету меняешь местами руки и хватаешься не так, как висел, а крестнакрест. И Люба никогда не срывалась... никогда...

Девочку начали уважать, приходили поболеть за неё на соревнования, интересовались её жизнью, но ей не доставало главного – материнской любви. А маме было всегда некогда, всегда находились причины не приходить на Любины выступления. Но девочка ждала. Так сильно, с такой горячей верой. Даже дядя Володя пришёл, даже мамин начальник с семьёй... А мамы всё не было. Но она же обещала...

«Ей почему-то было так радостно и почётно, будто она выступает за область или даже за страну. Мама её увидит! Самая настоящая мама, которая сегодня вместо солнышка будет крутиться вместе с ней вокруг перекладины». Но вместо мамы рядом с дядей Володиёй тоненькая девочка увидела синюю пластмассовую дыру пустого места. В голове крутился один вопрос: «Где же она? Где?»

В этот момент мир привычно переворачивается. Перекладина не ложится в руку, всё вокруг вращается, и невозможно разобрать, где верх, где низ. Но на трибунах все заворожённо воспринимают происходящее как фокус. Даже вхождение в стремительный винт вниз головой – тоже фокус... И только толстая, перекошенная от артрита бабка понимает, что сейчас происходит страшное, и, устремляясь к Любе, кричит: «Перешмыг!». Девочка, словно очнувшись, приземляется и, потеряв ушибленные ладони, снова проделывает, словно в пустоту, те же фокусы, даже не глядя на трибуну...

Поражают внутренняя сила и самостоятельность главной героини рассказа, мечтательной и любознательной. На мой взгляд, сама девочка об этой силе не догадывается – она просто остаётся собой. Однако самостоятельность эта не отделяет её от автора – писатель с сочувствием и пониманием относится к Любе. Подобную эмпатию можно проследить во многих рассказах Жени Декиной, например, в «Корове», «Фантомных болях» и других.

Вообще же, тема простого человеческого несчастья, связанного с «синдромом никому ненужности», – сквозная в творчестве писательницы.

Доминантой в «Перешмыге» выступает контраст. Доброе, вечное солнце протягивает материнские руки ко всему живому и вскармливает одинаково детей своих горячим, живительным теплом, но слепой, эгоистичный мир не в силах понять этого. Мир ассоциируется с пугающим, «перевернутым» и тоскливым долгостроем... Девочка всё очень быстро понимает: стоит один раз объяснить, что дом в виде огромной, серой, наплывающий сверху горы не страшен, а просто заморожен – серый бетон впитывается в кирпич. Она понимает, перестаёт бояться и доверчиво распахивает душу.

Солнце (как литературный образ, а не звезда) знает, что «душа исцеляется рядом с детьми», и Люба с благодарностью принимает ласку «второй мамы» – солнышка, потому что с солнышком не так одиноко. Не так страшно осознавать, что родной маме не до неё (мама всё время работает), слышать, как они с дядей Володей постоянно ссорятся, видеть, как он крадёт-ся к соседке, а та задёргивает тюлевые занавески с цветочками... И ждать... ждать... ждать...

Автор применяет приём скрытого психологизма, чтобы показать читателю внутренний мир героев. Ни тебе прямых авторских характеристик, ни исповедей, ни внутренних речей – а просто поступки, интерьер, жесты, действия... Просто жизнь. Природу жизни Люба видит по-своему, через свою духовную призму. И парадокс этого видения заключается в эфемерности бесконечного одиночества. В этом парадокс всей декинской прозы, на мой взгляд. И если в творчестве Юрия Лунина удерживается русскость как самое широкое понятие, то в прозе Жени Декиной удерживается человек – человек определённого типа, человек, во все глаза глядящий откуда-то снизу в самое синее, перевернутое небо... Композиция рассказа «Перешмыг» – гармоничная, плавная, очень живая. Читатель обращает внимание на то, что в произведении нет диалогов между героями, но вместе с тем весь текст – диалог с читателем, посредством которого происходит попытка решить внутренний и общественный конфликты.

Люба в рассказе – косвенное первое лицо, и это прекрасный ход. В этом случае читатель сосредоточен на её внутренних переживаниях. Метаморфоза происходит и с самим читателем – он понимает, что страх, именно страх одиночества, а не неумение любить и понимать, приводит к катастрофе...

«Перешмыг» весь состоит из движения. Но если у всех героев, кроме девочки, эти движения будничные, монотонные, заторможенные, с опаской и равнодушием, то у самой Любы они динамичны, любознательны, победны. Мир главной героини чист и наивен. Любовь её, несомненно, та редкая, о которой говорил апостол Павел в Послании к коринфянам: «...всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит...»

Удивляет способность Любы видеть во всём, что её окружает, особенное, а ещё разговаривать с неодушевлёнными предметами – терпеливыми, вежливыми, умеющими слушать «собеседниками». Юная мечтательница, как и платоновский герой Никита («Никита»), умеет их оживлять, и так же, как платоновский Юшка («Юшка»), любит весь этот мир, веря, что каждая тварь Божия не зря в него приходит.

Я провожу для себя отчётливую параллель с одиноким слепым цветком, выросшим на пустыре, прилагающим невероятные усилия, чтобы выживать и крепнуть... Любочка – а теперь именно так мне хочется назвать этот одинокий цветок, тоненький, почти прозрачный, гибкий и ловкий – сохраняет до самой кульминации в рассказе веру в собственную нужность, надежду

увидеть на своём выступлении родного человека – маму... Кульминация приходится почти на конец истории, и горько осознавать, что 10 лет одиночества не разрешились счастливым финалом: ожидаемого чуда не случилось...

Почему нельзя полюбить просто так? Принять просто так... И кому в этой истории повезло больше – маме, которая, вероятно, никогда уже не научится искусству любить, или Любе, имеющей этот дар в избытке? Мы поднимаем глаза к небу и не всегда видим сотни падающих в небесную ватную мягкость воздушных шариков – детей великого и любящего солнца, которые льнут к его груди, а оно смеётся и крутится. И в этой лёгкости забываешь о страхе одиночества и ненужности, перестаёшь винить себя во всех бедах и ссорах взрослых, и нет никаких серых громадин, а только свет...

Юрий
КАРГИН

САРАТОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Журнальный вариант

ЛЕТО 1941 ГОДА

В первый день войны, 22 июня, главная газета Саратовской области «Коммунист» вышла в привычном режиме, с самой мирной информацией: о том, что Апрелевский завод стал выпускать грампластинки не из дефицитного шеллака, а из более доступного полихлорвинила, вырабатываемого на отечественных предприятиях; о хозяйственных заботах колхозников, о неудобствах на Ртищевском вокзале, о заброшенном домике Чапаева в Балакове, о выращивании выносливых донских лошадей для армии в Пугачёвском районе, об усилении борьбы с волками в Новобурасском районе и многом другом.

Началу войны был посвящён номер газеты, увидевший свет 23 июня. На его страницах бросались в глаза громкие заголовки корреспонденций: «Победа будет за нами!», «Будем работать с удвоенной энергией», «Готовы встать на защиту Родины», «Не видать фашистам нашей земли!» и т.п.

Следующие выпуски были наполнены материалами о проявлении высокой степени патриотизма:

-
- Юрий Юрьевич Каргин родился в 1963 году в г. Ульяновске. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Работал учителем, корреспондентом различных газет, редактором службы информации балаковской телекомпании «ТВ Экспресс». Автор краеведческого приложения к газете «Круг», краеведческих телепроектов «Отечество» и «Хронограф», документальной эпопеи (60 фильмов) «Дорогами войны». Неоднократный лауреат областных и российских журналистских конкурсов, первый обладатель областной премии им. саратовского журналиста Александра Никитина (2006 г.) и многих других наград. Составитель и издатель «Балаковской народной энциклопедии», за что удостоен Национальной премии «Лучшие книги и издательства года – 2008», участник краеведческих чтений российского и международного уровня. В 2008–2010 гг. – заместитель генерального директора Международного института генеалогических исследований, заместитель директора ООО «Издательский дом «Шмель», с октября 2011 по май 2012 г. – редактор газеты «Балаковские вести», с сентября 2012 г. по февраль 2014 г. – главный редактор РИА «Облик» (службы информации), один из телеведущих информационной программы «Вовремя» и телепрограмм «Гость в студии» и «В центре внимания». Председатель Балаковского отделения Союза краеведов РФ, ответственный секретарь отделения Российского исторического общества в Саратовской области, член Союза журналистов РФ, Союза краеведов РФ, Российского Союза писателей, Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества.

«В Октябрьском мобилизационном пункте были такие случаи. Выступал хоровой ансамбль. Исполнялась песня о Родине. Когда выступление было окончено, одна из исполнительниц сошла с эстрады и, разыскав комиссара, подала заявление с просьбой о приёме добровольцем в медицинские сёстры...

Жена провожала мужа. Когда он ушёл получать назначение в часть, она явилась к начальнику пункта и заявила о своём желании ехать в любую действующую часть».

(«Коммунист», 26 июня 1941 г.)

«Шлифовщик завода «Универсаль» тов. Курылёв перед уходом в действующую Красную Армию пришёл в отдел кадров со своей женой.

«Вот, – сказал он, – она заменит меня».

Работник планового отдела тов. Герасимов, тоже уходя на фронт, привёл на завод свою дочь. На заводе будет работать и жена слесаря Калистратова, идущего на борьбу с фашистскими бандитами».

(«Коммунист», 25 июня 1941 г.)

«В первые дни войны, когда молодёжь токарного цеха Саратовского судоремонтного завода была призвана на защиту Родины, у секретаря партийной организации собрались старые кадровые рабочие. Нужно было решить, как обойтись без дополнительных рабочих рук. Один из лучших стахановцев цеха А. И. Моршаков высказал общее мнение:

– Мы сами заменим ушедших на фронт. Для этого каждый из нас должен работать вдвое лучше и быстрее. Я лично обязуюсь давать двойную выработку: за себя и своего сменщика».

(«Коммунист», 30 августа 1941 г.)

«Чем бы ни занимались сейчас ребята, они никогда не забывают о том, что идёт война, что их отцы защищают Родину, свободу, счастливое детство советских ребят от жестокого, кровожадного Гитлера. В школах, пионерских отрядах дети с огромным интересом читают газеты, слушают по радио последние известия, и часто можно наблюдать, как на детских лицах появляется выражение ненависти и гнева».

(«Коммунист», 12 июля 1941 г.)

Саратовцы с нетерпением ждали выпуски новостей, доносившиеся из уличных репродукторов.

«Стрелки городских часов близятся к восьми – обычному часу радиопередачи. На улицах у репродукторов собирается народ. Сначала это незаметно, не бросается в глаза в уличной сутолоке. Но чем ближе подползают стрелки к восьми, тем больше и больше становится толпа. А когда в репродукторах начинают шелестеть первые неясные звуки, кажется, что настораживается вся улица».

(«Коммунист», 27 июня 1941 г.)

С 28 июля приказом начальника МПВО (местной противовоздушной обороны) в Саратове организовано круглосуточное дежурство в домоуправлениях, а во всех домах появились бойцы-общественники пожарных звеньев «для дежурств на крышах домов и на чердаках на случай военной тревоги для борьбы с зажигательными бомбами». Город готовился к отражению любой атаки врага. Во дворах создавались так называемые группы самозащиты.

«Группа самозащиты, которая в основном состоит из домохозяек, наводит в своём дворе (91-е домовладение. – Прим. Ю.К.) военный порядок. В течение суток здесь можно видеть кого-нибудь из женщин: это – дежурный по штабу МПВО. Каждый из членов группы твёрдо знает свои обязанности. Тов. Зюзина возглавляет звено дегазаторов, Дисперова – санитаров и т.д.»

(«Коммунист», 6 июля 1941 г.)

На страницах газеты появились первые публикации об оказании помощи семьям мужчин, ушедших на фронт.

«Соседка семьи красноармейца Гурылёва сообщила нам, что жена Гурылёва больна, а двое маленьких детей, 4 лет и 10 месяцев, лишены вследствие этого необходимого ухода. Шефство над семьёй бойца Гурылёва взяла на себя депутат тов. Емец, работница трикотажной фабрики. Ребят она отнесла в детские очаги, мать устроила в больницу.

Кроме причитающегося тов. Гурылёвой пособия она будет получать в течение трёх месяцев материальную помощь от той хозяйственной организации, где работал её муж».

(«Коммунист», 15 августа 1941 г.)

Среди жителей Саратова и Саратовской области началась первая кампания по сбору денег, вещей и продуктов для раненых.

«Трудящиеся Жерновского района (с 1959 г. слился с Петровским районом. – Прим. Ю.К.) организовали сбор подарков бойцам Красной Армии, раненым в боях с фашистскими бандитами. За один день колхозники, рабочие и служащие сёл района принесли в сельсоветы 66 индивидуальных посылок, 10 тыс. 800 яиц, 24 кг мёда, 70 кг масла, мешок пшеницы, 263 полотенца, 30 сорочек, 515 носовых платков, 282 пары носков. В числе подарков имеются также сахар, конфеты, папиросы, туалетное мыло, духи, одеколон, нитки, блокноты, портсигары, бритвенные приборы. На организацию подарков в сельсоветы поступило 2 тыс. 300 рублей».

(«Коммунист», 27 июля 1941 г.)

На страницах газеты появились фронтовые репортажи и патриотические публикации таких известных писателей, как Илья Эренбург, Алексей Толстой и Константин Симонов.

На экранах кинотеатров начали демонстрироваться первые выпуски фронтовых кинорепортажей. С 25 августа – премьера: художественный фильм о советско-финской войне «В тылу врага».

1 августа в драмтеатре им. К. Маркса состоялась премьера спектакля в постановке К. И. Андронникова по пьесе Константина Симонова «Парень из нашего города», действие которой происходит в 1932–1939 гг. Её главный герой, саратовец Сергей Луконин, окончив танковую школу, отправляется на войну с фашизмом в Испанию.

Из объявлений:

«Девушки и женщины! Овладевайте техникой управления автомобилем, обучайтесь в автошколах и на курсах водителей автомашин. Приём на курсы шофёров производится ежедневно в учебном комбинате «Трансэнергокадры» – Б. Горная, 186. Обучение бесплатное. Курсантам выплачивается стипендия 90 руб. в месяц».

(«Коммунист», 16 августа 1941 г.)

«Бани города работают с 8 утра до 11 вечера, в субботу и воскресенье – с 8 до 12. При банях имеются номера с ванной и без ванн. Дети до 7 лет моются бесплатно. Не перегружайте бани в вечерние часы, пользуйтесь баней в дневное время.

Саратовский банно-прачечный трест».

(«Коммунист», 8 августа 1941 г.)

А начиналось лето 1941-го с активной подписки на Государственный заём Третьей пятилетки, объявленный правительством:

«С большим подъёмом прошёл митинг рабочих, служащих и инженерно-технических работников в саратовском депо, посвящённый выпуску займа.

После митинга началась подписка. Каждому хотелось подписаться первым. Бригадир комплексной бригады, орденосеи тов. Кокурошников подписался на 110 рублей. Два брата, машинисты паровоза № 581–27, Фёдор Гнусин подписался на 1500 рублей, Иван Гнусин – на 1100; кочегар этого паровоза тов. Кицук – на 500 рублей».

(«Коммунист», 5 июня 1941 г.)

А в первые дни июня в Саратове, впервые в истории отечественного автомобилестроения была испытана полуторка, работающая на сжиженном газе. Она проехала более 30 км, «брала крутые подъёмы и, несмотря на сильный ветер, развивала скорость до 60 км в час». Среди тех, кто принял участие в её испытании, были основатель кафедры органической химии Саратовского госуниверситета, член-корреспондент Академии наук СССР профессор Владимир Челинцев и, конечно, инициаторы переоборудования грузовика – доцент Клочкиков и главный инженер автоуправления Казовский.

«Несмотря на то, что вся аппаратура была сделана полукустарным способом, пробег показал, что и при такой аппаратуре машина является вполне работоспособной. Как показал опыт, есть все возможности к переводу автотранспорта на этот высокоценный заменитель бензина», – писала газета «Коммунист» 8 июня.

ОСЕНЬ 1941-ГО

Одно из главных мест в первых сентябрьских номерах саратовского «Коммуниста» было отведено материалам о начале учебного года. Акцент был сделан на том, что, несмотря на военное время, занятия в школах Саратова и Саратовской области начались организованно.

«Восемь часов утра. Широко раскрыты двери 70-й саратовской школы. Чисто выбелены и выкрашены уютные классные комнаты. Их заполнили отдохнувшие за лето ученики. Они заранее знали расписание уроков, знали, в какой комнате будет заниматься их класс, в школу пришли с учебниками и тетрадями.

Учительница Ольга Михайловна Оленина поздравляет ребят четвёртого класса «А» с началом нового учебного года.

«В нынешнем году, – говорит она, – мы будем учиться в новых, необычных условиях. Красная Армия и весь советский народ героически защищают нашу Родину от фашистских захватчиков. Юные патриоты, чем могут, помогают своим отцам и старшим братьям. Многие из вас в дни летних каникул работали на колхозных полях, помогали убирать хлеб. Сейчас, придя в школу, вы должны учиться только на «хорошо» и «отлично».

(«Коммунист», 3 сентября 1941 г.)

К тому времени бойцы на фронте уже стали получать первые подарки и присылать письма со словами благодарности. Одно из них получили ребята Дворца пионеров:

«Здравствуйте, дорогие товарищи пионеры! Шлём свой горячий фронтовой красноармейский привет! Сообщаем, что ваши подарки дошли по назначению. Красноармейцы горячо благодарны за них. Бойцы и командиры, находясь на фронте, никогда не забывают и не забудут о своих матерях, сёстрах, братьях и детях. В жестоких схватках с врагом с исключительным хладнокровием и стойкостью они сражаются на поле брани, чтобы разгромить, уничтожить врага и обеспечить спокойную жизнь своим семьям. Ваша забота, дорогие ребята, воодушевляет бойцов и командиров на новые боевые подвиги.

Группа бойцов и командиров».

(«Коммунист», 20 сентября 1941 г.)

«Много писем поступает в эти дни в Саратовскую почтовую контору. Часто адреса бывают не совсем точны: не указан номер дома, квартиры, перепутано название улицы, но письмоносыцы-стахановцы аккуратно доставляют и эти письма адресатам».

(«Коммунист», 20 ноября 1941 г.)

В сентябре же по инициативе женщин Новобурасского района была объявлена кампания по сбору зимних тёплых вещей для фронта:

«Пусть собранные нами валенки, тёплые перчатки и носки помогут красным воинам в холодную зимнюю пору крепче громить озверелого врага, пусть эти подарки явятся новым доказательством материнской заботы советских женщин о славных наших героях, защищающих каждую пядь родной земли. Со своей стороны мы уже подготовили в подарок доблестным бойцам 1755 пар тёплых шерстяных носков, 1819 пар перчаток и 336 пар новых валенок».

(«Коммунист», 10 сентября 1941 г.)

Активно пополнялся и Фонд обороны, причём не только деньгами, но и драгоценностями:

«Недавно в фонд обороны банк принял кольцо с 22 бриллиантами и серьги с 17 бриллиантами. Кольцо и серьги оценены в 2700 рублей. Патриотка Данилова принесла в народный фонд золотое кольцо весом в 10 г, Волгина сдала золотое кольцо с двумя бриллиантами. Каждый взнос неизменно сопровождается словами: «Передайте в фонд обороны».

(«Коммунист», 9 ноября 1941 г.)

17 сентября было подписано постановление Государственного комитета обороны (ГКО) «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В результате стали открываться военно-учебные пункты, а в учебных заведениях вводился новый учебный предмет – «Военное дело».

«Ровно в 5 часов утра 1 октября на военно-учебных пунктах Кировского района г. Саратова раздалась команда: «Смирно». Первый день всеобщего обязательного военного обучения начался. В составе обучающихся в утренние часы – работники первых смен саратовских предприятий».

Первое занятие посвящено знакомству с дисциплинарным уставом РККА и организационным вопросам. Политруки пунктов провели беседы о военно-политическом значении постановления Государственного Комитета обороны о всеобщем обязательном военном обучении граждан СССР.

Организованно, в деловой обстановке прошли занятия на военно-учебном пункте, образованном при трампарке. Для военной учёбы отведено одно из лучших помещений. На стенах просторной комнаты размещены муляжи, плакаты, чертежи и другие военные пособия. Здесь собираются рабочие и служащие, инженеры и техники заводов, фабрик и учреждений города, проживающие на территории Кировского района.

Ровно в 7 часов утра занятия утренней группы закончились. К пяти часам вечера на военно-учебные пункты явились трудящиеся, занятые во второй смене».

(«Коммунист», 2 октября 1941 г.)

При этом саратовцы и сами стремились получить дополнительные знания по военной подготовке:

«В первые дни войны в Волжский райком Красного Креста пришла группа женщин с просьбой помочь им приобрести знания и навыки медицинских сестёр и дружинниц. Райком удовлетворил просьбу патриотов. Были организованы курсы медсестёр, и женщины самых разнообразных специальностей и возрастов с одинаковым увлечением и упорством взялись за учёбу».

(«Коммунист», 22 октября 1941 г.)

«По инициативе комсомольской организации на ремонтно-механическом заводе г. Энгельса организована группа истребителей танков. В группу записалось 28 молодых рабочих. В программу занятий входят маскировка, бросание гранат и бутылок с горючей смесью».

(«Коммунист», 12 ноября 1941 г.)

В условиях военного времени саратовцы начали осваивать новую продукцию.

«Коллектив сотрудников кафедры физической химии Саратовского государственного университета под руководством проф. Н. А. Шлезингера после ряда экспериментов нашёл заменитель резины. Изготовленная из него противогазная маска была подвергнута испытанию на хлор, хлорпикрин и иприт в специальной камере. Испытание дало хорошие результаты».

(«Коммунист», 14 ноября 1941 г.)

«Выпущены первые 100 пар лыж фабрикой № 2 Волжского райпромкомбината г. Саратова. До конца года фабрика изготовит две тысячи пар высококачественных лыж».

(«Коммунист», 27 ноября 1941 г.)

Проявлялась забота и о быте саратовцев.

«В Волжском районе г. Саратова открыт новый детский сад на 60 мест. На днях примет ещё 60 детей-дошкольников детский сад № 41 того же района».

Прекрасное здание с отдельным двором на Вознесенской улице отведено для вновь открывающегося детского сада, рассчитанного на 90 детей. Оборудуются также детские сады на улицах Тулушной и Чернышевского. Они будут обслуживать 160 ребят дошкольного возраста.

Всего за время войны детские учреждения Волжского района вновь приняли 470 ребят, главным образом, детей бойцов, призванных в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

(«Коммунист», 2 октября 1941 г.)

На трудовые и боевые подвиги саратовцев вдохновляли работники культуры. Причём к ним присоединились представители самых известных в СССР творческих коллективов, в том числе преподаватели и студенты Московской консерватории.

«Работники искусства Саратова в дни Отечественной войны активно участвовали в шефских концертах на призывных пунктах области.

Коллектив артистов областного драмтеатра им. К. Маркса дал 115 шефских концертов. Из пяти творческих бригад, созданных при театре, особенно хорошо и энергично работают бригады под руководством заслуженного артиста РСФСР П. А. Карганова и артиста Г. Н. Несмелова. С большим энтузиазмом выступают на концертах артисты Вагин, Стрижова, Степурина, Бржеский, молодые актрисы-комсомолки Водяницкая и Максимова.

140 самостоятельных шефских концертов дал коллектив актёров областного театра оперы и балета им. Чернышевского.

С интересным и разнообразным репертуаром выступают на шефских концертах артисты эстрады, работающие при концертном бюро. Особенно активно участвуют в шефских концертах народный артист, орденосец Шумский (художественное слово), Зоя Солович (пение), Татьяна Ольшевецкая (художественное чтение)».

(«Коммунист», 25 сентября 1941 г.)

«Оперой «Иван Сусанин» первым открыл зимний театральный сезон в Саратове областной театр оперы и балета им. Чернышевского. Театр покажет новые постановки: «Чапаев», «Суворов», «Ромео и Джульетта». В спектаклях принимают участие солисты Большого театра СССР Шпиллер и Макасова, заслуженная артистка УССР Станиславова, заслуженная артистка БССР Друкер.

Драмтеатр им. Карла Маркса открыл сезон пьесой «Продолжение следует» в постановке заслуженного деятеля искусств Ростовцева».

(«Правда», 14 октября 1941 г.)

«15 октября пьесой Мдивани «Батальон идёт на запад» открывается зимний сезон в Энгельсском драматическом театре.

Труппа в нынешнем сезоне пополнена новыми актёрами. На работу в театр приглашены артисты ленинградских и курского театров: Тархов, Южанов, Семёнов, Алексеева, Аршанская. Художественный руководитель театра – заслуженный артист РСФСР тов. Канин. В репертуаре театра значительное место отведено антифашистским и оборонным пьесам, в частности, будут показаны спектакли «Профессор Мамлок», «Парень из нашего города», «Доблесть».

(«Коммунист», 14 октября 1941 г.)

«Мы открываем необычный сезон. Нам предстоит встреча с новым зрителем. На нас лежит огромная ответственность за каждое наше выступление.

Наша цель – постепенно развернуть перед зрителями Саратова все художественные возможности театра. Мы хотим, чтобы в тех спектаклях, которые составят репертуар МХАТ на ближайшее время, и в тех, которые расширят этот репертуар в будущем, перед нашей новой аудиторией возник подлинный облик Художественного театра».

(Из статьи народных артистов СССР И. М. Москвина и Н. П. Хмельова. «Коммунист», 11 ноября 1941 г.)

Примечание: «Необычный» сезон мхатовцы открыли 11 ноября на сцене ТЮЗа спектаклем «Анна Каренина» по роману Л. Н. Толстого, а 13 ноября состоялась творческая встреча со зрителями.

«24 ноября в Большом зале Саратовской консерватории состоялся первый концерт симфонического оркестра Московской государственной консерватории под управлением профессора Григория Столярова. В состав вновь созданного оркестра вошли профессор и преподаватели Московской и Саратовской консерваторий, в том числе ряд выдающихся музыкантов нашей страны (профессора Л. М. Цейтлин, Я. Н. Рабинович, А. Л. Бессмертный и В. В. Заяц, лауреаты всесоюзных конкурсов исполнителей С. Кнушевицкий, М. Затуловский, Я. Слободкин, М. Питкус), а также лучшие, наиболее талантливые студенты».

(«Коммунист», 27 ноября 1941 г.)

Появились осенью и первые нарушители законов военного времени.

«В соответствии с постановлением штаба МПВО в Саратове введена полная светомаскировка. С большой тщательностью жители города затемняют окна своих квартир, охраняя безопасность города. Но есть, к сожалению, люди, которые грубо нарушают правила светомаскировки.

Е. И. Мироновой, проживающей по Астраханской улице в доме № 118 (кв. 81), неоднократно указывали на то, что в её квартире окно не замаскировано и через него на улицу проникает яркий свет. Однако замечания управдома не подействовали на Миронову. За систематическое нарушение режима светомаскировки она оштрафована милицией на 100 руб.».

(«Коммунист», 21 октября 1941 г.)

«Софью Генриховну Раш вряд ли можно назвать колхозницей, хотя она состояла членом сельскохозяйственной артели «Рот Фронт» села Рейнвальд Красноярского района. 25 трудодней заработала Раш за этот год, не выработывала минимума трудодней она и за прошлые годы. С первых же дней войны Софья Раш стала распространять антисоветские сплетни, охотно поверяла своим доверчивым соседкам «только что полученные важные новости», вела контрреволюционные разговоры.

Вражеская деятельность распространителя контрреволюционных сплетен, возбуждающих тревогу среди населения, пресечена. Военным трибуналом г. Саратова <...> осуждена на три года тюремного заключения».

(«Коммунист», 13 ноября 1941 г.)

ЗИМА 1941–1942-ГГ.

В январе 1942 года на страницах газеты «Коммунист» был опубликован очерк А. Кривицкого о подвиге 28 героев-панфиловцев, где упоминался политрук Василий Клочков. Правда, о том, что он – уроженец с. Синодское Воскресенского района Саратовской области, никто тогда не знал.

Помимо фронтовых сводок, материалов о зверствах фашистских захватчиков и очерков о подвигах советских солдат газета публиковала информацию о том, какая оказывалась помощь семьям фронтовиков. Так, председатель комитета завода «Трактородеталь» Е. Коростылёва рассказывала («Коммунист», 10 января 1942 г.):

«У бывшего рабочего завода, ныне бойца действующей Красной Армии Надьсы дома остались жена и трое детей. Жена работает в трамвайном

парке. Как быть с детьми? Заводской комитет определил ребят в детский сад, и они содержатся там за счёт завкома.

Ушёл на фронт рабочий Питченко. У него жена и четверо детей. Когда выяснилось, что семья нуждается в топливе, заводской комитет договорился с дирекцией завода, и семье фронтовика были на заводском транспорте доставлены дрова.

В семье фронтовика Селезнёва трое школьников. У детей истрепалась одежда. Заводской комитет приобрёл материю, вату, помог матери шить детям пальто».

Регулярно корреспонденты информировали и о том, какую помощь оказывали саратовцы бойцам Красной Армии. Необычный подарок для них подготовили железнодорожники. Они за свой счёт оборудовали два поезда-бани с вагоном-клубом и прекрасно оборудованными душевыми, парными, раздевалками и дезкамерами. А Саратовский клуб служебного собаководства подготовил для Красной Армии 225 служебных собак.

Одна из главных задач, поставленных перед предприятиями и учреждениями прифронтового Саратова, – научиться обходиться своими силами в обеспечении населения теми товарами, которые раньше поставлялись из регионов, оказавшихся теперь в зоне военных действий. В связи с этим в городе стали появляться новые производства, которые должны были покрыть возникший дефицит.

Предприятия местной промышленности начали производить зажигалки с использованием камней для них из местных недефицитных материалов. Причём за наилучший метод изготовления камней исполком Саратовского горсовета назначил две премии в 5 тыс. рублей.

Мастерские Саратовского аптекоуправления стали изготавливать электро-статмашины, применяемые при лечении нервных заболеваний; наладили производство трёхблочных шин Беллера, употребляемых для вытяжки конечностей при различных травмах, и шин для кистей рук, сконструированных профессором Полуэктовым; приступили к выпуску столиков для хранения хирургических инструментов, операционных столов, костылей, носилок, бинтоматальных машин и металлических грелок.

Гребёночная фабрика одного из райпромкомбинатов Саратова начала выпускать спички, состав зажигающейся массы для которых был разработан инженером фабрики Зайдельсоном.

В Саратовской области было открыто 14 мастерских по пошиву одежды и обуви и более 100 ремонтных мастерских, организованных облпромсоветом.

Саратовский плодovinзавод освоил новый вид продукции – вино из помидоров и арбузов, запланировав выпустить в 1942 году 10 тыс. гекалитров.

При Саратовском горпищекombинате начал работать цех по выработке макаронной крупки.

На заводе Саратовского облпотребсоюза освоено производство ушивальников, применяемых для починки сбруи и сшивки приводных ремней, не уступающих по качеству сыромятной коже.

Бытовой цех Саратовского промхимкомбината наладил изготовление восковых и парафиновых свечей.

Повсеместно в регионе стали возникать небольшие цеха по производству мыла.

По мере возможности решались и бытовые проблемы жителей Саратова. Так, работники Саратовской городской телефонной станции к 24-й годовщине Красной Армии в свободное от основной работы время оборудовали новую телефонную станцию, рассчитанную на 200 номеров, а по решению горисполкома в городе было открыто около 30 закусовых.

Однако проблемы всё равно оставались.

Читатели возмущались грязью на улицах и во дворах.

«У Саратовского вокзала, на углу Ленинской и Аткарской улиц, – большой дом № 31. Принадлежит он железнодорожникам. В этом доме можно встретить работников прокуратуры, милиции, но никого из них не беспокоит санитарное состояние дома и прилегающего к нему участка. Они равнодушно проходят через груды нечистот. Вся площадка вокруг дома загрязнена. На тротуарах – кучи отбросов. С первым же теплом этот участок станет очагом эпидемических заболеваний».

(«Коммунист», 21 февраля 1942 г.)

Несмотря на военное время, проблемы были и на предприятиях, выполняющих оборонные заказы.

«Саратовская фабрика несгораемых шкафов работает исключительно плохо. Производственную программу она из месяца в месяц не выполняет и наполовину. Ещё хуже обстоит дело с оборонными заказами. Один из них был дан ещё полгода тому назад, но он всё ещё осваивается производством.

Труд людей не механизирован. В цехах грязь и холод. Рабочие места утопают в различных отходах производства. Простои рабочих по несколько часов в день стали системой. Ежедневно с 8 до 11 часов утра из-за того, что на фабрике заблаговременно не топят печи, люди вынуждены отогреваться в штамповально-инструментальном цехе, где немного теплее, чем в других цехах. Неудивительно, что простои оборудования на фабрике достигли огромных размеров. Оборудование загружено не больше, чем на 20 процентов. Вот почему фабрика ежемесячно недодаёт стране на десятки тысяч рублей продукции и срывает выполнение оборонных заказов» – сообщал конструктор фабрики М. Гаммов.

(«Коммунист», 14 февраля 1942 г.)

А 10 и 11 февраля 1942 года в городе впервые произошли большие перебои с хлебом. У магазинов скапливались большие очереди. Это было связано с тем, что из-за аварии на водопроводе остановилось производство на одном из хлебозаводов, а через несколько дней один из них и вовсе был закрыт на неотложный ремонт. Чтобы наладить снабжение города хлебом, Горторготделу пришлось принимать срочные меры. Все остальные хлебозаводы и пекарни получили дополнительное задание по выпечке хлеба. В магазины было завезено 110 тонн муки, которая продавалась по хлебным карточкам. До окончания ремонта хлебозавода печёный хлеб можно было купить только на один день. При этом хлебные карточки, если их не успевали отovarивать, оставались действительными и на следующий день.

Остро стояла проблема безнадзорности детей.

«На улицах, в кино, магазинах, днём и вечером в городе можно встретить безнадзорных детей, которые ведут себя не так, как подобает советским школьникам: дерутся, задевают прохожих, катаются на трамвайных подножках, прицепляются к машинам. За последнее время возросло количество несчастных случаев с детьми. Так, в начале декабря на углу улиц 20-летия

ВЛКСМ и Вольской ученик 1-го класса 14-й средней школы Вячеслав К. прицепился к трактору. Мальчика захватило гусеницами, и он погиб. Недавно на Б. Горной улице неизвестный подросток, катавшийся на трамвайной «колбасе», сорвался под прицепной вагон и был раздавлен. На Чернышевской улице попал под машину Борис Б.

– Война усложнила наш быт, внесла много трудностей в жизнь школы. Во многих семьях дети на целый день остаются одни и часто, вместо того чтобы идти в школу, болтаются по улицам, – с сожалением отмечала директор института усовершенствования учителей, депутат Верховного Совета РСФСР. Е. Каменкова. – Нужно организовать (и немедленно!) постоянные посты комсомольцев, домохозяйек-общественниц, учителей, которые задерживали бы детей, озорующих на улицах, сообщали о них в школу и родителям, помогали матерям воздействовать на ребёнка, – призывала она».

(«Коммунист», 8 января 1942 г.)

Поэтому делалось всё возможное, чтобы увести детей с улицы. Так, например, при Саратовском клубе Морского флота были организованы курсы юных моряков, а при Саратовском комитете по делам физкультуры и спорта открыта детская спортивная школа с гимнастической, лыжной и фехтовальной группой. Тем не менее не все относились к решению проблемы детской безнадзорности с должным вниманием.

«...В городе есть замечательный детский парк с лыжной станцией. В штабелях стоит здесь около 300 пар лыж. Но... в помещении лыжной станции грязно. Оно завалено обломками декораций, старыми плакатами. Холодно. Лыжнику негде обогреться, переодеться. Дети здесь редкие гости. В дневнике станции мелькают две-три школы, ученики которых иногда приходят за лыжами. А как прекрасно можно поставить здесь подготовку юных лыжников, будущих бойцов! Но для этого нужно наконец заняться настоящим делом, а не вести ненужные ведомственные разговоры о лыжной подготовке ребят», – призывал «Коммунист» 16 декабря 1941 года.

Зимой 1941–1942 гг. на страницах газеты появилось очень много публикаций о преступлениях. В то время, как одни трудились не покладая рук для фронта, для победы, другие использовали трудности военного времени в своих интересах.

С. И. Кирсанов, Я. Ф. Гуров и И. В. Воронежский закупами в колхозах коров, пользуясь подложными справками, забивали их на бойне и продавали мясо на рынках города по спекулятивным ценам, а С. И. Иванова «развезжала по районам области, скупала у колхозников яйца и масло и затем втридорога перепродавала эти продукты».

«Заведующий магазином № 112 1-го Саратовского пищеторга Ф. А. Сорокин, его заместитель Н. Ф. Барсуков и продавец А. С. Самохвалова систематически занимались расхищением нормированных продуктов, отпускаемых населению. При обыске в магазине были обнаружены тщательно припрятанные и замаскированные мешок сахара, 13 литров растительного масла и 400 пачек махорки.

Во время обыска расхитители пытались скрыть припрятанные товары, перетаскивая их в более укромные места, но были задержаны с поличным.

Преступники арестованы и в скором времени предстанут перед судом».

(«Коммунист», 11 февраля 1942 г.)

Не упустили случая поживиться государственным добром и железнодорожники.

«Военный трибунал Рязано-Уральской железной дороги рассмотрел на днях дело группы машинистов, обвиняемых в хищении социалистической собственности. Из поезда с товарами они в пути следования похитили из вагонов во время стоянок на станциях 7 мешков муки и 600 кусков мыла. Похищенную муку и мыло грабители прятали в топки паровозов. Помимо этого они украли 5 тулупов».

(«Коммунист», 14 февраля 1942 г.)

Часть преступлений удавалось раскрывать благодаря бдительности саратовцев:

«Трудящиеся Саратова активно помогают органам милиции бороться со спекуляцией, разоблачать мародёров и перекупщиков, дезорганизирующих советскую торговлю. По сигналам трудящихся милиции удалось обнаружить и пресечь преступную деятельность многих спекулянтов, занимающихся скупкой и перепродажей промышленных и продуктовых товаров», – сообщил через газету заместитель начальника областного управления рабоче-крестьянской милиции И. Г. Симонов.

(«Коммунист», 27 декабря 1941 г.)

А в феврале 1942 года Саратовский уголовный розыск ликвидировал крупный притон, где было задержано 330 воров-рецидивистов.

Тем временем культурная жизнь города кипела.

18 декабря в Большом зале Саратовской консерватории впервые состоялся радиоконцерт «Мастера великого русского искусства – украинскому народу». На концерте присутствовали стахановцы предприятий, представители советской интеллигенции, видные деятели науки и искусства.

Народный артист УССР, орденосеиц Ю. В. Шумский (художественный руководитель Украинского радиокомитета, радиостанция которого находилась в Саратове и транслировала передачи на оккупированные земли Украины. – Прим. Ю.К.) зачитал приветствие, присланное писателем-орденосеицем Александром Корнейчуком.

В концерте приняли участие симфонический оркестр консерватории им. П. И. Чайковского под руководством профессора Г. И. Столярова, солистка Большого Академического театра Н. Д. Шпиллер, народные артисты СССР А. К. Тарасова и Н. П. Хмельёв, исполнившие сцены из спектакля «Анна Каренина»; с подъёмом сыграли одну из сцен пьесы К. Тренёва «Любовь Яровая» народный артист СССР Б. Н. Ливанов, заслуженный артист РСФСР С. Г. Яров и артист Сухарев.

В Саратовском драмтеатре состоялась премьера спектакля по пьесе К. Липскерова и А. Кочеткова «Надежда Дурова» (режиссёры Л. Ф. Дашковский и Б. Г. Голубовский):

«Актриса В. Г. Баранова сумела сделать образ патриотки 1812 года созвучным сегодняшним дням, и поэтому, когда Надежда Дурова провозглашает здравицу российским войскам и крестьянам, «что подняли рогатки на гостя неурочного», и полководцу мудрому, «что к славе ведёт страну родимую», зрительный зал бурно аплодирует не только героям 12-го года и фельдмаршалу Кутузову, но и доблестным воинам Красной Армии, и гениальному полководцу великого советского народа Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Большое впечатление оставляет фельдмаршал Кутузов. В этой небольшой роли ещё раз блеснул своим мастерством народный артист РСФСР И. А. Словнов».

(«Коммунист», 10 января 1942 г.)

Московская консерватория им. П. И. Чайковского подготовила цикл специальных концертов для пионеров и старших школьников и провела концерт, средства от которого пошли на постройку танковой колонны им. Героя Гражданской войны, народного полководца В. И. Чапаева.

16 декабря в кинотеатре «Пионер» состоялась премьера художественного фильма «Валерий Чкалов», которая закончилась встречей с исполнителем главной роли В. В. Белокуровым.

Отдел агитации и пропаганды Саратовского горкома ВКП(б) и областное управление кинофикации с 10 февраля 1942 года организовали в четырёх пунктах города киносеансы на открытом воздухе.

Но главным событием культурной жизни прифронтового Саратова стала премьера МХАТа – спектакль по пьесе Н. Погодина «Кремлёвские куранты». Она состоялась 22 января 1942 года. «В этот вечер мы, артисты МХАТа, подводим итог своей двухлетней напряжённой работы над пьесой, работы, полной непрерывных творческих исканий, неустанного совершенствования и отделки всех компонентов спектакля», – обращался к зрителю через газеты заслуженный артист РСФСР А. Н. Грибов, который сыграл в спектакле роль вождя пролетарской революции В. И. Ленина.

«В постановке «Кремлёвских курантов», которая осуществлена в режиссуре народных артистов СССР В. И. Немировича-Данченко, Л. М. Леонидова и М. О. Кнебель, прежде всего бросается в глаза удивительная гармоничность всех элементов спектакля: актёрского исполнения, режиссуры и художественного оформления, – так свойственная вообще Художественному театру», – писал театральный критик Л. Жак.

(«Коммунист», 29 января 1942 г.)

Но артистам хватало работы и на фронте.

«Для художественного обслуживания бойцов действующей армии Юго-Западного фронта выехала бригада работников искусств г. Саратова. От коллектива областного театра оперы и балета на фронт выехали заслуженная артистка УССР Станиславова, артисты Басманов, Галкин и Баранова. Театр драмы выделил в эту бригаду артистов Слабиняка и Калачёву. От артистов цирка выехали Зонов и Чеколтан. От концертно-эстрадного бюро – Егоров и ассистент Московской консерватории Питкус. Кроме артистов саратовских театров в состав бригады вошли также представители коллектива МХАТ им. Горького – заслуженный артист РСФСР Кудрявцев, артисты Недзведовский и Андерс».

(«Коммунист», 17 января 1942 г.)

ВЕСНА 1942 ГОДА

Одним из главных событий первого весеннего месяца 1942-го стала премьера документального фильма «Разгром немецких войск под Москвой».

«Этот фильм потрясает. Никакие репортажи с фронтов Отечественной войны, никакие рассказы людей, видевших зверства фашистских извергов, не могут произвести такого впечатления, как документальный фильм.

С чувством восхищения следишь за боевыми действиями доблестной Красной Армии, неудержимо рвущейся вперёд, сметающей сопротивление врага. Инженер В. Косырева».

(«Коммунист», 5 марта 1942 г.)

В марте же вся область узнала о подвигах в мирное время токаря саратовского завода «Серп и молот», а в военное – командира эскадрильи капитана Бориса Ерёмину.

«8 марта, прикрывая наступление наших войск, шесть советских лётчиков во главе со своим командиром Ерёминим встретились с пятью фашистскими бомбардировщиками и четырьмя истребителями.

Сталинские соколы смело атаковали фашистских стервятников, подбили один бомбардировщик и два истребителя, остальных отогнали от цели. На обратном пути лётчики подбили ещё один истребитель, который рыскал по дорогам в поисках цели».

А на другой день эскадрилья Ерёмину вступили в бой с ещё бóльшим количеством фашистских самолётов – с семью бомбардировщиками и восемнадцатью истребителями – и снова вышла победителем, сбив пять крылатых машин врага.

«Подвиг Бориса Ерёмину воодушевляет наш заводской коллектив на ещё более самоотверженный труд, зовёт к новым производственным победам, к усилению помощи фронту. Мы будем работать по-фронтовому. Отдадим все свои силы и знания делу разгрома подлых немецких оккупантов. Мы сделаем передовым завод, где работал и пришёл в ряды доблестной Красной Армии наш славный земляк, командир Борис Ерёмин. П. Казаков, мастер участка саратовского завода «Серп и молот».

(«Коммунист», 19 марта 1942 г.)

А чуть позже саратовцы узнали ещё об одном лётчике-герое и земляке Михаиле Осипове, который в одном из боёв протаранил вражеский самолёт и остался жив.

«В Саратов на специальном самолёте прилетел представитель Военно-воздушных сил Южного фронта капитан А. П. Кардаш. Командование поручило ему передать письмо и посылку матери героя и рассказать о боевых делах сына».

(«Коммунист», 31 марта 1942 г.)

В марте впервые саратовцы стали собирать вещи для жителей освобождённых районов.

«Недавно на одном из собраний членов нашей артели мы рассказали о том, что по инициативе комсомольской организации трудящиеся нашей области проводят сбор вещей для населения Тульской области, ограбленного фашистскими мерзавцами. Рассказ о невероятно тяжёлых страданиях жителей районов, временно находившихся в руках оккупантов, о неслыханных издевательствах и мучениях, которым подвергались они от рук немецких палачей, о повальном грабеже, учинённом гитлеровскими бандитами в этих районах, глубоко взволновал всех присутствовавших на собрании.

На следующий же день в комитет комсомола стали поступать различные вещи, и вскоре мы сдали в райком комсомола первые сто вещей: несколько детских пальтишек, джемперы, фуфайки, мужские верхние и нижние рубахи, много шапочек, чулки и другие самые разнообразные вещи. Антонина Назарова, секретарь комсомольской организации артели им. Розы Люксембург».

(«Коммунист», 8 марта 1942 г.)

В газете появились публикации о том, как школьники помогают раненым. «Школьники Саратовской 12-й средней школы – частые гости в госпитале, где начальником тов. Колодезная. Ребята всячески стараются порадовать раненых бойцов: собирают для них художественную литературу, мастерят подарки, вышивают салфетки для палат. Большую радость доставляют бойцам выступления детской художественной самодеятельности. Школьники провели в госпитале 17 концертов. Особенным успехом пользуется у бойцов литературно-музыкальный монтаж «Вперёд, за Родину!», выступления Лиды Виноградовой, Светланы Бредовой и Милы Крыловой».

(«Коммунист», 10 мая 1942 г.)

Тогда же повсеместно начали создаваться специальные комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. В связи с этим Саратовский горсовет обязал финансовый отдел выделить средства на открытие нового детского приёмника-распределителя для безнадзорных ребят, на единовременные пособия, на приобретение одежды, обуви и постельных принадлежностей.

В марте сотрудниками НКВД был разоблачён немецкий шпион, которого в газете назвали Касьяном.

«...Когда-то под Саратовом у него был свой фруктовый сад, обнесённый высоким частоколом и охраняемый собаками. В саду гнула спину сельская беднота, а он с отцом – тучным жандармом – лишь по-хозяйски покрикивал на работников».

Затем сад был передан колхозу, отца Касьяна, кулака и бывшего жандарма, осудили за саботаж выполнения государственных обязательств, а сам Касьян, боясь репрессий, в 1929 году сбежал из деревни. В погоне за длинным рублём метался он из конца в конец СССР и нигде не находил себе места среди трудолюбивых советских людей. Не находил потому, что не любил трудиться и никогда не трудился».

В сентябре 1941-го Касьян был мобилизован на спецработы в районе Вязьмы и, когда здесь разгорелись жестокие бои, сдался немцам. Затем он согласился работать на них, сообщать им интересующие их сведения и, получив деньги, вернулся в Саратов с особой миссией.

«Ты будешь у нас городским головой, когда мы придём в Саратов, – пообещал ему офицер. – Ты будешь выдавать нам всех известных тебе коммунистов и лиц, проявивших какую-либо активность при советской власти, а в дальнейшем устанавливать тех, которые скрылись».

«Я согласился, – показывает изменник, – и заявил офицеру, что это задание буду выполнять охотно. Я хотел это сделать, намереваясь тем самым отомстить советской власти за отца и завоевать перед немцами авторитет, чтобы пробить себе карьеру».

«Выше революционную бдительность – такой вывод должен сделать из этого каждый советский человек, – писала газета. – Фашистская охранка засылает к нам в тыл свою агентуру. Будем выводить на чистую воду подлых лакеев Гитлера. К. Гусев».

(«Коммунист». 31 марта 1942 г.)

В городе и области продолжалась кампания по открытию новых производств и предприятий, призванных покрыть дефицит некоторых видов продуктов и промышленных товаров.

Саратовский горместпром оборудовал мастерскую, которая принимала от населения перегоревшие электролампы и восстанавливала их.

Саратовская артель «Механик» освоила производство металлических ложек и мисок.

Столярная мастерская Кировского райпромкомбината г. Саратова наладила массовый выпуск дубовых стульев.

Аткарский леспромхоз из отходов, получаемых на мясокомбинате, стал выпускать расчёски и гребёнки.

Вольский техникум строительных материалов и отделение аптекоуправления наладили производство зубного порошка. Мел из пригородных гор перерабатывался на специальных мельницах. Затем он смешивался с мятными маслами, просеивался и расфасовывался в пакетики.

В Вольске же приступили к работе два новых предприятия пищевой промышленности: булочная и цех по изготовлению лапши. Булочная ежедневно выпекала 1000–1200 булочек для детских площадок и школьных буфетов, а цех по изготовлению лапши обязался выпустить до конца года 55 т продукции.

В балаковской артели «Красный пищевик» начали выпекать пряники.

Новоузенская контора маслопрома наладила изготовление простокваши, плавленого сыра, молочной колбасы, киселя, молочного кваса и вареников из творога.

Чтобы хотя бы частично компенсировать недостаток продуктов, Саратовский горисполком начал выделять участки для индивидуальных огородов на пойменных землях в окрестностях Саратова: на Зелёном и Казачьем островах, в районе Энгельса, дачных остановок и домов отдыха. Желание заняться огородничеством проявило более 90 тысяч семей рабочих и служащих предприятий и учреждений Саратова.

Но общественность города была обеспокоена недостатком не только продуктов и товаров первой необходимости, но и детских игрушек:

«...Игрушка занимает важное место в воспитательной работе. Отечественная война призвала тысячи домашних хозяек к труду на фабриках, заводах, в колхозном производстве. В огромной степени выросла роль детских учреждений, возрос спрос на детскую игрушку.

Странно, почему не понимают этого руководители областного отдела народного образования и торгующих организаций? Казалось бы, наоборот, именно они должны были позаботиться о новом ассортименте игрушек, отвечающем воспитательным задачам в дни Отечественной войны. Н. Шаталов».

(«Коммунист», 7 мая 1942 г.)

Проблем в городе было предостаточно. Весной, в первую очередь, обнажились недостатки в поддержании чистоты. Санитарному состоянию города была посвящена 12-я сессия Саратовского горсовета депутатов трудящихся, которая состоялась 30 марта. Сессия обсудила один вопрос: санитарное состояние города.

«Плохая работа коммунальных и жилищных организаций, органов здравоохранения, консерватизм руководителей отдельных предприятий и почти полное отсутствие санитарно-просветительской работы привели к тому, что город загрязнён и запущен, — с горечью констатировал в своём докладе председатель горисполкома Ключников. — Во многих домах ещё в начале зимы была выведена из строя канализация. Ни трест водоканализации,

ни коммунальный отдел горсовета не приняли срочных мер к её восстановлению, и это создало условия для ещё большего загрязнения города».

Озабочен был горсовет и антисанитарным состоянием на некоторых предприятиях. Вызывала беспокойство и плохая работа санпропускников и бань. По данным горсовета, только за три месяца 1942 года бани города простояли 2886 часов, санпропускники горздравотдела вместо 275 тысяч человек обслужили лишь половину, а санпропускники предприятий работали ещё хуже: вместо 147 тысяч человек в них прошли обработку только 13 тысяч.

«Санитарное дело есть оборонное дело. Оно тесно связано с охраной здоровья трудящихся. От качества санитарного обслуживания населения зависит отправка на фронт здорового пополнения, зависит бесперебойная работа предприятий, обслуживающих фронт», – говорилось на сессии.

Исправление недостатков депутаты поручили новому заведующему горздравотделом С. А. Динес.

(«Коммунист», 2 апреля 1942 г.)

За халатность и бесхозяйственность можно было поплатиться не только снятием с должности, но и свободой. Так, народный суд 3-го участка Октябрьского района г. Саратова приговорил к лишению свободы сроком на два года коменданта общежития Саратовского ремесленного училища № 14 С. И. Лаврушину:

«Было установлено, что учащиеся живут в холодных и грязных комнатах. Стены здания и мебель не очищаются от пыли и паутины. Из-за бесхозяйственного пользования дровами температура в общежитии в зимние месяцы доходила до двух градусов мороза.

На предварительном следствии выяснилось, что Лаврушина приняла в августе прошлого года здание общежития ремесленного училища и инвентарь в полном порядке. И только в результате преступной бездеятельности она довела общежитие до такого состояния.

Лаврушина не позаботилась о своевременном ремонте печей, не заключила договоров с санпропускником, баней и прачечной. Грязное и чистое бельё учащихся хранилось в общей кладовой. Учащиеся, проживающие в общежитии, не посещали бани, не были обеспечены кипячёной водой. Всё это вызвало простудные и инфекционные заболевания».

(«Коммунист», 9 апреля 1942 г.)

На страницах газеты появилась жалоба и на нерадивость железнодорожников.

«Хорошее обслуживание пассажиров является такой же важной обязанностью железнодорожников, как и продвижение поездов с военными грузами. На станции Саратов-1 об этой обязанности забыли. Для того чтобы попасть в поезд или получить обед в станционном буфете, пассажиру приходится перенести много мытарств.

Особенно много безобразий при посадке в московский поезд. Она начинается стихийно ещё во время формирования состава, причём ни начальник станции т. Бандалетов, ни оперативный пункт милиции, возглавляемый т. Головнёй, не принимают мер к тому, чтобы организованно производить посадку.

Вот как на днях происходила посадка на поезд № 27. Вагон № 7 на глазах у ожидающих пассажиров превратился в вагон № 9, а через некоторое время опять в вагон № 7. Люди, имевшие билеты в эти вагоны, не знали, куда им садиться. Женщины с детьми и узлами бегали от вагона к вагону. При посадке на перроне станции не было ни одного милиционера. Этот воз-

мутительный беспорядок лучше всего говорит о бездеятельности железнодорожной администрации и работников милиции на Саратовском вокзале. Э. Готлиб».

(«Коммунист», 26 марта 1942 г.)

Совершались и более серьёзные правонарушения и преступления.

«7 марта вечером шофёр Саратовского треста столовых и ресторанов В. А. Ковалёв, находясь в нетрезвом состоянии, проехал на легковой автомашине по ул. Орджоникидзе. Поравнявшись с трамвайной остановкой, у которой в это время происходила посадка пассажиров, Ковалёв наехал на группу граждан и сбил 5 человек. Из числа сбитых И. П. Коротков убит, Т. П. Полякова и Е. А. Маврина тяжело ранены.

Шофёр-автолихач пытался скрыться, но был задержан и привлечён к уголовной ответственности».

(«Коммунист», 10 марта 1942 г.)

«В конце навигации прошлого года были отмечены случаи хищения грузов из лабазы 2-го причала Саратовской пристани. Обычно груз принимался приёмосдатчиками в полной сохранности, но стоило ему полежать 2–3 дня в лабазе, как упаковка оказывалась вскрытой и часть груза похищенной. Таким образом, было похищено большое количество направлявшейся в адрес государственных организаций одежды, белья и других вещей. Удалось выяснить, что все эти хищения были связаны со временем дежурства приёмосдатчика 2-го причала И. И. Камшилова.

Обыском, произведённым речным отделением милиции на его квартире, было обнаружено много вещей, опознанных грузополучателями.

27 марта Саратовский областной суд разобрал это дело и, учитывая особую социальную опасность преступления, совершённого к тому же в военное время, приговорил И. И. Камшилова к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества».

(«Коммунист», 31 марта 1942 г.)

«Дежурный по станции Петровск Березин, весовщик Никифоров и составитель поездов Вторцев, обнаружив в одном из прибывших составов цистерну со спиртом, решили похитить часть этого ценного продукта, предназначенного для одного из оборонных предприятий страны. Преступники задержали отправление цистерны.

На следующую ночь, договорившись с бригадой маневрового паровоза, они вывели цистерну за переезд. Здесь к ним присоединились дежурный по станции Винокуров, сцепщики вагонов Мигалёв и Богомоллов, осмотрщик Чернецов и бросившие свои посты стрелочница Стульникова и путевые обходчики Козин и Юфина.

Похищенный спирт преступники растащили по квартирам. Желая замести следы своего преступления, Березин поручил весовщику Никифорову запломбировать цистерну. Однако это не помогло. Расхищение спирта было обнаружено, и преступники предстали перед судом.

Военный трибунал Рязано-Уральской железной дороги приговорил Березина, Никифорова и Вторцева, как главарей шайки расхитителей, к расстрелу, остальных участников хищения – к 10 годам лишения свободы».

(«Коммунист», 15 апреля 1942 г.)

Поплатились жизнью и оправдомами А. З. Антименкова и К. П. Миниханова, которые мошенническим путём присвоили 371 и 313 хлебных карточек соответственно.

(«Коммунист», 30 апреля 1942 г.)

Одним из главных событий весны 1942-го стало открытие в Саратове нового театра – обозрения и сатиры, художественным руководителем которого был назначен Б. Г. Рошин, накануне войны возглавлявший Интернациональный театр в Москве. Столице и была посвящена первая постановка, которую в пух и прах раскритиковал некто Б. Ярустовский.

Скорее всего, это Борис Ярустовский, выпускник и аспирант, а после войны профессор Московской консерватории, известный искусствовед и заслуженный деятель искусств РСФСР. Правда, в его биографии отмечено, что во время войны он возглавлял отдел культуры Главного политического управления Красной Армии и «принял энергичное участие в организации музыкальной жизни на фронте», но он вполне мог по делам службы бывать и в Саратове.

«...Связь <...> материала с темой Москвы предельно условна. Театр сбился на подражание, на заимствование знакомых ситуаций из репертуарных драматических произведений.

Сатиры в спектакле мало. И она не острая, не зубастая и, главное, не конкретная.

В спектакле много музыки, но песни, к сожалению, мало оригинальны и довольно однообразны. В таком спектакле хотелось бы услышать новую, запоминающуюся по своему мелодическому рисунку песню о советской столице. Можно было бы шире использовать и современные песни Отечественной войны».

(«Коммунист», 14 мая 1942 г.)

Досталось от Ярустовского по первое число и некоторым другим саратовским учреждениям культуры.

Так, театр им. Чернышевского критик упрекнул в том, что он для новой постановки выбрал оперетту Николая Стрельникова «Холопка». Она хоть и «смотрится с интересом», но «в горячие дни Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков наряду с весёлой опереттой наш зритель хочет увидеть большой патриотический оперный спектакль, насыщенный пафосом борьбы и победы. Есть ли для этого возможности? Да, безусловно, есть! Это прежде всего советские оперы – последний авторский вариант оперы «Чапаев» Мокроусова, «Суворов» Василенко, «Невеста солдата» Макарова-Ракитина, «Щорс» Лятошинского и другие. И в классическом наследстве можно найти немало созвучных нашим дням произведений: «Варвары» Сен-Санса, «Осада мельницы» Брюно, «Пруссаки в Чехии» Сметаны, «Нижегородцы» Направника – таков далеко не полный перечень произведений, которые прозвучали бы теперь по-боевому, отвечая большим патриотическим чувствам нашего советского слушателя».

(«Коммунист», 6 марта 1942 г.)

Ещё более жёстко раскритиковал Ярустовский «основную концертную организацию Саратова» – концертно-эстрадное бюро.

«У концертного бюро нет даже репертуарного плана. Состав и репертуар как открытых, так и закрытых концертов возникает случайно, в лучшем случае, за 2–3 дня до самого концерта. С актёрами не ведётся почти никакой

работы по обновлению репертуара, по повышению их квалификации. Именно поэтому в репертуаре артистов, связанных со словом (чтецы, вокалисты, фельетонисты и др.), нет ни одного произведения, полноценно отражающего мысли и чувства советского народа в дни Отечественной войны. За редкими исключениями, все имеющиеся в репертуаре произведения советских авторов относятся к довоенному времени».

(«Коммунист», 8 апреля 1942 г.)

Между тем в театре им. Карла Маркса состоялись две «серьёзные» премьеры: «Полководец Суворов» по пьесе И. Бахтерева и А. Разумовского, и «Волки и овцы» по пьесе А. Н. Островского, в постановке народного артиста РСФСР И. А. Слонова.

А в Московскую государственную консерваторию пришло письмо с фронта от командира Александра Михайловича Полещука. Он прислал 600 рублей, которые просил вручить лучшей студентке-пианистке.

«На фронте и в тылу мы куём победу над врагом, – написал он. – Победе будут посвящены чудесные музыкальные произведения. Быть может, их создадут будущие мастера музыки, которые учатся сейчас в консерватории».

В связи с этим дирекция и общественные организации консерватории объявили конкурс среди пианисток на лучшее исполнение произведений советских композиторов.

(«Коммунист», 8 мая 1942 г.)

Наконец, на исходе весны 1942-го Саратовское областное государственное издательство тиражом в 5 тыс. экземпляров выпустило сборник фронтовых стихов поэта-комсомольца Исаия Тобольского «Дорогой на Запад». Это был дебют саратовского поэта, ставшего впоследствии известным далеко за пределами Саратова.

ОСЕНЬ 1942-ГО

Осень 42-го – это, в первую очередь, сложный и решающий этап битвы за Волгу в районе Сталинграда. В такой ситуации Саратов стал опорой Сталинградского фронта. «Трудящиеся Саратова в этот тревожный час понимают, какая ответственная выпала на них задача – бесперебойно питать фронт оружием и боеприпасами, помочь Красной Армии устоять, отбросить и разгромить врага». В связи с этим на предприятиях и в учреждениях города прошли собрания, посвящённые «текущему моменту». Тому, как отреагировали на это рабочие одного из заводов («где директором тов. Буров»), была посвящена целая газетная страница.

«Ещё задолго до начала смены пришли на завод рабочие и работницы, чтобы послушать по радио сводку Совинформбюро. С заводской площади они устремились в цехи, где уже завершила работу ночная смена.

Докладчиков встречает напряжённая тишина. Все хотят услышать от руководящих работников области и города о том, что делает Саратов для помощи фронту, как готов он отразить натиск врага, какова обстановка на фронтах.

Докладчики не скрывают правды. Они говорят о том, что опасность для Родины возросла. Суровеют лица собравшихся, когда докладчики перечисляют города, занятые противником.

Твёрдой уверенностью в окончательной победе над врагом полны собравшиеся, слушая слова докладчиков о том, что наши бойцы развеяли миф о непобедимости германской армии, разгромив её под Москвой в прошлом году, прорвав нынешним летом германскую линию обороны на Западном и Калининском фронтах.

Фронт приблизился. Это означает, что надо крепить противовоздушную и общую оборону города, оборону каждого предприятия. Фронт приблизился. Это значит, что удельный вес саратовских предприятий, питающих фронт, значительно увеличился, что они обязаны работать ещё лучше, ещё производительнее.

Велика сила большевистского слова, взволнованного, правдивого. Одобрительными возгласами, аплодисментами встречали слова докладчиков о налётах советской авиации на германские города, о страшной каре, которую обрушат на немецко-фашистских мерзавцев советские люди.

Выступавшие на собраниях рабочие и инженеры, мастера и начальники цехов перед лицом возросшей опасности обещали ликвидировать отставание своего завода.

С горячим призывом обратились собравшиеся к защитникам Сталинграда с призывом стоять насмерть, не выдать Волгу врагу, а в ответ обещали работать, не жалея сил, дать фронту сполна нужную ему продукцию. Каждый цех принимал на своём собрании обязательства по выполнению сентябрьской программы. И обязательства эти звучали как клятва.

(«Коммунист», 4 сентября 1942 г.)

В начале сентября штаб местной противовоздушной обороны своим приказом потребовал: «Всем домовладельцам <...> вырыть щели с расчётом 100-процентного обеспечения живущих укрытиями».

Большую помощь органам власти в контроле за выполнением приказа оказывала общественность. В том числе газета «Коммунист». При её редакции даже была создана специальная бригада. Вот выдержки из отчёта одного из её рейдов:

«О состоянии МПВО в домах имени 8 Марта хорошо известно в штабах МПВО. Перед нами акт, подписанный 22 августа инженерами тт. Денисенко, Кресницкой и прокурором района т. Соколовой. Открытые щели, читаем мы в акте, замусорены, устроены технически неправильно, большинство их не имеет перекрытий, другие накрыты тонкими балками и грозят обвалом, насыпи часто составляют всего 10 см, не оборудованы входы и выходы в щели.

С тех пор прошёл месяц. Ничем не изменилось состояние щелей в этих домах.

Не сломлено у некоторой части жильцов безразличное отношение к сооружению щелей. Ярко выражают подобное отношение мать и дочь Бакмановы (последняя работает на фабрике-кухне).

«Замучили то щелями, то другими работами», – отвечают Бакмановы на предложение уполномоченного подъезда выйти на очистку щелей.

Уговоры уполномоченного Исаковой не действовали на обывательниц, до сих пор не осмысливших обстановки, в которой они живут. Пришлось прибегнуть к составлению акта. Это подействовало. На другой день Бакмановы перевыполнили заданную норму по очистке щелей».

(«Коммунист», 23 сентября 1942 г.)

Известно, что с 20 по 25 сентября 1942 года немецкая авиация совершила 6 крупных налётов на Саратов. Однако ни об одном из них газета не сообщила.

Огромную работу выполняли железнодорожники Рязано-Уральской железной дороги. Лучшие из них (167 человек) «за самоотверженную помощь фронту» в сентябре были награждены орденами и медалями. Их вручил в Саратове председатель Саратовского облисполкома, депутат Верховного Совета СССР Иван Власов. Награждённые отправили главе государства Иосифу Сталину письмо:

«Принимая сегодня эту высокую награду, мы заверяем Вас, дорогой товарищ Сталин, что удесятерим помощь фронту и с ещё большей энергией будем работать для достижения победы над злейшим врагом всего прогрессивного человечества – кровавым немецким фашизмом».

«Слово вождю – это клятва, – писал «Коммунист». – Новый отряд орденосцев Рязано-Уральской её не нарушит. Непоколебима решимость железнодорожников, родных братьев Красной Армии, до последнего вздоха стоять на своих постах, с честью выполнять свой патриотический долг перед Отечеством».

(«Коммунист», 23 сентября 1942 г.)

«26 ноября слесарь-тысячник завода комбайнов Николай Романец добился невиданной производительности труда. Сменная норма выполнена им на 2181 процент. Таким образом, он с честью выполнил своё обязательство – дать ко Дню Сталинской Конституции 20 норм.

– Меня вдохновило, – говорит Романец, – наступление наших войск под Сталинградом. Под впечатлением сообщений об успехах Красной Армии я решил перекрыть своё обязательство.

Те же детали, какие делает Романец, обрабатывают слесари Лукьянов, Аришинников, Кошкин и другие. Это высококвалифицированные слесари. Им удаётся выполнить до 5 норм.

Максимальная выработка Романца до сих пор составляла 1700 процентов. Мастер ритма, виртуоз продуманных, просчитанных до секунды движений, т. Романец смог повисить свой ремонт.

«Моё наступление в труде я буду продолжать, – говорит т. Романец, – уверен, что теперешний рекорд не предел. Будут ещё лучшие результаты».

(«Коммунист», 28 ноября 1942 г.)

А на селе в самый разгар сбора урожая главным стал лозунг: «Каждый своевременно убранный колос – пуля по ненавистному врагу!»

Несмотря на трудности военного времени, народ находил возможность из последних сил помогать фронту, а власть – оказывать помощь наиболее уязвимым слоям населения. С 1 октября в Саратове при нескольких магазинах были открыты специальные хлебные и продуктовые отделения для инвалидов войны и их иждивенцев, была организована дополнительная продажа (по карточкам, конечно) продуктов для беременных и кормящих женщин, а в ноябре при протезно-ортопедическом госпитале («где начальником т. Окунь») были организованы курсы колхозных счетоводов и бухгалтеров, курсы колхозных бригадиров-животноводов, пчеловодов, киномехаников, курсы по изучению сапожного мастерства. «Особой популярностью среди инвалидов Отечественной войны пользуются курсы по животноводству, занятия на которых прово-

дят преподаватели Саратовского зооинститута, – писала газета. – Инвалиды Отечественной войны, получившие новые специальности, направлены на работу в колхозы и совхозы области». («Коммунист», 28 ноября 1942 г.)

По-прежнему делалось всё, чтобы использовать резервы региона в целях бесперебойной работы предприятий. Одним из таких резервов в то время, когда не хватало «привычного» топлива, стал газ, запасы которого были обнаружены в окрестностях Саратова. В октябре началось строительство газопровода, который бы доставлял «новое» топливо до Саратовской государственной районной электростанции (ГРЭС):

«Использовать богатство окрестных газоносных районов, дать в топку СарГРЭС отличное топливо – вот задача, которая поставлена перед коллективом городской коммунальной стройки. Осуществить эту задачу – значит обеспечить бесперебойное снабжение саратовских предприятий энергией. Вот почему с таким напряжением работает коллектив строителей, вот почему втрое и впятеро перевыполняют свои нормы лучшие стахановцы – землекопы и сварщики, слесари-монтажники и такелажники, прокладывающие трубы от места выхода газа до котельной СарГРЭС».

(«Коммунист», 18 октября 1942 г.)

Несмотря на боевой настрой основной массы саратовцев, оставались проблемы, которые появлялись из-за нерадивости некоторых руководителей.

«На заводе, где директором т. Буров, очень плохо заботятся о создании элементарных бытовых условий для рабочих. По вине жилищно-коммунального отдела, которым руководит т. Этингоф, заводские общежития запущены, подготовка их к зиме не начата.

В общежитии, где комендантом т. Шилип, окна не застеклены, двери не отремонтированы, неисправна отопительная сеть, не заготавливаются дрова на зиму. Комендант по неделям не бывает в общежитии. Такое же положение в общежитиях № 42–46 (комендант т. Шмелёв). На неоднократные требования рабочих навести порядок в общежитиях работники жилищно-коммунального отдела внимания не обращают.

Ничего не делает отдел и для того, чтобы подготовить к зиме рабочие квартиры. Во многих рабочих домах испорчен водопровод, неисправны топки, не проверены дымоходы.

Особенно недопустимо относятся работники отдела к рабочим, прибывающим на завод по мобилизации облисполкома. По целым неделям многие мобилизованные живут в совершенно непригодных для жилья помещениях, спят на голом полу в коридорах общежитий. Так, например, 31 человек, прибывший из Краснокутского района, в течение 6 дней спал на полу в общежитии № 44, после чего 23 из них уехали обратно в район. Всё это произошло потому, что работники жилищного отдела Этингоф и Поляков не подготовили своевременно освободившиеся бараки стройтреста и задержали распределение свободной площади».

(«Коммунист», 8 октября 1942 г.)

«Город на пороге зимы. По самым скромным подсчётам, на зиму Саратову нужно свыше миллиона кубометров дров. Наиболее благоприятное время для их заготовки уже проходит. Между тем на 1 октября заготовлено (всего вместе с оставшимися от прошлого года) 287 тыс. кубометров дров, из которых завезено в Саратов 153 тысячи.

Почему срывается разрешение этой важнейшей военно-хозяйственной задачи? Потому что в организациях, призванных руководить этим делом, царят преступная беспечность и безответственность.

В горисполкоме руководство дровозаготовками возложено на заместителя председателя исполкома т. Ерёмину. Но, как он руководит этим важнейшим делом, видно хотя бы из того, что 7 октября т. Ерёмин мог сообщить данные о состоянии дровозаготовок лишь на 20 сентября.

Такая же бесхозяйственность характерна для всей работы горисполкома по заготовке дров. 24 августа он вынес решение о мобилизации на работу по заготовке дров трёх тысяч человек городского населения. Фактически же за полтора месяца мобилизовано только 186 человек. И никто так и не был привлечён к ответственности за срыв мобилизации.

Мобилизация! Да разве подходит это слово к самоуспокоенным бездельникам из исполкома Фрунзенского райсовета, где за всё время сумели послать на дровозаготовки трёх человек! Отдаёт ли себе отчёт председатель исполкома т. Сиринов в том, что он персонально несёт ответственность за топливоснабжение трудящихся района?

Очень плохо организованы работы в лесу. Техническое руководство ими возложено на Леспромтрест (директор т. Лапшин), управление лесоохраны (директор т. Шаталов) и Леспромхоз (управляющий т. Бахарев). Ни одна из этих организаций не создала самых элементарных условий для успешной работы лесорубов. Слабо построено обучение новичков приёмам работы. Не хватает инструмента. Только сейчас приступили к изготовлению лучковых пил канадского типа на одном из саратовских заводов. Среди дровосеков не проводится никакой культурно-массовой работы: нет ни газет, ни радио, не проводится никаких бесед.

Особенное опасение вызывают транспортировка дров из леса и их сплав. Нарубили дрова бригады лесорубов с завода комбайнов и завода им. Ленина, а вывозят их очень плохо. Говорят, не хватает транспорта. Но ведь и выделенный транспорт простаивает. Горисполком недавно послал в лес 157 лошадей, но без ездовых и конюхов. Вывозкой приходится заниматься самим лесорубам, и это ещё больше снижает темпы заготовок.

Горькие плоды приносит беспечность и безответственность. Ход дровозаготовок по г. Саратову требует немедленного и решительного вмешательства в это дело. Пока ещё есть время, надо навести военный порядок на дровозаготовках. Б. Неводов».

(«Коммунист», 14 октября 1942 г.)

Беспокоила общественность и работа трамваев, в то время основного вида транспорта, который доставлял саратовцев до предприятий и учреждений. Из-за несвоевременного и некачественного ремонта «подвижного состава» и неразберихи с графиками движения трамваи ходили с большими перебоями:

«Только на одном заводе, где главным инженером тов. Богомолов, за 10 месяцев текущего года из-за трамвая произошло 1300 опозданий, каждое в среднем по 15 минут. Несколько сот рабочих часов пропало впустую по вине трамвая только на одном заводе! По городу эти потери составляют весьма значительную цифру. Трудящиеся Саратова, отдающие все свои силы на то, чтобы помочь фронту, старающиеся использовать каждую минуту большого рабочего дня, не могут мириться с такой работой трамвая. Саратовский трамвай серьёзно болен, ему нужно помочь!»

(«Коммунист», 13 ноября 1942 г.)

Отмечались и случаи более серьёзных нарушений, на которые чиновники далеко не всегда реагировали должным образом.

«Рабочий пекарни из артели им. Р. Люксембург Фурманов украл на производстве 7 кг хлеба. Из объяснений Фурманова вытекает, что свой поступок он даже не считает кражей, т.к. по 2–3 буханки хлеба «берут себе все рабочие».

И Фурманов не лжёт. Бригадир Пипенин, в смене которого работал Фурманов, не только не пытался обнаружить кражу, но при сдаче хлеба в экспедицию сам утаил около 10 буханок хлеба «для нужд» бригады. Обо всём случившемся было доложено председателю правления Бочкарёву. Ожидали, что факты хищения станут предметом обсуждения, а бригадир Пипенин понесёт наказание, но этого не случилось. Наоборот, на собрании доверенных председатель артели даже рекомендовал ввести Пипенина в члены правления. Таким образом, в артели им. Р. Люксембург не только не создано нетерпимого отношения к хищениям государственного добра, но, наоборот, созданы широкие возможности к безнаказанному воровству.

Бригадир получает со склада муку. Он не отчитывается за эту муку выпеченным хлебом с припёком по установленной норме. Он сдаёт хлеб буханками, при этом каждый день до 30 буханок оседает в пекарне только на нужды самого бригадира и его сподручных. Экспедиторы записывают в черновике число принятых буханок. К утайке хлеба бригадиром они прибавляют ещё собственную утайку. И в тетради учёта выпечки по обоюдному согласию произвольно балансируется число выпеченных и число сданных в экспедицию буханок.

Потакают этой преступной практике сами руководители артели, создавшие атмосферу семейственности, круговой поруки и безнаказанности воровства. Член правления Иванченко без ведома заведующего пекарней берёт 4 буханки хлеба якобы для расплаты с рабочими за вывоз мусора. 10 буханок таким же способом берёт кладовщик Царьков.

В кладовой артели растащено два мешка муки 72-процентного помола. Без особого труда кладовщик списывает недостачу как выданное в производство. Здесь её покрыли припёком. Руководителям артели и в голову не приходит квалифицировать сокрытие припёка как воровство.

При пекарне существует хлебный ларёк. Нарядом горторготдела в нём разрешено продавать ежедневно рабочим 60 кг коммерческого хлеба – по 200 г на каждого. Этим широко пользуются для разбазаривания хлеба. По устному распоряжению руководителей артели продавщица отпускает буханку-две любому из их многочисленных приятелей.

Так преступно расхищаются тонны хлеба. Любопытно, что сигналы о хищениях хлеба в артели известны горторготделу. Они известны и председателю Облкоопинсоюза тов. Носову. Однако они не вмешиваются в дела пекарни, как не вмешиваются и в дела других производств артели, в частности, завода безалкогольных напитков, где десятки килограммов сахара воруют путём нехитрых махинаций в производстве сиропов. А. Слёзкин».

(«Коммунист», 9 сентября 1942 г.)

А вот группа железнодорожников за воровство поплатилась лишением свободы:

«За последнее время органы следствия установили, что некоторые железнодорожники незаконно провозят продовольствие в пассажирских и товарных поездах, а также на паровозах.

Дела об этих «мешочниках» на днях рассмотрены Военным трибуналом Рязано-Уральской железной дороги. Установлено, что кондукторы и провод-

ники пассажирского поезда № 87/88 Бизяев, Ушинин, Пулин, Максимова, Левенцова, Сеницын и Коростелёва, находясь с поездом на станции Александров Гай, закупили большое количество муки, пшеницы, пшеница и проса и, пользуясь своим служебным положением, везли всё это в вагонах пассажирского поезда.

За «мешочничество», связанное со злоупотреблением служебным положением и нарушением трудовой дисциплины, Военный трибунал приговорил Ушинуна, Пулина и Левенцову к трём годам лишения свободы. Бизяева, Максимову, Коростелёву и Сеницына – к четырём годам.

Начальник почтового вагона поезда № 87/88 Белоусов провёз 32 кг купленной по дороге пшеницы. Главный кондуктор Покровского резерва Костромин провёз на товарном поезде 32 кг муки».

Первому дали три года, второму – пять.

(«Коммунист», 27 ноября 1942 г.)

Из событий осенней культурной жизни Саратова наиболее значительными стали открытие театра музыкальной комедии и премьеры знаменитой Седьмой симфонии Шостаковича.

«Новый театр показал оперетту Рябова «Коломбина», насыщенную мелодичной музыкой. Режиссёр, художественный руководитель театра М. С. Сологуб умело использовал материал «Коломбины», сделав яркий и жизненный спектакль. Особенно привлекателен первый акт, в котором есть и театральность, и изобретательность в декоративном оформлении, и динамичность действия. Хорошо звучит оркестр, руководимый дирижёром М. П. Рязановым.

Успеху спектакля способствует ансамбль исполнителей. В числе их А. М. Масалёва, даровитая актриса, легко и темпераментно играющая Этельку, и актёр С. М. Ротмистров, создавший яркий образ Кайтана. Удачно показали себя в спектакле В. А. Ильинская (Коветта), А. И. Арбатов (Пикадор) и В. П. Селюков (Филипп).

Эффектно поставлены балетмейстером А. Калашниковым танцы. Чётким пластическим рисунком отличается, в частности, танец «Пантера» в исполнении хороших танцоров Валентины и Леонида Калашниковых и Михаила Иванова и цыганский танец, который изящно исполнила В. Верт.

Вторым спектаклем театр показал музкомедию «Ночь в июне» (музыка Рябова и Блантера, текст Юхвида и Алексеева). В ней рассказывается о советской интеллигенции, с первого дня Отечественной войны отдающей свои силы делу защиты нашей Родины...

Получился малоубедительный спектакль с целым рядом недостатков в музыкальном и драматическом исполнении». А. Михайлов.

(«Коммунист», 18 сентября 1942 г.)

1 ноября в Большом зале Саратовской консерватории оркестр Московской государственной консерватории им. Чайковского исполнил «шедевр советской музыкальной культуры» – Седьмую симфонию Шостаковича.

В заключение концерта слушатели послали приветственную телеграмму: «Прослушали Седьмую симфонию. Потрясены. Благодарны. Желает дальнейших творческих успехов. Аудитория первого концерта».

Шостакович прислал ответную телеграмму: «Горячий привет слушателям моей Седьмой симфонии. Очень тронут и благодарен за присланный привет. Большая благодарность и пожелание творческих успехов артистам оркестра и дирижёру Григорию Столярову».

(«Коммунист», 3 ноября 1942 г.)

А в ноябре были подведены итоги конкурса на создание одноактных пьес и массовых песен, объявленного Саратовским домом народного творчества.

По пьесам первую премию решили не присуждать. Вторая досталась И. М. Мухину за пьесу «Белый ангел» (девиз: «Уметь побеждать всё, даже смерть»): «Эта пьеса о немецких парашютистах отличается динамичностью действия, занимательностью сюжета и конкретностью в обрисовке характеров действующих лиц».

Первую «песенную» премию получила «Боевая песня» (музыканта МХАТ Н. В. Баклановой на стихи артиста МХАТ В. А. Вербицкого), вторую – «Наши генералы» (муз. А. Г. Лазарева на стихи И. Финка), третью – «Военная песня» (муз. А. Г. Лазарева на текст А. Кольцова «в стиле русской народной песни-былины»).

(«Коммунист», 13 ноября 1942 г.)

Из других событий культурной жизни следует выделить премьерный показ в саратовских кинотеатрах фильма «Парень из нашего города» по пьесе К. Симонова («первая художественная кинокартина об Отечественной войне»), премьеру спектакля по пьесе Корнейчука «Фронт» в Саратовском драмтеатре и организацию при Саратовском доме Красной Армии драматического театра.

ЗИМА 1942–1943 ГГ.

Зима 1942–1943 гг. отмечена небывалым подъёмом патриотизма в тылу: по всему Советскому Союзу прокатилась волна массовых кампаний по сбору средств на строительство самолётов и танков для фронта. В Саратовской области одним из первых «жертвователей» стал Ферапонт Головатый, который на свои деньги, заработанные на продаже мёда, купил самолёт и подарил его земляку-саратовцу Борису Ерёмину, командиру 31-го гвардейского истребительного авиаполка 8-й воздушной армии. В «Коммунисте» было опубликовано письмо лётчиков, направленное главнокомандующему Иосифу Сталину:

«...Получая этот дорогой подарок, мы, гвардейцы части тов. Ерёмина, даём клятву колхозникам, всему советскому народу и Вам, нашему любимому и мудрому полководцу, что заботу нашего народа, его доверие к нам мы оправдаем с честью. Будем драться умело, храбро и мужественно, как дрался наш боевой лётчик Жердый, который в одном воздушном бою сбил два вражеских самолёта и, когда расстрелял все боеприпасы, таранил третий самолёт и погиб смертью героя.

Ведя серьёзную и сложную работу – разведку войск противника, мы сбили в воздушных боях 110 самолётов врага. Наши лучшие разведчики-истребители – капитан Сугак, капитан Решетов, ст. лейтенант Безгребельный, мл. лейтенант Самуйлик – летают в любое время на разведку и дают ценные сведения, по которым бомбардировщики и штурмовики громят и истребляют немецкие танки, самолёты и железнодорожные эшелоны противника.

Подарок колхозника Ферапонта Головатого воодушевляет нас и обязывает ещё сильнее громить врага в воздухе, истребляя его живую силу и технику. Мы сделаем всё, чтобы ускорить час окончательного разгрома немецких захватчиков... Гвардейцы части, которой командует гвардии майор Б. Ерёмин.

(«Коммунист», 7 января 1943 г.)

Почин Головатого в Саратовской области подхватили повсеместно. «Каждый день в Саратов приезжают делегации районов, колхозов, бри-

гад, – писал «Коммунист» 17 января 1943 года. – Посланцы колхозной деревни везут средства на приобретение боевой техники в подарок защитникам Родины, передают руководителям области горячие заверения колхозников и колхозниц отдать все силы, все средства на помощь Красной Армии, рапортуют о готовности встретить и провести по-фронтовому предстоящий весенний сев».

Вот только несколько примеров:

Медицинские работники Хвалынского района единодушно решили построить на свои сбережения в подарок Сталинградскому фронту санитарный самолёт «Хвалынский медик». В фонд постройки самолёта уже собрано 150 тыс. рублей. Врачи Радищева и Лапшина внесли по 1 тыс. рублей, Раскина и Ковалёва – по 900 рублей.

Трактористы тракторной бригады № 17 Благодатинской МТС Усов, Греков, Сиротин и Пудовкин внесли в отделение банка на строительство боевого самолёта 65 тыс. рублей.

В фонд постройки самолётов внёс 15 тыс. рублей колхозник сельхозартели им. Ворошилова Русаков, и 5 тыс. – бригадир тракторной бригады № 8 Благодатинской МТС Гордеев.

(«Коммунист», 12 января 1943 г.)

Всё чаще газета писала о помощи раненым, лечившимся в саратовских госпиталях.

«Первого января во всех палатах н-ского госпиталя зажглись весёлые новогодние ёлки. С гордостью ходили из палаты в палату организаторы этих ёлок – юные пионеры.

Раненых бойцов глубоко тронуло внимание маленьких друзей, пионеров саратовской средней школы № 19. Словами горячей благодарности наградили они своих юных шефов.

...Редкий день в госпиталь не заглядывают пионеры 19-й школы. Сколько заботы и внимания, сколько хорошей выдумки отдают они на то, чтобы скрасить раненым бойцам их пребывание в госпитале, помочь им поскорее поправиться.

Пионеры следят за чистотой в подшефных палатах, приносят выздоравливающим книги, бумагу для писем, карандаши, заботливо ухаживают за слабыми больными.

Недавно пионеры выстирали и починили подшефному госпиталю 220 пар белья.

Шефство над госпиталем – только одно из многих славных дел пионерского отряда 19-й средней школы г. Саратова. Хорошо руководит отрядом старшая пионерская вожатая школы, комсомолка Мира Лейбельман».

(«Коммунист», 31 января 1943 г.)

Ждали проявления внимания и на фронте. Помимо материальной помощи бойцы нуждались в моральной поддержке. В одном из номеров газеты были опубликованы письма молодых фронтовиков под общим названием «Пишите нам, девушки!»:

«Дорогие землячки-саратовки! Только что закончился горячий бой. Мы вели его в течение нескольких суток, очищая родную землю от погани фашистской. И вот сейчас мы находимся в деревне, час назад освобождённой от врага. Бойцы отдыхают после напряжённого, тяжёлого боя, а мы сидим, вспоминаем о вас и решили вам написать.

Знаем, как много делаете вы для нас, ваших боевых друзей. Спасибо вам! Не отставайте и дальше от фронтовиков в борьбе за нашу желанную победу, за наше счастье и радость. С каждым часом мы бьём и будем ещё крепче бить врага.

Пишите же нам, девушки!

С боевым приветом, Николай Жбанков, Лев Волков, Георгий Мокрушин, Василий Пасхин. 301-я полевая почта, часть 261».

«Пять лет служу я в Красной Армии. Вместе с ней я перенёс тяжёлые дни, когда, изматывая врага, мы отходили, участвовал в обороне Одессы, затем дрался на юге. Сейчас я дерусь на одном из фронтов, откуда сообщения Советского информбюро несут вам радостные вести.

Вот только одно плохо. Сидят товарищи в землянке или в окопе после боя и читают письма из тыла, а мне писем нет. Мои родные погибли от рук фашистских палачей. А хочется и мне читать тёплые, родные слова. Я прошу вас, товарищ редактор, напечатать эти мои строки. Кто-нибудь найдёт свободную минуту и напишет мне хоть пару строк. Я буду очень благодарен и обязуюсь за это ещё крепче бить подлых фашистов.

Почекин Леонид Васильевич. 1839 ППС, часть 350».

(«Коммунист», 17 февраля 1943 г.)

А в тыловом Саратове проблемы были более прозаичные, хотя и острые. Одна из главных – чистота и благоустройство.

«Особого внимания заслуживает вопрос об очистке улиц ото льда и снега. Даже центральная часть города засыпана огромными сугробами, а многие улицы превращены в настоящий каток. Лёд не только не скальвается с тротуаров, но даже не посыпается золой. Как только ветер сметает выпавший за ночь снег, улицы города становятся непроходимыми».

(«Коммунист», 9 декабря 1942 г.)

Для контроля за состоянием чистоты на улицах и во дворах при редакции газеты «Коммунист» была специальная бригада. Первым был опубликован её отчёт о рейде по ул. Первомайской, в квартале между улицами М. Горького и Вольской:

«Дом № 108. На улицу выходит фасад большого каменного здания с красивым подъездом. У дверей парадного входа мы встретили первые трудности: створка широкой парадной двери наглухо забита и засыпана снегом. Завалена снегом также и вторая половина двери: открывается она из-за этого не больше, чем на одну треть. В образовавшуюся щель, лавируя между снежными сугробами, один за другим с трудом прошли мы в дом..»

Нерадивая хозяйка – уполномоченная дома № 108 Корш. Ещё с осени кто-то из жильцов этого дома засорил канализационную трубу. Вся система вышла из строя, но это не потревожило беспечных обитателей дома и его уполномоченную. Они быстро примирились с отсутствием канализации и превратили свой двор – место, где они ежедневно бывают и где гуляют их дети – в огромную мусорную яму, в свалку нечистот...»

(«Коммунист», 4 февраля 1943 г.)

Наплевательское и безответственное отношение проявлялось не только в городском, но и в железнодорожном хозяйстве, что в военное время было особенно возмутительно.

«Можно привести много фактов, когда вагоны подолгу простаивали под погрузкой и выгрузкой из-за беспечности клиентов. Крайне запущены подъездные пути, ведущие к Савельевским сланцевым рудникам. Директор рудни-

ков т. Семенихин надеется на железную дорогу и сам не принимает никаких мер к расчистке и содержанию в должном порядке путей. Безответственно относятся к работе транспорта руководители вольского цементного завода «Комсомолец» (директор т. Ястребов). Из-за того что здесь не организовали погрузо-разгрузочные работы, вагоны простаивают по несколько суток.

Возмутительную беспечность проявляют и руководители завода «Серп и молот». На разгрузочном дворе Саратов-II давно лежит груз, пришедший на адрес завода. Подобным безобразиям надо положить конец. А. Царьков, секретарь Саратовского обкома ВКП(б) по транспорту».

(«Коммунист», 4 февраля 1943 г.)

Но особенно возмутительным было поведение управляющего Савельевским сланцевым рудником (теперь пос. Горный) Семенихина, который отказывался помогать жёнам фронтовиков, аргументируя это тем, что они на руднике не работают.

«Не наши люди», – так сказали жене красноармейца Шаруева, выгнав двух её ребят из рудничного детсада на том основании, что сама т. Шаруева на шахте не работает, хотя известно, что она инвалид и работать не в состоянии.

«Не наши люди», – сказали жене красноармейца т. Пух в ответ на её просьбу помочь приобрести одежду и топливо.

«Не наши люди», – услышала в ответ на свою просьбу о помощи и жена красноармейца т. Горбачёва, работавшего до войны на шахте № 1.

Когда на рудник прибыла партия промтоваров, Семенихин запретил выделить хоть что-нибудь для самых нуждающихся семей фронтовиков. Своё распоряжение он пытался прикрыть такими соображениями: промтовары присланы, дескать, для стимулирования добычи сланца и ни на какие другие цели их расходовать нельзя.

«Однако подлинное лицо Семенихина раскрывается при распределении этих товаров, – писал «Коммунист». – «Стимулирование» добычи сланца Семенихин решил начать... с обеспечения себя. Он взял 9 ордеров на промтовары, в том числе на каракулевый сак, кожаное пальто, два отреза на костюм, туфли и т.д., всего на 13 тыс. рублей. Щедро оделил Семенихин секретаря парткома рудника Рябцева, которому выдал 11 ордеров на различные промтовары. 12 ордеров получил начальник отдела капитального строительства Марченко. Восемь ответственных работников рудоуправления получили 63 ордера. Не были забыты и лица, которые хотя и не имеют непосредственного отношения к руднику, но нужны Семенихину. Отрез на костюм получил райпрокурор т. Гаврилов, пальто и отрез выдали на судье т. Васильевой и даже приехавшему в командировку на рудник работнику Главсланца преподнесли 5 ордеров на промтовары, в том числе кожаное пальто, отрез на костюм и т.д.».

(«Коммунист», 21 февраля 1943 г.)

Корреспонденты И. Аграновский и С. Рогинский назвали антигероев своей статьи шкурниками и потребовали сурово их наказать.

Прислушались ли к журналистам, осталось неизвестно. А вот председателя колхоза «Серп и молот» Ершовского района Уполовникова лишили свободы на 10 лет за невыполнение плана государственных хлебопоставок: он засыпал в семфонд на 1787 ц зерна больше, чем собрано было с семен-

ных участков, незаконно израсходовал на внутривозрастные нужды 975 ц хлеба и оставил неубранным урожай с 150 га пшеницы и 50 га проса.

На 10 лет был осуждён и начальник снабжения саратовского участка Воготанкера С. Г. Ковалёв. Он присвоил более ста продуктовых карточек, которые были заказаны в одной из саратовских типографий для плавсостава нефтекараванов на право получения дополнительных продуктов. При обыске у Ковалёва было обнаружено 157 карточек на право получения 254 кг хлеба, 62 кг колбасы, 15 кг сахара и 15 кг табака.

За подобные манипуляции поплатился мастер 14-го ремесленного училища г. Саратова Н. Д. Гребнев (5 лет лишения свободы):

«В обязанности его входило получение из бухгалтерии талонов на обеды, завтраки и ужины для передачи их воспитанникам училища. Однако Гребнев представлял неправильные списки в бухгалтерию и систематически занимался хищением продуктов, предназначенных для питания учащихся.

Предварительным следствием и материалами судебного заседания установлено, что за одну только декаду Гребнев присвоил 184 кг хлеба и около тысячи порций обедов, ужинов и завтраков. Украденный у государства хлеб он перепродавал на рынке».

(«Коммунист», 20 февраля 1943 г.)

Из событий культурной жизни Саратова выделяется несколько.

Во-первых, премьера американского приключенческого фильма «Три мушкетёра»:

«Советский зритель, с горячей симпатией относящийся к дружественному, свободолюбивому американскому народу, с живым интересом примет этот увлекательный, остроумный и весёлый фильм».

(«Коммунист», 11 декабря 1942 г.)

Во-вторых, в Саратовском художественном музее им. Радищева на постоянной выставке «Великая Отечественная война» открылся новый отдел, посвящённый героической обороне Сталинграда. В отделе представлены плакаты, фотодокументы и трофейное оружие:

«Небольшая пушка, захваченная при отступлении у немцев, обгоревшие пулемёты, австрийские, польские, бельгийские винтовки. Наряду с новейшими видами оружия попадают сильно устаревшие образцы. Смех посетителей вызывает трёхкилограммовый «эрзац-валенки» – обувь немецких солдат».

(«Коммунист», 23 декабря 1942 г.)

В-третьих, «на сцене областного оперного театра им. Чернышевского состоялся дебют молодых украинских артистов, солистов фронтового ансамбля красноармейской песни и пляски. Дебютанты выступили перед саратовцами в ответственных партиях оперы «Фауст».

(«Коммунист», 20 февраля 1943 г.)

В-четвёртых, в Саратовском областном театре кукол состоялась премьера: пьеса П. Малияревского «Счастье» по мотивам бурят-монгольского фольклора. «Успеху постановки способствуют умело сделанные куклы, красочные костюмы, удачное музыкальное и художественное оформление, – писал «Коммунист».

Однако не обошлось без ложки дёгтя:

«Совершенно недопустимо, что в антрактах дети предоставлены сами себе, никто из работников театра не проводит с ними игр, бесед, не органи-

зует культурный отдых. Больше того, создаётся впечатление, что юных зрителей крайне неприветливо встречают. Вестибюль и лестницы не освещены, вешалка на утренних спектаклях не работает. Фойе-аквариум, принадлежавшее ранее театру кукол, превращено сейчас в общежитие актёров музкомедии».

(«Коммунист», 8 декабря 1942 г.)

А в декабре 1942-го Саратов широко отметил 25-летие Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). «Торжественное собрание представителей украинского народа с участием советских, партийных и общественных организаций» состоялось в театре им. Н. Г. Чернышевского. Из речи депутата Верховного Совета УССР Луценко:

«За годы советской власти Украина превратилась в могучую индустриальную страну, страну наиболее передового, высокопродуктивного земледелия. На Украине были построены сотни новых заводов, фабрик, шахт, более тысячи машинно-тракторных станций, множество школ, больниц, санаториев, театров, клубов, детских учреждений и т.п. Под руководством большевистской партии своим упорным, плодотворным трудом украинский народ добился зажиточной, культурной жизни».

(«Коммунист», 27 декабря 1942 г.)

А в феврале 1943-го Газетно-книжное издательство Саратовского обкома ВКП(б) выпустило сборник материалов «Смерть детоубийцам!».

«Первые три раздела («Товарищ, кровь детей зовёт к мести!», «Документы о чудовищных злодеяниях гитлеровских палачей», «Папа, убей немца!») рассказывают о неслыханных издевательствах и зверствах, которым подвергают немецко-фашистские изверги советских детей.

Статьи из раздела «В нашей стране не будет сирот!» посвящены славному движению советских патриотов, согретых тёплой заботой, вниманием и лаской детей, пострадавших от злодеяний гитлеровских убийц.

В последнем разделе рассказывается о той заботе, которую проявляют трудящиеся Саратовской области о детях».

(«Коммунист», 21 февраля 1943 г.)

Газеты читал Юрий Каргин

(Продолжение следует.)

Виктор Лисин с мамой – Валентиной Ивановной Баландиной

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».
Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:
Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.
Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 16 августа 2022 года.
Дата выхода в свет 31 августа 2022 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/16082
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2022.
© «Волга–XXI век», 2022.

Семья Лисиных

Виктор Лисин и Алексей Герасимов

Калининградская область. «Куршская коса». 2022

